

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
им. А.С. ПУШКИНА

ММ

XXX–XXXI ПУШКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

*Сборник материалов
по итогам Международных
научно-практических конференций
«XXX ПУШКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ»,
«XXXI ПУШКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ»*

Москва
2023

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
им. А. С. ПУШКИНА

XXX–XXXI ПУШКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

*Сборник материалов
по итогам Международных
научно-практических конференций
«XXX ПУШКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ»,
«XXXI ПУШКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ»*

Москва
2023

УДК 821.161.1 + 378

ББК 84(2)

П 91

*Рекомендовано к изданию Редакционно-издательским советом
Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина.
Протокол № 8 от 3 марта 2023 года*

Редакционная коллегия:

В. И. Аннушкин, доктор филологических наук, профессор

Э. М. Афанасьева, доктор филологических наук, доцент (научный редактор)

И. С. Леонов, доктор филологических наук, доцент

А. В. Пашков, кандидат филологических наук, доцент

Рецензенты:

В. И. Карасик, доктор филологических наук, профессор

К. И. Шарафадина, доктор филологических наук, профессор

П 91 XXX–XXXI Пушкинские чтения. Сборник материалов по итогам
Международных научно-практических конференций «XXX Пушкин-
ские чтения», «XXXI Пушкинские чтения» [Электронный ресурс]. –
Москва : Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2023. – 131 с.

Статьи публикуются в авторской редакции.

ISBN 978-5-98269-322-8

Предлагаемое издание – сборник материалов по итогам двух Между-
народных научно-практических конференций – XXX и XXXI Пушкин-
ских чтений, прошедших в Государственном институте русского языка
им. А. С. Пушкина в 2020 и 2021 годах. Мероприятия прошли в дистанци-
онном формате в связи с вынужденной изоляцией, связанной с распро-
странением коронавирусной инфекции.

Сборник состоит из двух разделов. В первом – «А. С. Пушкин и феномен
русской классики» – представлены исследования литературоведов, лингвистов,
дипломатов. Во втором – «Работы молодых исследователей» – публикуются
статьи студентов российских вузов.

В 2021 году праздновался юбилей доктора филологических наук Э. М. Афа-
насьевой, руководителя Пушкинских проектов Института Пушкина, в связи
с чем в рамках Пушкинских чтений были предложены темы, связанные
с кругом ее научных интересов: творчество А. С. Пушкина и поэтов пушкин-
ского круга, молитвенная лирика русских поэтов, литературная дипломатия.

УДК 821.161.1 + 378

ББК 84(2)

ISBN 978-5-98269-322-8

© Государственный институт русского
языка им. А. С. Пушкина, 2023

Содержание

Предисловие. Афанасьева Э. М. Пушкинские чтения 2020–2021 годов. . . . 6

А. С. Пушкин и феномен русской классики

Афанасьева Э. М.

Пушкинский код и коллективная память: пандемия 2020–2021 годов . . . 16

Малкина В. Я.

Визуальная образность и лирический сюжет
в стихотворении А. С. Пушкина «Прозерпина» 27

Димитров Л.

Пушкинская драма «Русалка»: neverending story 33

Юй Сяньюе

Лирическая миниатюра в поэзии А. С. Пушкина:
вопросы генезиса и поэтапного развития 40

Иванчук И. А.

«Стихия народной речи» в переводах А. С. Пушкиным
баллад А. Мицкевича 45

Савченко Т. К.

Парный тандем «Пушкин – Лермонтов» в литературной критике
Серебряного века: Василий Розанов 51

Сорокина М. Ю.

Русский пушкинист в Белграде: Всеволод Прокофьев (1908–1983),
его судьба и наследие 59

Арсеньев А. Б.

Остоя Джурич. Пушкинский юбилей в Белграде (1837–1937).
(Подготовка текста и перевод с сербского – А. Б. Арсеньев) 68

Опидович Е. С.

Пушкиниана по-белорусски 82

Шарманова Т. В.

Творческая интерпретация образа юродивого из трагедии Пушкина
«Борис Годунов» в книжной иллюстрации 86

Коницкая М. М.

Работа с полилингвальными группами
в литературном музее А. С. Пушкина в Вильнюсе (Литва) 93

Калашникова А. Л.

Молитва в лирике Ф. И. Тютчева 97

Янгель А. А.

«Единого слова ради»: литература и дипломатия 101

Работы молодых исследователей**Красноперова С. А.**

Великопостная молитва прп. Ефрема Сирина
и стихотворное переложение А. С. Пушкина «Отцы пустынноики
и жены непорочны...»: к вопросу о соотношении «вторичного» текста
и исходного текста-прецедента 105

Черникова Е. М.

Русские писатели-классики в иноязычной аудитории:
стихотворение А. С. Пушкина «Зимняя дорога» 110

Кузнецова И. О.

Влияние словесных произведений Ближнего Востока
на творчество А. С. Пушкина 116

Тараденко Т. Д.

Изучение творчества А. С. Пушкина с помощью новых технологий 121

Карицкая Д. С.

Образ А. С. Пушкина как ключ к русской литературе
для иностранцев: сборник «Бесы» Элиф Батуман 126

Предисловие

ПУШКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ 2020–2021 гг.

Предлагаемый сборник Пушкинских чтений Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина сформирован по итогам двух конференций. Обе прошли в непростой период. В 2020 году, в разгар пандемии коронавирусной инфекции, участники вынуждены были встретиться в дистанционном формате. Это был первый опыт проведения традиционной для Института Пушкина конференции исключительно с помощью интернет-технологий. 28–29 октября 2021 года Пушкинские чтения предполагалось провести в смешанном формате, но новая волна пандемии внесла коррективы – и конференция прошла дистанционно.

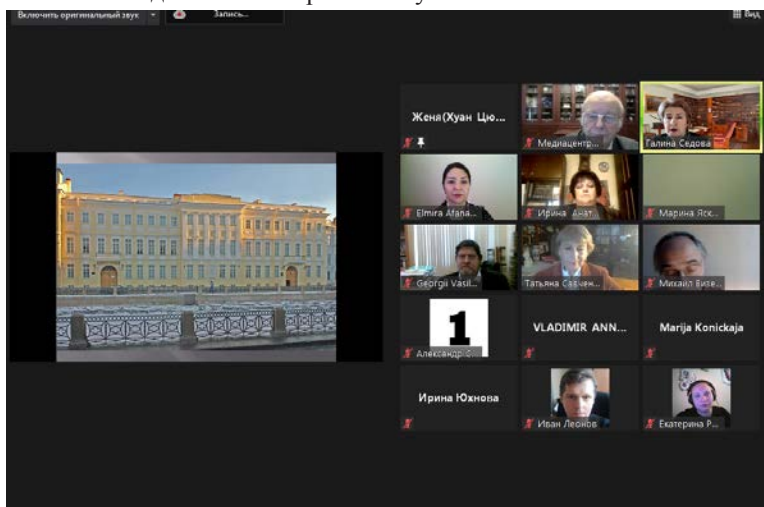
Живая история чтений оказалась намного масштабнее, чем предлагаемая публикация, о чем свидетельствует цифровой след научного диалога. В предисловии к сборнику размещаем ссылки на видеозаписи онлайн-трансляций. Они уже стали историей, запечатлевшей разные грани диалога о жизни и творчестве А. С. Пушкина с ведущими пушкинистами – сотрудниками пушкинских музеев и вузов, рефлексию относительно современных переводов романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» на итальянский и английский языки. Сохранилась видеозапись секции, на которой и филологи, и дипломаты обсуждали такое явление, как литературная дипломатия.

Международная научно-практическая конференция
«XXX Пушкинские чтения»
27 ноября 2020 г.

7

Пленарное заседание, часть 1

Ссылка на видеозапись: <https://www.youtube.com/watch?v=ZiP9uwvh8e4>

*Пушкинские чтения, 2020 г. Выступление Г. М. Седовой,
зав. Мемориальным музеем-квартирой А. С. Пушкина*

Доклады:

Афанасьева Э. М., доктор филологических наук, главный научный сотрудник (Москва, Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина)

Пушкинский код в период вынужденной изоляции 2020 г.

Юхнова И. С., доктор филологических наук, профессор (Нижний Новгород, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского)

Об одном полемическом контексте «Заметки о поэме "Граф Нулин"» А. С. Пушкина

Димитров Л., доктор филологических наук, профессор (София, Софийский университет им. Св. Климента Охридского)

Пушкинская драма «Русалка»: Neverending Story

Визель М. Я., главный редактор портала «Культура РФ» (Москва) «Пушкин. Болдино. Карантин». Презентация книги

Некрасов С. М., доктор культурологии, директор Всероссийского музея А. С. Пушкина (Санкт-Петербург)

Всероссийский музей А. С. Пушкина: на пути к 225-летию со дня рождения поэта

Седова Г. М., доктор филологических наук, зав. Мемориальным музеем-квартирой А. С. Пушкина (Санкт-Петербург)

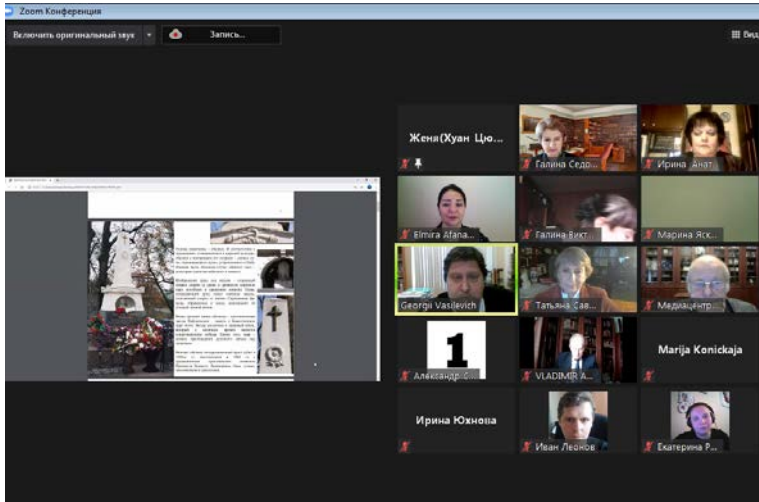
Пушкин в доме на Мойке. Последние месяцы жизни

Василевич Г. Н., кандидат экономических наук, директор Пушкинского заповедника «Михайловское»

Некрополь Ганнибалов-Пушкиных: история пушкинского мемориала

Якушева Г. В., доктор филологических наук, профессор (Москва, Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина)

Пушкинские «знаки» в контексте мировой культуры: личность и творчество

*Выступление Г. Н. Василевича,
директора Пушкинского заповедника «Михайловское»*

Пленарное заседание, часть 2

Ссылка на видеозапись: <https://www.youtube.com/watch?v=wcbhjGJIvE4>

Доклады:

Аннушкин В. И., доктор филологических наук, профессор (Москва, Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина)

Система филологических наук в пушкинское время

Савченко Т. К., доктор филологических наук, профессор (Москва, Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина)

Парный тандем «Пушкин – Лермонтов» в литературной критике Серебряного века: Василий Розанов

Кулибина Н. В., доктор педагогических наук, профессор (Москва, Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина)

Онлайн-уроки чтения: Пушкин и не только...

Коницкая М. М., руководитель образовательных программ Литературного музея А. Пушкина (Вильнюс)

Работа с полилингвальными группами в литературном музее А. С. Пушкина в Вильнюсе (Литва)

Щербаков А. В., кандидат филологических наук, доцент (Москва, Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина)

Русский язык в поликультурной среде: проблемы изучения и обучения

Пашков А. В., кандидат филологических наук, зав. кафедрой мировой литературы (Москва, Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина)

Свято дружеское пламя... Авторская песня и пушкинские традиции в московских поющих университетах

Леонов И. С., доктор филологических наук, доцент кафедры мировой литературы (Москва, Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина)

Пушкинская традиция в современной православной художественной литературе

Иванчук И. А., доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы)

Он у нас начало всех начал... О лингвистической реформе А. С. Пушкина

Яскевич М. И., кандидат физико-математических наук, проректор по инновационной деятельности и дистанционному обучению (Москва, Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина)

Пушкинские онлайн-проекты на портале «Образование на русском»

The image shows a Zoom conference interface. At the top, there are video feeds of participants: Vasily Mir, Galina Sidorova, Pashkov Aleksandr, Marija Konickaja, and Medvedeva. The main content area displays a presentation slide with a yellow header and white text. The slide title is «ЛИЦЕЯ ДЕНЬ ЗАВЕТНЫЙ» ИЗ ИСТОРИИ ИМПЕРАТОРСКОГО ЦАРСКОСЕЛЬСКОГО (АЛЕКСАНДРОВСКОГО) ЛИЦЕЯ. Below the title, it identifies the speaker as Сергей Михайлович Некрасов, директор культурологии, профессор, директор Всероссийского музея А. С. Пушкина. The slide also features logos of the Russian Ministry of Education and the Pushkin Museum. Below the main slide, there are two smaller slides: one titled «Православие и литература: подходы к изучению» and another titled «ЦЕРКОВЬ БОГОВАЛЕНИЯ В ЕЛОХОВ» with an image of a church. The Zoom interface includes navigation icons like back, forward, and mute, and a 'View' button.

*Выступление М. И. Яскевич,
проректора Института Пушкина*

Секция для библиотек, носящих имя А. С. Пушкина

Ссылка на видеозапись: https://www.youtube.com/watch?v=Sxq_qMnulQc

Доклады:

Храмцова Н. Е., заместитель директора по библиотечной работе (Санкт-Петербург, СПб ГБУК «Центральная городская детская библиотека им. А. С. Пушкина»)

Открытие регионального центра Всероссийского музея А. С. Пушкина в ЦГДБ им. А. С. Пушкина (Санкт-Петербург): перспективы сотрудничества

Плахоцкая Е. А., зав. читальным залом (Симферополь, МБУК ЦБС для взрослых МОГО Симферополь Центральная городская библиотека им. А. С. Пушкина)

ЦГБ им. А. С. Пушкина как центр освоения Единого пушкинского пространства в Крыму

Павлова Н. Г., зав. отделом абонемента, *Игнатъева И. С.*, зав. отделом гуманитарной литературы (ГБУК «Национальная библиотека им. А. С. Пушкина Республики Мордовия»)

Проект «Наш Пушкин»: опыт реализации

Коровина О. В., зав. музейным отделом (Белгород, Модельная Пушкинская библиотека-музей МБУК «ЦБС г. Белгорода»)

Сохранение и популяризация пушкинского наследия. Из опыта работы Пушкинской библиотеки-музея

Антоничева Н. Е., зав. отделом специальных проектов и культурных программ (Москва, ГБУК г. Москвы «Библиотека-читальня им. А. С. Пушкина»)

«Лекторий на диване» и другие онлайн-проекты Библиотеки-читальни им. А. С. Пушкина. Опыт работы в условиях «удаленки»

Работа секции для библиотек, носящих имя А. С. Пушкина

Утреннее пленарное заседание

Ссылка на видеозапись: https://www.youtube.com/watch?v=V0wbzU3CL_0

Доклады:

Афанасьева Э. М., доктор филологических наук, главный научный сотрудник (Москва, Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина)

Пушкинские чтения 2021 г.: литературоведческие исследования периода пандемии

Аннушкин В. И., доктор филологических наук, профессор (Москва, Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина)

Словесные учителя Пушкина

Карбоне А., кандидат филологических наук, доцент русской литературы Государственного университета г. Сиена (Тоскана, Италия)

Итальянский перевод «Онегина» 2021 года. Некоторые замечания

Сорокина М. Ю., кандидат исторических наук, зав. отделом истории российского зарубежья (Москва, Дом русского зарубежья им. А. Солженицына)

Русский пушкинист в Белграде: Всеволод Прокофьев (1908–1983), его судьба и наследие

Леонидов В. В., кандидат исторических наук (Москва, Дом русского зарубежья им. А. Солженицына)

Как встретила русская эмиграция 100-летие со дня гибели А. С. Пушкина

Якушева Г. В., доктор филологических наук, профессор (Москва, Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина)

Пушкин – критик и публицист

Иванчук И. А., доктор филологических наук (Санкт-Петербург, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы)

«Стихия народной речи» в переводах А. С. Пушкиным баллад А. Мицкевича

Дневное пленарное заседание

Ссылка на видеозапись: <https://www.youtube.com/watch?v=vIF2JeSijUs>

Доклады:

Щербаков А. В., кандидат филологических наук (Москва, Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина)

Языковая ситуация и языковая политика России в пушкинскую эпоху и в наши дни

Пашков А. В., кандидат филологических наук, зав. кафедрой мировой литературы, *Леонов И. С.*, доктор филологических наук, профессор кафедры мировой литературы, *Соломонова А. А.*, кандидат педагогических наук, декан филологического факультета (Москва, Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина)

Четырехстопный ямб не надоел. Пушкинские ритмы в звуковом коде цифровой эпохи

Савченко Т. К., доктор филологических наук, профессор (Москва, Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина)

Парный тандем «Пушкин – Лермонтов» в критике Серебряного века: Вл. Соловьев – И. Ф. Анненский – Д. С. Мережковский

Лоуэнфельд Дж., переводчик, руководитель проекта «Пушкин – всему миру» (Нью-Йорк, США)

Молчание в «Евгении Онегине»

Секция «Художественный мир А. С. Пушкина и пушкинская традиция русской литературы»

Ссылка на видеозапись: <https://www.youtube.com/watch?v=CWEpDY0eZCM>

Доклады:

Юхнова И. С., доктор филологических наук, профессор (Нижний Новгород, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского)

Нижегородские реалии в произведениях А. С. Пушкина

Малкина В. Я., кандидат филологических наук, зав. кафедрой теоретической и исторической поэтики (Москва, Российский государственный гуманитарный университет)

Визуальная образность и лирический сюжет в стихотворении А. С. Пушкина «Прозерпина»

Юй Сяньюе, аспирант (Харбин, КНР, Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина)

Лирическая миниатюра в поэзии А. С. Пушкина: динамика стиховой формы

Опидович Е. С., учитель русского языка и литературы (Могилев, Белоруссия, Государственное учреждение образования «Учебно-педагогический комплекс детский сад – средняя школа № 42 г. Могилева»)

Пушкиниана по-белорусски

Фатеев Д. Н., кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой литературы, *Кирик Д.*, студент (Москва, Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина)

Интертекстуальные формы в тексте Д. В. Шабашова «Кочегар Александр Сергеевич Пушкин»

Карасик В. И., доктор филологических наук, профессор (Москва, Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина)

Эмблематика и символика в «Маленьких трагедиях» А. С. Пушкина

Зырянов О. В., доктор филологических наук, профессор (Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Тетралогия вочеловеченья в цикле А. С. Пушкина «Маленькие трагедии»

Секция «Сакральный дискурс художественной литературы и поэтика стихотворной молитвы»

Ссылка: <https://www.youtube.com/watch?v=vpvbg3Kq4LA>

Доклады:

Коровин В. Л., доктор филологических наук, доцент (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова), профессор Совместного российско-китайского университета МГУ – ППИ в г. Шэньчжэн)

О неизученном разделе русской псалмодической лирики: парафразы библейских песней

Афанасьева Э. М., доктор филологических наук, главный научный сотрудник (Москва, Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина)

Молитвенная лирика русских поэтов как лирический феномен

Поселенова Е. Ю., кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и русской литературы XX века (Кемерово, Кемеровский государственный университет)

Паломнический нарратив: эстетика, прагматика, публицистика

Красноперова С. А., магистрант (Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Великопостная молитва при Ефрема Сирина и стихотворное переложение А. С. Пушкина «Отцы пустынноики и жены непорочны...»: к вопросу о соотношении «вторичного» текста и исходного текста-прецедента

Леонов И. С., доктор филологических наук, профессор кафедры мировой литературы (Москва, Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина)

Традиции Ф. М. Достоевского в современной духовной прозе

Калашиникова А. Л., кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и русской литературы XX века (Кемерово, Кемеровский государственный университет)

Стихотворная молитва в творчестве Ф. И. Тютчева

Шарманова Т. В., учитель истории и обществознания (МБОУ «ФМЛ № 31» г. Челябинска)

Образ юродивого из трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» в книжной иллюстрации

Секция «Литературная дипломатия и политический дискурс»Ссылка: <https://www.youtube.com/watch?v=j1UYYf9dFfQ>**Доклады:**

Егошкин В. Е., Чрезвычайный и Полномочный Посол, заместитель председателя Ассоциации российских дипломатов, президент Детского общественного движения «Дипломаты Будущего»

Отечественная дипломатия и литература

Орехов В. Е., сотрудник Департамента информации и печати (Москва, МИД РФ)

Роль слова и фабула в дипломатических нарративах

Афанасьева Э. М., доктор филологических наук, главный научный сотрудник (Москва, Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина)

Литературная дипломатия. К постановке вопроса

Янгель А. А., советник посольства России на Филиппинах

«Единого слова ради»: литература и дипломатия

Боженкова Н. А., доктор филологических наук, профессор (Москва, Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина), *Каличкина Т. И.*, аспирант (Москва, Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина)

Вербальные маркеры современной российской политической логосферы

Катышев П. А. доктор филологических наук, профессор (Москва, Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина)

Реконтекстуализация прецедентных феноменов в нелегитимных дискурсивных практиках: механизм и функции

Таратынова Н. В., кандидат филологических наук, второй секретарь Постоянного Представительства России при организации исламского сотрудничества (МИД России; Джидда, Королевство Саудовская Аравия)

Фольклорная сказка как часть культурной традиции страны пребывания и ее роль в развитии сотрудничества в культурной области в дипломатической деятельности

Беликова А. А., советник Группы стратегического видения «Россия – Исламский мир», главный специалист службы внешних коммуникаций RT, старший преподаватель МГУ, РАНХиГС, МГИМО (Москва)

Литературное творчество как образ жизни и выстраивания отношений на Востоке

**А. С. ПУШКИН
И ФЕНОМЕН РУССКОЙ КЛАССИКИ**

Э. М. Афанасьева

*доктор филологических наук,
главный научный сотрудник, руководитель Пушкинских проектов
Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина
Москва, Россия
elmira_afanaseva@mail.ru*

ПУШКИНСКИЙ КОД И КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ: ПАНДЕМИЯ 2020–2021 годов

В статье исследуются исторические периоды, во время которых происходило единение нации под знаком Пушкина. Отдельное внимание уделяется событиям, связанным с дуэлью 1837 г., истории установки памятника в Москве работы А.М. Опекушина, советской пушкинистике и пушкинистике первой волны русской эмиграции. На этом фоне восстанавливается пушкинский код периода пандемии 2020–2021 гг. в соотнесении с эпидемией холеры в России в 1830–1831 гг. и «творческой изоляцией» Пушкина. Культурно-исторические аналогии представлены как модель преодоления сложных жизненных ситуаций на основе механизмов коллективной памяти.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, В. А. Жуковский, А. М. Опекушин, А. В. Каргашев, А. М. Городницкий, пушкинский код, пандемия, культурный карантин, коллективная память.

Творчество А. С. Пушкина, его образ, также как и история пушкинистики и пушкинианы, прочно интегрированы в культурный контекст. В истории русской культуры можно отметить знаковые события, которые наиболее отчетливо отражают роль Пушкина в те исторические периоды, когда особо ощущается единение нации. Данная статья посвящена осмыслению этого процесса в соотнесении с полномасштабным проявлением пушкинского кода в наши дни, в период социальной изоляции 2020 и 2021 гг., связанной с распространением коронавируса.

Впервые народное единение под знаком Пушкина произошло в конце 1837 года. После того, как весть о кровавой дуэли поэта и Дж. Дантеса распространилась по Петербургу, огромное число людей потянулось к дому на Мойке 12. Сердце Пушкина остановилось 29 января. В монографии Г.М. Седовой, посвященной январским событиям 1837 года, приводятся следующие факты: «современники по-разному оценивали количество людей, приходивших к гробу поэта, называя от десяти до двадцати, тридцати и даже пятидесяти тысяч человек» [24, с. 622]. После трагического поединка друзья Пушкина стремились донести до современников и сохранить для потомков всё, что было связано с жизнью поэта – вплоть до последних дней – и его творческим

наследием. Важно напомнить о том, что первым обнародованным документом, в котором была представлена хроника трагических событий, стало открытое письмо В.А. Жуковского «Последние минуты Пушкина», обращенное к С.Л. Пушкину. Оно быстро распространилось в списках, а позже было опубликовано в посмертном номере пушкинского журнала «Современник» [12].

Новая волна истинно народного единения под знаком Пушкина произошла в конце XIX века [см. 27]. В 1860 г. выпускники Императорского Царскосельского Лицея предложили установить памятник поэту. Прошло 10 лет, но необходимой суммы так и не было собрано. Тогда для решения этой задачи в 1870 г. создается специальный комитет, который инициирует коллективный сбор средств. В газетах публикуются объявления и деньги собираются всем миром. В 1873 г. был объявлен конкурс на макет памятника Пушкину. Всё это сформировало коллективный дух и коллективное единство в период открытия памятника работы А. Опекушина в неюбилейный 1880 год. Открытие памятника Пушкину в Москве положило начало ежегодному празднованию дня рождения и дня упокоения поэта.

После революционных потрясений начала XX века пушкинский код обрел новые культурно-исторические акценты. В Стране Советов началась борьба со старым миром и литературной эстетикой прошлого. Футуристы выпускают эпатажный сборник «Пощечина общественному вкусу», в котором предлагают бросить с «парохода современности» Пушкина, Достоевского, Толстого, т.к. «прошлое тесно» [18]. Однако противоборство эстетике прошлого оборачивается диалогом с Пушкиным и пушкинской эпохой. В силу разности историко-политической ситуаций в стране и за рубежом были сформированы разные условия для осмысления ценностной природы национального культурного кода. С одной стороны, формировалась фундаментальная пушкинистика и пушкиниана советского времени, развивалась пушкинская музейная география; с другой – набирала силу зарубежная пушкинистика и пушкиниана. Под знаком Пушкина произошло единение белоэмигрантов, которые, покинув Россию, обосновались в разных странах мира [5, 17, 22]. Памятные даты дня рождения и дня упокоения поэта для них стали датами организаций дней русской культуры, проведения конференций и выставок, посвященных солнцу русской поэзии. Великое русское рассеяние выполнило историческую миссию сохранения дореволюционных ценностей в восприятии пушкинского кода культуры, прежде всего, через соотнесение жизни и творчества писателя с христианским мировосприятием.

Приведем один из примеров, характерных для эмигрантской пушкинистики. А. В. Карташев – историк Церкви, богослов – к 100-летию со дня смерти Пушкина прочитал лекцию в Сорбонне [1]. Впоследствии она будет опубликована отдельной брошюрой «Лик Пушкина». Приведем фрагмент этой публикации: «Пушкин величайший поэт, мастер универсальнейшего из

искусств – искусства слова. Владелицы этим искусством в древности прямо признавались вещателями Божьей воли, а в новейшие безверные времена заняли место как бы светского евангелия» [11]. Восприятие творчества Пушкина как светского евангелия, а его слова как слова пророческого – характерное явление для пушкинистики, развиваемой эмигрантами первой волны.

В истории проявления пушкинского кода особая роль отводится событиям Великой Отечественной войны, датам пушкинских юбилеев, оттепели 1960-х гг., лихим девяностым и тучным нулевым – каждый период будет отмечен своими исторически значимыми акцентами.

К началу XXI вв. пушкинский код уже существует как историческая данность [3], порой в массовом сознании мифологизированная и оторванная от первоисточка – проникновенного знания и понимания литературно-эпистолярного наследия писателя. С новой силой он проявился в период пандемии, связанной с распространением COVID-19 [2]. Обратимся к ценностным смыслам, которые были проявлены в виртуальной реальности у многочисленной интернет-аудитории в период вынужденной социальной изоляции 2020 и 2021 гг.

Точкой отсчета является дата 11 марта 2020 г., когда основной новостью российских СМИ становится новость о том, что распространение коронавирусной инфекции достигло стадии пандемии. На протяжении трех весенних месяцев новостная хроника включала в себя многотысячную статистику заболевших и умерших от коронавируса, в крупных городах вводились QR-коды для вынужденного передвижения по городу и за город, распространялись правила эпидемиологической безопасности. Противоположностью смертоносной волне и особого рода защитной реакцией стало обращение людей к ценностным первосмыслам, в том числе к классической литературе [2, 4, 6], что нашло отражение в цифровой реальности: в соцсетях, мессенджерах, электронных СМИ, официальных аккаунтах организаций образования и культуры, онлайн-марафонах, zoom-встречах и др.

Весной 2021 г. в России начинается вторая волна пандемии [28]. Большинство организаций работают в дистанционном режиме, соблюдается масочный режим. К этому времени культурно-исторический контекст нашего времени усиливается историческими аналогиями с пушкинской эпохой.

Для русскоязычной аудитории 2020–2021 гг. во многом прошли под знаком А. С. Пушкина [см. 2, 4, 9]. Две волны социальной изоляции начала XXI века, связанные с распространением разных штаммов коронавируса, вызвали прочную ассоциацию с событиями XIX века – временем распространения в России холеры в 1830–1831 гг. Историческая аналогия определила небывалый интерес к жизни и творчеству поэта. Пушкина читали и перечитывали, смотрели и переосмысливали фильмы и мультфильмы по его произведениям, большой популярностью пользовались аудиокниги [23].

Организации, носящие имя А. С. Пушкина (в т. ч. Институт Пушкина), формировали ценнейший цифровой контент, входя в диалог с многочисленной интернет-аудиторией [2].

Представим небольшой экскурс в историю вынужденной изоляции самого Пушкина. На 1830–1831 гг. выпадает эпидемиологическая кульминация, связанная с распространением в России холеры. Л.В. Выскочков и А.А. Шелаева в работе, посвященной этой теме, отмечают: «Вторая пандемия 1826–1837 гг. (вариант: 1829–1851 гг.) поразила все континенты, включая Азию, Африку, Европу, Америку, Австралию. Ее частью была первая пандемия в России, которая, придя из Азии, с 1829 г. (завершение очередной русско-турецкой войны) со всей силой обрушилась на Российскую империю, достигнув своей кульминации в 1830–1831 гг., и новой волной вернулась в Россию в 1837 г.» [7, с. 262]. Далее в статье говорится о мерах борьбы с холерой в XIX веке: «Наиболее эффективными средствами предотвращения распространения заразы в николаевское царствование считались, как и при чуме, кордонные оцепления, изоляция как отдельных домов, где выявлялись больные, так и селений, и городов. Широко практиковалось очищение воздуха и окуривание» [7, с. 267].

Помимо исторического контекста необходимо учитывать и контекст биографический. На начало 1830-х годов приходится важнейшее событие в жизни Пушкина. 6 мая 1831 г. состоялась его помолвка с первой красавицей Москвы Н.Н. Гончаровой [13, с. 194/1097]. Но 20 августа в семье происходит несчастье – умирает В.Л. Пушкин, дядя поэта [13, с. 228/1131], в связи с чем свадьба откладывается. Чтобы уладить юридические вопросы, Пушкин едет в Нижегородское поместье: С.Л. Пушкин передал сыну во владение деревню Кистенево в Нижегородской губернии, недалеко от Болдина [13, с. 211/1114]. В Болдине поэта застаёт карантин, из-за которого Пушкин вынужден будет провести три осенних месяца в изоляции – вдали от невесты. Очагом вспышки холеры стала Москва, где в это время находилась Наталья Николаевна. Конечно, осознание того, что невеста осталась в «зачумленном» городе, вызывает большие опасения поэта: «Милостивая государыня Наталья Николаевна», – пишет он Н.Н. Гончаровой, – «я по-французски браниться не умею, так позвольте мне говорить вам по-русски, а вы, мой ангел, отвечайте мне хоть по-чухонски, да только отвечайте. Письмо Ваше от 1-го окт.<ября> получил я 26-го. Оно огорчило меня по многим причинам: во-первых, потому что оно шло ровно 25 дней. 2) что вы первого октября были еще в Москве давно уже зачумленной. 3) что вы не получили моих писем. 4) что письмо ваше короче было визитной карточки; 5) что вы на меня видно сердитесь, между тем как я пренесчастное животное уж без того. Где вы? что вы? я писал в Москву, мне не отвечают. Брат мне не пишет, полагая, что его письма, по обыкновению, для меня

20 | неинтересны. В чумное время дело другое; рад письму проколотому; знаешь, что по крайней мере жив – и то хорошо» [оригинал – на французском; 20, с. 118–119].

Три тревожных месяца, проведенных в Нижегородской губернии, между тем, обернутся творческим взлетом Болдинской осени. Здесь будут написаны «Повести Белкина», «Маленькие трагедии», завершится работа над романом «Евгений Онегин», создано множество лирических произведений.

Творческая активность поэта удивляет его окружение. Его приятель М.П. Погодин с восторгом сообщает в Рим о результатах болдинского заочения Пушкина С. П. Шевыреву: «Пушкин написал тьму. Он показывал и читал мне все по секрету, ибо многое хочет выдавать без имени: Онегина 8-я и 9-я главы, Сцены, Моцарт, Дон-Жуан, повесть пресмешная и большая октавами, то есть октавами Жуковского, несколько повестей в прозе, множество статей прозаических о критике, об Истории Русской литературы и проч. ... Жена его премилая, и я познакомился с нею молча. Они едут скоро в Петербург» [16, с. 240–241].

На лето 1831 г. выпадает новая вспышка холеры, теперь очагом ее распространения становится Петербург. Молодая семья Пушкиных (свадьба состоялась 18 февраля 1831 г.) успела покинуть столицу. Еще в апреле поэт просил П.А. Плетнева найти ему «фатерку» в Царском Селе [20, с. 161]. С 25 мая по 15 октября молодожены живут там в доме вдовы Китаевой, недалеко от Лицея, где прошла юность поэта. А в Петербурге в начале июня уже фиксируются первые случаи заболевания холерой, в связи с чем был введен ряд мер, апробированных годом ранее во время эпидемии 1830 г. в Москве. Столичный город окружается кордонами, вводятся карантинные патрули [19; 7, с. 37]. Ситуация накаляется тем, что в Петербурге начались беспорядки, пиком которых стал холерный бунт, вспыхнувший 22 июня. Об этом бунте Пушкин рассказывает в письме П.В. Нащокину от 26 июня: «Я уже писал тебе, что в П.<етер>Б.<урге> холера, и как она здесь новая гостья, то гораздо более в чести, нежели у Вас, равнодушных москвичей. На днях на Сенной был бунт в пользу ее; собралось православного народу тысяч 6, отперли больницы, кое-кого (сказывают) убили; Государь сам явился на место бунта и усмирил его. Дело обошлось без пушек, дай Бог чтоб и без кнута. Тяжелые времена...» [20, с. 181].

Приведем пример, передающий тревожное настроение этого времени. В оцепленном карантинами Петербурге осталась сестра Пушкина О.С. Павлицева. Подобно тому, как в 1830 г. поэт переживал, что в очаге вспышки холеры оказалась невеста, теперь он переживает за сестру и настойчиво требует ее выезда из Петербурга. 18 июня 1831 г. Ольга Сергеевна в письме к мужу описывает семейную сцену: «все вокруг кричат, плачут, сердятся, а Александр взялся бранить меня за то, что я собиралась остать-

ся еще на некоторое время» [оригинал на французском; 15, с. 36]. 3 июля О.С. Павлищева признается, что вынуждена остаться в столице из-за ситуации с карантинами: «Я все еще в Петербурге, мой милый друг, но не по своей воле. Я писала вам, что родители, заслышав о холере, сложили вещи, упаковались и бежали меньше чем за сутки; мне ни физически, ни морально невозможно было последовать их примеру. Однако я рассчитывала догнать их в Царском через два дня, но назавтра после их отъезда город окружили, а карантин поставили в Пулково... 10 дней заключения, когда вы заперты вместе с грязной деревенщиной, где вас орошают гадким хлором так, что можно задохнуться, и придираются как только могут, – к тому же меня, худую и бледную, точно как и Петра (крепостной Пушкиных – Э.А.), который не многим лучше, примут за зачумленных, и Бог знает, не положат ли вместе в больницу» [оригинал на французском; 15, с. 38]. Письма О.С. Павлищевой помогают оценить ситуацию, которая сложилась летом 1831 г. и болезненно переживалась Пушкиными. Эпидемия холеры сказывалась на эмоциональном состоянии людей, усиливала тревогу за жизнь и здоровье близких.

Если болдинский карантин 1830 г. Пушкин пережил вдали от родных и друзей, то события 1831 г. сформировали новые условия вынужденной изоляции. Жизнь в Царском Селе, вдали от холерного очага, была наполнена родственно-дружеским общением с дорогими людьми, посещением Лицея, подготовкой к печати произведений, созданных в Болдине, и созданием новых.

На это время приходятся семейные праздники. Известно, что в день именин Пушкина, 2 июня, его навещает лицеист М.Л. Яковлев [13, с. 343 / 1246 – 344/1247]. В июне в Царское Село приезжают родители поэта. На какое-то время они останавливаются у сына с невесткой, а потом переезжают в Павловск. 21 июня в день рождения Надежды Осиповны, матери поэта, старшие Пушкины приезжают из Павловска в Царское Село, чтобы отпраздновать важное событие с семьей старшего сына [13, с. 350/1253].

В июле в Царское Село переезжает императорская семья, а вместе с нею и придворные, среди которых близкие друзья Пушкина – В.А. Жуковский и А.О. Россет. На это время приходятся также встречи Пушкина с Гоголем, который жил в Павловске и приходил пешком в Царское Село. В начале лета состоится встреча с писателем О.М. Сомовым [13, с. 347 / 1250].

Постоянным собеседником поэта в это время является В.А. Жуковский, который проведет в Царском Селе август-сентябрь. Возможно, недавняя женитьба Пушкина послужила толчком к творческому состязанию писателей в создании литературной сказки. В.А. Жуковский пишет «Сказку о царе Берендее...» (2 августа – 12 сентября), «Спящую красавицу» (26 августа – 12 сентября), «Войну мышей и лягушек» (24 августа – 29 сентября) [10, с. 371]. Результатом творческого состязания для Пушкина станет «Сказка о царе Салтане» [13, с. 378/1281].

Летом 1831 года Пушкин готовит к изданию «Повести Белкина», созданные в Болдине, пишет к ним предисловие. Об этом 3 июля он сообщает П.А. Плетневу: «Я переписал мои 5 повестей и предисловие, т.е. сочинения покойника Белкина, славного малого. Что прикажешь с ними делать?» [20, с. 186]. В сентябре готовит к печати третью часть сборника «Стихотворения Александра Пушкина». Осенью 1831 г. дорабатывает девятую главу «Евгения Онегина» (в последствии она станет восьмой), в частности пишет Письмо Онегина к Татьяне.

Период жизни в Царском Селе особо отмечен интересом Пушкина к исторической теме. 30 мая он завершает «Введение в историю французской революции». 19–20 июня создает стихотворение «Перед гробницею святош», посвященное памяти М.И. Кутузова.

В июле 1831 г. состоится разговор Пушкина с Николаем I, после которого поэт получит разрешение на работу в архивах для создания истории Петра I. Кульминацией в развитии политической темы периода творческой изоляции 1831 г. станет поэтическая реакция на польское восстание – «Клеветникам России», помеченное в автографе 2 августа 1831 г. [13, с. 328/1231 – 329/1232]. В начале сентября Пушкин создает стихотворение «Бородинская годовщина 1831 [13, с. 379/1281]. Осенью этого года будет написан один из программных поэтических текстов – «Эхо» (5 сент. – 9 окт. 1831).

После краткого воссоздания событий пушкинского времени отметим наиболее важные элементы пушкинского кода, актуализированные в период пандемии 2020 и 2021 гг.

Во время вынужденной изоляции начала XXI в. наши современники по-новому знакомились с Пушкиным. Устойчивые для академического литературоведения модели периодизации творчества поэта отошли на второй план. На первом оказались жизненные реалии, повлиявшие на создание значительного числа произведений в период вынужденного заточения сначала в Болдине, а потом счастливой жизни в Царском Селе. Это нашло отражение в проекте портала «Год литературы» и «Российской газеты» «Пушкин в карантине», позже – в издании М. Я. Визеля, онлайн-проектах Института Пушкина, многочисленных интернет-публикациях [2, 6, 9, 14, 21, 25 и др.]. Нашим современникам был дан особый опыт проникновения в сердцевину смыслов тех текстов, которые рождались в 1830 – 1831 гг. во время усиления карантинно-эпидемиологических мер в России. Под воздействием биографической модели поведения Пушкина в кризисный исторический период в 2020-е гг. был сформирован культурный код «творческого карантина» как современного противостояния смертноснй заразе.

Творческая активность Пушкина, его биография в наше время определяют ценностные модели преодоления сложных моментов жизни. Один из самых цитируемых пушкинских текстов 2020–2021 г. – фрагмент

письма поэта другу и издателю П.А. Плетневу о холере и хандре от 22 июля 1831 г.: «Опять хандришь. Эй, смотри: хандра хуже холеры, одна убивает только тело, другая убивает душу. Дельвиг умер, Молчанов умер; погоди, умрет и Жуковский, умрем и мы.

Но жизнь все еще богата; мы встретим еще новых знакомцев, новые созреют нам друзья, дочь у тебя будет расти, вырастет невестой, мы будем старые хрычи, жены наши – старые хрычовки, а детки будут славные, молодые, веселые ребята; а мальчики станут повесничать, а девчонки сентиментальничать; а нам то и любо.

Вздор, душа моя; не хандри – холера на днях пройдет, были бы мы живы, будем когда-нибудь и веселы» [20, с. 197].

Пушкинское соотнесение хандры и холеры основано на соотнесении внешней, неподвластной человеку, стихии и внутреннего состояния, которым можно управлять. Вера в будущее, раскрашенная легкой иронией, объединяет друзей и их семьи, а, значит, жизнь во время исторического катаклизма обретает смысл.

Не случайно именно это письмо станет основой лирического события стихотворения А.М. Городницкого «Пушкин – Плетневу. 22 июля 1831 года», созданного в пандемийный 2020 год:

Владимиру Фрумкину

Писал Плетнёву Пушкин
 В холерный чёрный год.
 «Хандра – холеры пуще, –
 Быстрее изведёт.
 Печали оголтелой
 Сдаваться не спеши.
 Холера губит тело,
 Хандра же – враг души.
 Года не беспредельно
 Отпущены судьбой.
 Молчанов умер, Дельвиг,
 И мы умрём с тобой.
 Но жизнь на этом Свете
 Остановить нельзя, –
 Родятся снова дети,
 Появятся друзья.
 Хандрить, мой друг, не дело.
 Холера не страшна, –
 Всего через неделю
 Закончится она.
 Дурные мысли лживы, –

Минует время мглы,
И мы, коль будем живы,
То будем веселы».
[8, с. 73].

В основе лирического события этого стихотворения не только обращение к поэту XIX века, но и творческая параллель, скрепленная темой дружеской поддержки: подобно тому, как Пушкин поддерживал Плетнева, Городницкий посвящает стихотворение другу, исследователю авторской песни Владимиру Фрумкину.

Подводя итог, можно соотнести восстановленные в статье периоды единения нации под знаком Пушкина с принципами работы коллективной памяти, описанные французским философом и социологом Морисом Хальбваксом: «люди помнят только факты, ставшие опытом для одного сознания, что позволяет памяти связать их друг с другом, словно вариации на одну или несколько тем. Только таким образом ей удаётся дать нам сжатое представление о прошлом, мгновенно объединяя народы и личности, медленные коллективные процессы и символически представляя их на примере нескольких внезапных изменений, несколькими примерами» [26]. Специфическое значение коллективная память обретает в том случае, когда исторические аналогии формируют модель преодоления сложных жизненных ситуаций. В этот момент коллективная память насыщается ценностными ориентирами, утверждающими наиболее актуальные смыслы национального кода, в данном случае – пушкинского.

Литература

1. Афанасьева Э.М. Роль пушкинистики в оценке философов первой волны русской эмиграции: А.В. Карташев и С.Л. Франк // Русский язык за рубежом. 2020. № 3 (280). С. 4–9.
2. Афанасьева Э.М. Пушкинский код в период изоляции 2020 года // Материалы Михайловских Пушкинских чтений; материалы научнопрактических конференций сотрудников Пушкинского Заповедника : [сб. ст.]. – Сельцо Михайловское : Пушкинский Заповедник, 2022. (Серия «Михайловская пушкиниана»; вып. 87). С. 103–109 / URL: <https://www.pushkinland.ru/2018/lib/mp/mp87.pdf>
3. Афанасьева Э.М. 220-летие А. С. Пушкина: пушкинский код в виртуальном пространстве // Пушкинские чтения : сб. науч. ст. по итогам Междунар. науч.-практ. конф. XXIX пушкинские чтения, 17 окт. 2019 г. М., 2021. С. 7–9.
4. В Германии вспомнили, как Пушкин на карантине из-за эпидемии написал свои лучшие стихи // <https://nevnov.ru/784336-v-germanii-vspomnili-kak-pushkin-na-karantine-iz-za-epidemii-napisal-svoi-luchshie-stikhi> [28.03.2020].

5. «В краю чужом...» Зарубежная Россия и Пушкин / Сост. М.Д. Филин. М.: Рыбинск, 1998.
6. Визель М. Пушкин. Болдино. Карантин. Хроника самоизоляции 1830 года. М.: Бослен, 2021.
7. Выскочков Л.В., Шелаева А.А. Холерная пандемия 1830–1831 гг. в Российской империи по воспоминаниям и письмам, газетным заметкам, текстам административных указов и другим личным и официальным источникам // *Studia historica Gedanensia*. Том XII (2021). С. 259–288 / URL: 14-Vyskochkov, Shelayeva_SHG_12_cz_2 (2) (1).pdf
8. Городницкий А. Дорога к Пушкину. М., 2021.
9. Дмитриев С. Пушкин и Болдинский карантин // *Наш современник* № 6, 2020 // URL: <https://reading-hall.ru/publication.php?id=27624>
10. Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. М.: Яз. рус. культуры, 1999–... Т. 14. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1834–1847 гг. 2004.
11. Карташев А. Лик Пушкина // *Пушкин в русской философской критике. Конец XIX – первая половина XX*. М.: Книга, 1990. С. 302–308.
12. Левкович Я. Л. В. А. Жуковский и последняя дуэль Пушкина // *Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом)*. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1989. Т. 13. С. 146–156.
13. *Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т.* М., 1999. Т. 3. // URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=H1-CfyT1uuk%3d&tabid=10359>
14. Мартынова Ольга. Его лучшее время работы // <https://www.sueddeutsche.de/kultur/puschkin-in-quarantaene-seine-beste-arbeitszeit-1.4854793> [23.03.2020].
15. *Мир Пушкина: Том 2. Письма Ольги Сергеевны Павлищевой к мужу и к отцу. 1831–1837*. СПб.: Пушкинский фонд, 1994. – 256 с. – (Серия «Фамильные бумаги»).
16. Модзалевский Л. Б. Примечания // *Пушкин А. С. Письма / Под ред. и с примеч. Л. Б. Модзалевского*. – М.; Л.: Academia. Т. 3. Письма, 1831–1833. 1935. С. 119–672.
17. Некрасов С.М. «Куда бы нас ни бросила судьбина...»: Выпускники Императорского Александровского Лицея в эмиграции. М.: Русский путь, 2007.
18. *Пощечина общественному вкусу*. М., 1912 // URL: <https://traumlibrary.ru/book/futuristy-pov/futuristy-pov.html>
19. Пупарев А. Г. Холерный месяц в С.-Петербурге // *Русская старина*. 1884. Т.4. С. 69–86.
20. *Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т.* – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 14. Переписка, 1828–1831. – 1941.

21. Пушкин в карантине // URL: <https://godliteratury.ru/gl-projects/pushkin-v-karantine>
22. Пушкин и культура русского зарубежья. М., 2000.
23. Пушкин стал самым популярным поэтом среди пользователей аудиокниг. 21.03.2021 // URL: <https://ria.ru/20210321/pushkin-1602171455.html>
24. Седова Г.М. Ему было за что умирать у Черной речки. СПб., 2020.
25. Синева Е. «Я в Болдине писал, как давно уже не писал». Творчество великого русского поэта А. С. Пушкина в период эпидемии холеры в России // Вестник Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО. № 41, 2020.
26. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас, 2005. № 2 / URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html>
27. Чубуков В. В. Всенародный памятник Пушкину: (200-летию А. С. Пушкина посвящается). М.: «Тверская, 13», 1999.
28. Эксперт заявил, что в России началась вторая волна эпидемии коронавируса [30.06.2021] // URL: <https://tass.ru/obschestvo/11792053>

E. M. Afanasyeva

**PUSHKIN CODE AND COLLECTIVE MEMORY:
PANDEMIC 2020–2021**

The article examines the historical periods during which the unification of the nation took place under the sign of Pushkin. Special attention is paid to the events associated with the duel of 1837, to the history of the installation of the monument in Moscow by A.M. Opekushin, to Soviet Pushkin studies and to Pushkin studies of the first wave of Russian immigration. Against this background, the Pushkin code of the pandemic period of 2020–2021 is being restored in regards to the cholera epidemic in Russia in 1830 – 1831 and “creative isolation” of Pushkin. Cultural and historical analogies are presented as a model for overcoming difficult life situations based on the mechanisms of collective memory.

Keywords: A.S. Pushkin, V.A. Zhukovsky, A.M. Opekushin, A.V. Kartashev, A.M. Gorodnitsky, Pushkin code, pandemic, cultural quarantine, collective memory.

ВИЗУАЛЬНАЯ ОБРАЗНОСТЬ И ЛИРИЧЕСКИЙ СЮЖЕТ В СТИХОТВОРЕНИИ А. С. ПУШКИНА «ПРОЗЕРПИНА»

В статье анализируется стихотворение А. С. Пушкина «Прозерпина» (1824) с точки зрения соотношения в нем визуальной (в частности, фантастической) образности и лирического сюжета, то есть то, каким образом разворачивается рефлексия лирического субъекта исходя из его кругозора и видения.

Ключевые слова: А. С. Пушкин; Прозерпина; лирический сюжет; визуальное в лирике; фантастическое в лирике.

Стихотворение А. С. Пушкина «Прозерпина» (начато в 1821 г., закончено в 1824), являющееся вольным переложением 27-й картины «Переодеваний Венеры» Э Парни, неоднократно привлекало внимание исследователей. Так, Д. П. Якубович в статье «Пушкин и античность» рассматривал это произведение как переложение античного мифа [11]. Н. М. Ботвинник находила там гомеровские мотивы [1]. В. Э. Вацуру в комментариях к послужившей источником элегии Э. Парни соотносил пушкинский текст с оригиналом [8, с. 623], и то же, но более подробно, делает в недавней статье Н. А. Дмитриева [4]. А в книге Ю. Н. Чумакова подробно описана композиционная структура этого стихотворения в соотношении с сюжетом [10, с. 20–24].

Нас, однако, интересует не столько взаимодействие оригинала и переложения, и не сюжет сам по себе, а структура лирического сюжета и роль в нем визуальных образов. Отчасти к такой постановке вопроса подошел В. А. Грехнев, когда писал, что «здесь четко прочерчен рисунок внешнего движения персонажей, которое и самое по себе необыкновенно стремительно. Энергия сюжета неуклонно возрастает за счет того, что едва ли не каждая строка “Прозерпины” включает в себе новый ракурс изображения» [3, с. 110]. Однако он не разворачивал анализ образной системы в соотношении с сюжетом подробно, что собираемся сделать мы.

Оговоримся, что лирический сюжет мы понимаем как систему событийно-ситуативных элементов лирического произведения, данную с позиции

лирического субъекта в процессе развертывания его рефлексии. Для его адекватного анализа надо учитывать несколько аспектов: субъектную структуру, событие, ситуацию, пространственно-временную организацию, мотивы. Кроме того, лирический сюжет может быть одним из способов репрезентации визуального в лирическом стихотворении.

Визуальное, в свою очередь, мы понимаем как видимость (зримость) внутреннего мира художественного произведения, т.е. возможность его зрительной рецепции. Особенности визуального восприятия задаются автором и воспринимаются читателем в рамках его собственного зрительского и читательского опыта. То есть, проще говоря, визуальное в лирике – это то, что видит субъект рассказывания, как он нам это показывает (об этом рассказывает) и что мы (как читатели-зрители) можем увидеть, прочитав его рассказ. При репрезентации визуального носителем точки зрения, причем в буквальном смысле слова, становится лирический субъект: именно он – тот, кто видит внутренний мир произведения, и от его позиции зависит то, что видит читатель.

В репрезентации и рецепции визуального в литературе могут быть две основные стратегии, которые мы определяем как прямое и трансгрессивное зрение. Стратегия прямого зрения предполагает либо неподвижность точки зрения наблюдателя, либо ее постепенное движение, дистанцирование и отделение наблюдателя от читателя (зрителя), апелляцию к привычному читателю жизненному и визуальному опыту. Прямое зрение создает жизнеподобные образы. Трансгрессивное зрение размывает границы между субъектами либо способствует их нарушению. Как и в обратной перспективе в живописи, такое зрение допускает несколько равноправных точек зрения и втягивает читателя-зрителя во внутренний мир произведения. Соответственно, и образы, которые возникают при трансгрессивном зрении, гротескны, абсурдны или фантастичны. Разумеется, точно также, как картины могут сочетать в себе прямую и обратную перспективу, так и литературное произведение может сочетать в себе обе стратегии репрезентации визуального.

Посмотрим с этой точки зрения на стихотворение А. С. Пушкина «Прозерпина» [6, с. 286].

Субъектную организацию в нем можно определить, если пользоваться терминологией С. Н. Бройтмана, как внесубъектные формы выражения авторского сознания [2, с. 313]. (Б. О. Корман называл такой тип лирического субъекта «автор-повествователь» [5, с. 77], по аналогии с безличным повествователем в эпике). То есть здесь нет местоимений первого лица (ни «я», ни «мы»), субъект речи не присутствует во внутреннем мире произведения. Отсюда – особый тип видения: как бы сверху, с высоты, с дистанции. Это делает его точку зрения всеохватной и равноудаленной от всех персонажей, присутствующих в произведении. Для читателя ри-

суется общая панорама художественного мира, с акцентом на деталях и происходящих событиях.

Наиболее подробно описывается пространство, что в данном случае и делает мир стихотворения визуальным. Главное свойство пространства в этом стихотворении – динамика. Из 24 глаголов, почти половина (11) так или иначе связаны с движением, иногда – весьма активным (*мчат, мчатся, несет* и т.п.). Динамики добавляет и четырехстопный хорей, которым написано стихотворение: он часто использовался Пушкиным в стихотворениях, связанных с дорогой и движением, например, «Зимняя дорога» (1826), «Дорожные жалобы» (1829), «Бесы» (1830) и др.

Структура пространства состоит из двух частей, вполне традиционных для мифа: «тот» и «этот» мир. Из Аида выезжает Плутон и выходит Прозерпина, туда она увозит своего избранника, там они проводят время в любви, наконец, в конце юноша оттуда выходит. Пространство выстраивается как по вертикали, так и по горизонтали. По горизонтали мы видим его протяженность, в первую очередь, связанную с течением рек (Флегетон, Лета и т. д.) и собственно движением по пространству. Мчится (сначала – из Аида, потом обратно), Плутон, мчатся в Аид Прозерпина с юношей. Стремительное движение нарушается только в самом конце. Если Плутон мчится в обе стороны, то Прозерпина в конце *уходит*, счастливица *выводит*, а сам он дверь «отпирает осторожной рукой». Впрочем, к финалу стихотворения мы еще вернемся.

По вертикали мы видим периодическое сочетание верха / низа: *волны–своды* (в начале), *облака–луга* (в середине) и снова *волны–своды* в конце. Акцент на вертикали также делается в моменты наиболее стремительного движения персонажей, Плутона (в начале и в конце) и Прозерпины в середине. Собственно, замедление действия вообще происходит только в момент любовного свидания, и только оно описывается достаточно подробно. Все остальные картины рисуются лишь при помощи отдельных образов.

Непосредственно конкретных визуальных образов в стихотворении не так много, но их значимость подчеркивается упоминанием зрения героев («видят вечные луга») и взора Прозерпины («взором юношу зовет»). Кроме того, мы видим несколько деталей (луга, реки, облака) и эпитетов, в том числе обозначающих свойство цвета, например «кони бледного Плутона». В основном же визуальность тут создается за счет структуры и динамики пространства, что позволяет его визуализировать. Однако для этого очень важная культурная память читателей. Поскольку стихотворение, по сути, представляет собой поэтическую интерпретацию мифа, предполагается необходимым предварительное знакомство с его основными персонажами (Плутон, Прозерпина), а также устройством подземного мира, Аида. По сравнению с Парни, Пушкин редуцировал количество имен собственных (в первую очередь, географических наименований), однако это, скорее, даже

30 | усилило апелляцию к культурной памяти читателя. По сути, нам рисуются контуры, которые мы сами – при помощи воображения, основанного на культурной памяти – должны заполнить полноценными визуальными образами, тем самым, присоединившись к точке зрения лирического субъекта, который, напомним, обладает здесь всей полнотой зрения. В принципе, этой же полнотой должен обладать и читатель.

С двухчастной («тот» и «этот» мир) организацией пространством в стихотворении естественным образом сочетается и циклическое (мифологическое) время. По сути дела, мы можем тут говорить о наличии циклического сюжета, что в лирике бывает не так часто, но в случае переложения мифа вполне органично. Итак, тут есть три части: потеря (недостача), вызванная изменой Плутона, встреча с юношей и любовь с ним (длительность, соотносимая с процессом поиска), возвращение.

Событием здесь становится переход топологической границы – туда и обратно. Но при этом сама граница есть только в конце. Обратим внимание на следующие строки:

Ада гордая царица
 Взором юношу зовет,
 Обняла – и колесница
 Уж к аиду их несет;
 Мчатся, облаком одеты;
 Видят вечные луга,
 Элизей и томной Леты
 Усыпленные брега.
 Там бессмертье, там забвеньё,
 Там утехам нет конца.

По сути, именно тут совершается переход в другой мир. Но мы видим, что граница здесь только подразумевается (Лета, Элизей, усыпленные брега), а акцент делается на движении, а не на границе.

В конце юноша (счастливец) выходит из Элизия (он упоминается в стихотворении как раз дважды – при входе и выходе). И здесь появляется вполне традиционный образ границы: дверь.

Остановимся на этом последнем четверостишии поподробнее.

И счастливец отпирает
 Осторожно рукой
 Дверь, откуда вылетает
 Сновидений ложный рой.

Во-первых, мы уже говорили, что тут замедляется движение и ослабляется свойственная стихотворению динамика. Во-вторых, граница оказывается таковой не только (или не столько?) для юноши-счастливицы. Собственно, нам вовсе не говорится, что он вообще выходит за эту дверь – только, что

отпирает ее. Зато из нее вылетает «сновидений ложный рой». Сначала, кстати, строки имели вид: «И, вздохнув, он отпирает / Сновидений легкой рой» [6, с. 781]. Почему в итоге *ложный* и почему вылетают сны, а не выходит счастливец?

Тут возможны как минимум два варианта. С одной стороны, если обратиться к мифу, то мы помним, что Элизиум связан со снами: «Успокоение в Элизии не означает полного уничтожения, небытия. Это смерть, но переходящая в бессмертие, вечный сон, вечный мир» [9, с. 90]; по некоторым версиям, там живут сны. Так что можно считать это еще одной деталью в описании мифологической картины мира.

Но, с другой стороны, это создает и сомнения насчет достоверности (в рамках данного художественного мира, разумеется) произошедших до этого событий. Подчеркивание, что речь идет не просто о снах, но и о ложных снах, усиливает эти сомнения. Было ли все это, условно говоря, в художественной реальности стихотворения, или в воображаемом мире, сновидении, одного из героев – юноши или Прозерпины?

Финальная строка (*сновидений ложный рой*), по сути дела, вводит элемент читательских колебаний. Это термин Цв. Тодорова, который считал их необходимыми для создания фантастической образности в произведении: «Колебания в выборе объяснения и создают эффект фантастического» [7, с. 25]; «колебания, испытываемые читателем, – первейшее условие фантастического жанра» [7, с. 30] и т.п. Правда, Цв. Тодоров отказывал поэзии (лирике) в наличии фантастического, но уже достаточно давно понятно, что в этом он был не совсем прав – в лирике XX века, по крайней мере, примеров фантастического не так уж мало, а вот в XIX-м оно встречается гораздо реже (если не иметь в виду жанр баллады, который все же не совсем лирический).

Таким образом, вполне возможно, что, несмотря на обращение к мифологическому сюжету, «Прозерпина» – первое (или одно из первых) фантастическое лирическое стихотворение в русской поэзии.

Литература

1. Ботвинник Н. М. Гомеровский мотив в стихотворении А. С. Пушкина «Прозерпина» // Пушкин и славянский мир: V Крымские Пушкинские чтения: тезисы докладов. Алупка, 1995. С. 82–85.
2. Бройтман С. Н. Лирический субъект // Введение в литературоведение: учебное пособие / под ред. Л. В. Чернец. М.: Высшая школа, 2004. С. 310–322.
3. Грехнев В. А. Мир пушкинской лирики. Нижний Новгород: Нижний Новгород, 1994. 464 с.
4. Дмитриева Н. Л. «Плещут волны Флегетона...»: из комментария к стихотворению Пушкина «Прозерпина» // Пушкин и литературный про-

32 | цесс: материалы международной научной конференции. Псков: Псковский государственный университет, 2020. С. 25–30.

5. Корман Б. О. Лирика Некрасова. Воронеж: Воронежский университет, 1964. 390 с.

6. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. В 17 т. Т. 2. Кн. 1–2. М.: Воскресенье, 1994. 1206 с.

7. Тодоров Цв. Введение в фантастическую литературу / пер. с франц. Б. Нарумова. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. 144 с.

8. Французская элегия XVIII–XIX вв. в переводах поэтов пушкинской поры: сборник / сост. В. Э. Вацуро; комментарии В. Э. Вацуро и В. А. Мильчиной. М.: Радуга, 1989. 688 с. На франц. яз. с параллельным русским текстом.

9. Четвертных Е. А. Элизийский интертекст в поэзии конца XX в.: диалог с классикой // Филологический класс. 2013. № 4 (34). С. 89–97.

10. Чумаков Ю. Н. В сторону лирического сюжета. М.: Языки славянской культуры, 2010. 87 с. (Studia philologica)

11. Якубович Д. П. Античность в творчестве Пушкина // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. Вып. 6. М.; Л.: АН СССР, 1941. С. 92–159.

V. Ya. Malkina

VISUAL IMAGERY AND LYRICAL PLOT IN PUSHKIN'S POEM PROSERPINE

The article is devoted to the analysis of Pushkin's poem "Proserpine" (1824) from the point of view of the correlation between visual (particularly, fantastic) imagery and lyrical plot, i. e. the way the reflection of the lyrical subject is developed on the basis of his vision and outlook.

Keywords: Alexander Pushkin; Proserpine; lyrical plot; visual in lyricism; fantastic in lyricism.

доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы
Софийского университета им. Св. Климента Охридского
София, Болгария
ljudiv.d.@gmail.com

ПУШКИНСКАЯ ДРАМА «РУСАЛКА»: NEVERENDING STORY

Пушкин демонстрирует беспрецедентный тип драматургического мышления, которое остается неувоенным театральной практикой. Он включается в каноне сравнительно поздней и считанной большинством исследователей незаконченной драмой „Русалкой“ (1832). Это чаще всего цитируемое и в этом смысле – усвоенное самим каноном драматургическое произведение Пушкина. Реминисценции о ней улавливаются от Лермонтова через Островского и до Чехова, и Пушкин присутствует в русской драматургии XIX века как драматург опять через „Русалку“.

Ключевые слова: драматургический канон, архетипный сюжет, (не)законченность, жанр, драматическая ситуация.

Независимо от того, что прозвучит крайне, но я исхожу из собственной убежденности в том, что Пушкин не создает каноническую пьесу. Его имя драматурга гораздо в большей степени является объектом теоретических обсуждений, чем волнует театралов. Факт, что „Борис Годунов“ или „Маленькие трагедии“ – совсем немаловажные *тексты*, остаются невосприимчивыми *театральными* экспериментами и все еще ждут своего сценического признания и вообще – реабилитации. Усилия ряда крупных режиссеров: Станиславского, Немировича-Данченко, Мейерхольда, Эфроса, Любимова и т. д. остаются локализованными в отдельные периоды и не порождают традицию. И не потому что его опыты слабы (один только „Борис Годунов“ – школа в первых шагах любого профессионального литератора, драматурга или актера), а потому что Пушкин демонстрирует особый, беспрецедентный образец драматургического мышления.

Отстаиваю тезис, что русский канон в драме XIX века организует ряд произведений вокруг константного Сюжета, сконструированного Грибоедовым в „Горе от ума“. Пушкин самым подобающим образом вписывается в этот процесс своей сравнительно поздней и считаемой большинством исследователей незаконченной пьесой „Русалка“ (1832). Вполне сознавая возможный скептицизм относительно этого утверждения, спешу подчеркнуть одну особенность: *авторитет „Горя от ума“ выше, чем этот Грибоедова, в то время как авторитет „Русалки“ ничтожен по сравнению с авторитетом*

Пушкина. В своем стремлении „наверстать“ авторитет драме, постараюсь прочесть ее через конвенции Сюжета. Пушкин чаще присутствовал в драматургическом каноне „инкогнито“, через осуществленную Гоголем его идею в „Ревизоре“, чем самостоятельно. Так что подход к „Русалке“ может быть и таким: это украинский сюжет Пушкина, который он *не* дарит Гоголю. И с этим сюжетом становится частью канона. Более того – может быть не подозревая, но, по-моему, вполне объяснимо, „Русалка“ – чаще всего цитированный и в этом смысле усвоенный Пушкинский драматургический текст *самим каноном*. Реминисценции этого текста улавливаются от Лермонтова через Островского до Чехова, и имя Пушкина присутствует в русской драматургии XIX века как имя драматурга опять через „Русалку“!

Опубликовано посмертно в „Современнике“, кн. VI за 1837 г., произведение сопровождается уточнением: „Драматический *отрывок* в 3 картинах в стихах А. С. Пушкина“. И, по мнению большинства исследователей, рукопись достигла до нас без последней страницы, на которой следовала бы произойти развязка (согласно ожиданиям – после встречи князя с маленькой русалкой и его вопроса, с которым текст прерывается: „Откуда ты, прекрасное дитя?“, он должен пойти вслед за своей дочери в реку и утопиться, и так давнишная его любимая получила бы возмездие). Именно подобная гипотеза во всей долголетней рецепции „Русалки“ породила интересное явление – периодически, начиная с конца 30-х годов XIX века и вплоть до 40-х XX века, отсутствие финала искушало различных авторов попробовать закончить ее.

В целях одного поэтологического исследования, отсутствие финала все еще не проблема, так как в наличном тексте четко прослеживается логика интриги и взаимоотношения между персонажами. Неоткрытый последний лист рукописи порождает относительно уместные утверждения, что предполагаемая финальная сцена с утоплением князя никогда не была написана, и пьеса кончается вопросом – в диалоге и на уровне психологического контекста; то есть, произведение создает не столько ощущение незаконченности, сколько алогичности.

У авторов, обосновывающих тезис о законченности пьесы, заметно гораздо более глубокое литературное мышление не по отношению к формальной истине, а по поводу их намерений уловить направление Пушкинской драматургической логики. Еще В. Брюсов в своем педантичном текстологическом анализе произведения произносит совсем основательное возражение: „Вряд ли Пушкин стал бы переписывать сцену, если из нее было написано всего 16 первых стихов“ (Брюсов 1902: 360). А М. Л. Гофман в двух весьма отдаленных во времени статьях – в 1928 и 1957 г. – защищает позицию, что „законченность „Русалки“, (несъмненный факт) кажется с первого взгляда неправдоподобной, настолько „Русалка“ производит впечатление незаконченного произведения“ (Гофман 2000: 434), но спешит дополнить одну очень

важную подробность: „такая незаконченность *входила в намерения Пушкина* (кстати сказать, – и это очень важно, – она есть и в плане „Русалки“)“ (там же, курсив – мой, Л. Д.).

В контексте приведенных рассуждений могу допустить, что в случае с „Русалкой“ проблема финала имеет иную логику, хотя результат и совпадает с описанным типологическим положением „незаконченности“. „Русалка“ – более или менее устойчивый сюжет у Пушкина, чей драматургический вариант самый поздний. Первоначально возникает баллада „Русалка“ (1819), позже песня из цикла „Песни западных славян“ „Яныш-королевич“ интерпретирует мотив „любовь русалки к земному мужчине“ (1833), и позже появляется пьеса. Последовательность не совсем ясна, но важнее то, что и баллада, и песня – законченные произведения, они предлагают финал-исход от встречи человека с фантастическим существом, тогда как драма прерывается почти перед встречей князя со своей давнишней возлюбленной. Здесь Пушкин оказывается перед различными художественными законами относительно традиционно лирического сюжета и, абсолютно осознав это, колеблется как закончить текст. Несколько лет назад, в 1826 г., он сочиняет кажущееся стихотворное произведение – „Как счастлив я, когда могу покинуть...“, которое сильно напоминает финальный монолог князя: „Невольно к этим грустным берегам / Меня влечет неведомая сила...“. В драме заметно очевидное возвращение к этому мотиву, но шесть лет позже он уже не так убедителен. Все это показывает, что автор демонстрирует серьезные художественные намерения к драме и обдумывает в деталях каждый элемент ее поэтики.

Проблема углубляется и из-за одного трудно объяснимого факта. На *последней странице* беловика текста, драматург набрасывает *план* пьесы, который гораздо в большей степени вызывает сомнения у исследователей, чем определяет последовательность творческого процесса. Этот план выглядит следующим образом: „Мельник и его дочь. – Свадьба. – Княгиня и Мамка. – Русалки. – Князь, старик и русалочка. – Охотники“. Гофман накладывает пять пунктов плана на осуществленный текст, обнаруживая совпадения: „Первый пункт соответствует Сцене I, „Берег Днепра. Мельница“; второй – Сцене II, „Княжеский терем“; третий – Сцене III, „Светлица. Княгиня и Мамка“; четвертый – Сценам IV и V, „Днепр. Ночь“ и „Днепровское дно“; пятый – Сценам VI и IV, „Берег“; шестой – Сцене IV, „Днепр. Ночь“ (Гофман 1928: 82–83. Римские означения – автора, в Пушкинской рукописи они отсутствуют). Этот факт дает основание о том, чтобы исследователь сделал следующий вывод: „В исполнении этой программы мы видим лишнее доказательство того, что „Русалка“ была закончена поэтом и что VI-я сцена, на самом начале которой обрывается рукопись, была последней сценой драмы“ (там же). Разумеется, подобный вывод – крайний и в некоторой степени наивный – он рассчитывает на кажущиеся совпадения, не стараясь объяснить, почему план пьесы

появляется едва в конце беловика переписи. С. А. Фомичев относит этот список сцен к так называемым „ретроспективным планам“ Пушкина – далеко не изолированный факт в его творческом процессе, переорганизующий уже написанный текст и переставляющий готовые фрагменты (Фомичев 1991). Эта идея со своей стороны порождает самый агрессивно утверждаемый в пушкинистике тезис Владимира Рецептера (Рецептер 1998а, б), согласно которому перемена мест сцен – Пушкин переозначивает три последние в новую последовательность: так, над „Днепровским дном“ пятая по счету, автор ставит „I“; над третьей – „Светлица“ – „II“; а над четвертой – „Днепр. Ночь“ – „III“ – последние сцены, меняющиеся местами, были той самой преработкой пьесы, которую не узнали издатели. В этом виде композиция выглядела бы следующим образом: „Берег Днепра. Мельница. – Княжеский терем. – Днепровское дно. – Светлица. – Днепр. Ночь. – Берег“. Идея Рецептера эффектна, но, во-первых, она не оригинальна – еще М. Загорский допускает подобную возможность, и, во-вторых, ничего не подсказывает, что Пушкин обдумывал переозначение как окончательное перекомпозирование произведения, придающее ей законченность. Скорее более оправдано то, что это – очередной этап работы над ним, „равноправный“ остальным его обдумываниям. В виде, в котором достигла до нас, драма „Русалка“ имеет свою внутреннюю логику и законченность, но и открытую перспективу. Что касается формального финала, пьеса окончательно будет закончена – не „достроена“, а полностью „перенаписана“ – едва Чеховым в „Чайке“: еще один аргумент в пользу несомненной каноничности Пушкинской пьесы. Вообще говоря, Чехов – самый внимательный ее читатель, и его „комедия“ – нечто вроде комментария и естественного рефлекса (квази-палимпсеста) Пушкинской „трагедии“.

Проектирование пьесы как трагедии, по презумпции предполагающее смерть героя, заставляет большинство толкователей допускать несомненное утопление князя как естественный конец как замысла русалки, так и сюжета. Если хорошо знать художественную логику Пушкина однако, подобная категоричность почти невозможна, хотя бы потому, что в уже осуществленных до „Русалки“ его трагедиях – „Борис Годунов“ и болдинский цикл – финалы представляют большое разнообразие в отношении судьбы героев. Смерти у Пушкина есть, но не обязательно, чтобы они были в самом конце: единственный такой случай и, следовательно, исключение, это смерть барона из „Скупого рыцаря“. Дон Жуан умирает согласно требованиям архетипного сюжета; Моцарт убитый ядом, но в рамках действия он выживает, а председатель категорически побеждает смерть (свою). Умирает царь Борис Годунов, но за три сцены до знаменитого финала драмы. Вот почему слишком поспешно было бы допустить, что здесь князь обязательно должен умереть. Мертвец в пьесе уже есть, и в контексте Пушкинских художественных намерений

вероятнее всего это вполне достаточно. Трагедийную интригу автор строит по далеко не однозначным критериям. С этой точки зрения уместнее был бы вопрос: о ком написана драма? Чья судьба самая трагичная?

Есть хотя бы четыре персонажа, вписывающиеся подобающе в модус „несчастные люди“: дочь мельника, князь, но так же и мельник и княгиня. Причины их несчастья разные, но каким-то образом все восходят к фигуре князя. Его отсутствие сделало бы невозможной саму историю.

В „Горе от ума“ Грибоедов „пересекает“ любовную (водевильную) диалогично-горизонтальную интригу высоким, эгоцентричным, монологично-вертикальным поведением героя, идущего извне. Сюжетный взрыв номинирует как ведущую, идентификационную, модель „Чацкий“, удерживающую идеологический перевес над бытовым легкомыслием страстного увлечения – моделью „София“. Как в „Русалке“ Пушкин „читает“ эту ситуацию? Кажется, что пьеса рассказывает о том же – о трагической любви между деревенской девушкой и дворянином; девушка покинута своим любимым из-за другой женщины, после чего она утоплется. Пушкин не рассказывает любовную историю из-за самой любовной истории; в его тексте „холодный ум“ – приоритет женского образа, как это у Грибоедова, в то время как чувства характеризуют мужчину. Напоминаю, что важный герой в драме – князь. Влюбленный мужчина возвращается к своей любимой не с намерением, чтобы они собрались, а чтобы „расстаться навек“. Словом, две сюжетные линии – вертикальная и горизонтальная – в самом начале резко разъединяются и до конца действия мучительно и мистически будут стремиться одна к другой.

Произведение сохраняет инвариантные персонажи сюжета – мужчину, идущего извне, и женщину, поддерживающую любовную интригу. В данном случае каждый из них борется как за перевес над другим, так и за то, чтобы выиграть статус основного (единственного) протагониста. Их судьбы, в начале пресекаясь, прослеживаются параллельно после разлуки, все упорнее приближающиеся к новому пересечению, к новому сюжетному взрыву, но то, что он все не происходил, долгое время занимало исследователей. В данном случае больше интересует меня поведение и образ князя, воспринимаемый более единодушно в негативном аспекте, чем образ русалки. Что, как мне кажется, не совсем убедительно.

В литературной критике преобладают мнения о том, что князь – насильник, обеспеченный социальной (сословной) властью, один из „недостижимых“ в феодальном обществе. Прочтенный через романтическое мировоззрение, он „исторически осужден“ Пушкиным и его „неизбежный“ конец заслужен. Поступивший „как все“, позже он будет искать свою собственную индивидуальность: с трудом, но последовательно, он будет снимать со своих плеч конвенцию, предрассудки, и под воздействием угрызений и своей ответственности „замерзнет“ на берегу Днепра, увидев „пленительного дитя“ –

свой персонифицированный грех. Он – первый герой русской классической литературы, который осмысляет разрушительное действие властнического эгоцентризма, примененного как насилие над другим человеком. И мимо архетипной ситуации „прельщенная и брошенная“, в своей попытке покаяться, предупредить не только секулярное бытие библейской проекции, представленной Раскольниковым и Соней, но и толстовским князем Нехлюдовым: „Но что же делать? Всегда так. Так это было с Шенбоком и гувернанткой, про которую он рассказывал, так это было с дядей Гришей, так это было с отцом, когда он жил в деревне и у него родился от крестьянки тот незаконный сын Митенька, который и теперь еще жив. А если все так делают, то, стало быть, так и надо». Так утешал он себя, но никак не мог утешиться. Воспоминание это жгло его совесть“ (<https://ilibrary.ru/text/1462/p.18/index.html>). Нехлюдов, как показывают его мысли, уже „заражен“ *синдромом Воскресение* – в русской литературе отчаявшиеся женщины умирают; возрождаются провинившиеся мужчины. Не только из-за „издевательств“ патриархата.

За несправедливость к дочери мельника виновные наказаны по-разному: отец – сумасшедствием; княгиня, отнявшая у нее любимого – бездетностью. Единственно князь „пошажен“. Но единственно он страдает после случившегося, и в своем сознании непрерывно обвиняет себя, даже и когда видит сошедшего с ума старика-ворона („И этому все я виною!“). Именно искупление, израсходованное предварительно, заставляет Пушкина „остановить“ героя на берегу, дает ему прощение. Русалочка появляется перед взором своего отца, *после того* как он вслух и категорически изрек покаяние за сделанное семь лет назад – герой живет все это время своим прошлым, а не своим настоящим, какое, несомненно, у него есть. В этом смысле вопрос о главном герое (русалке?, мельнике?, князе?) весьма относителен. Пушкина не интересует „народностное“, а индивидуальное. Его волнует состояние кающегося князя. Волнует его вопрос о том, может ли покаяние стать искуплением, и где здесь Бог? Маленькая русалка не могла бы произнести убедительно сакральные слова: „Отец Мой, почему Ты Меня оставил?“ из-за полного метаморфоза ситуации. Князь, как и мельник, тоже теряет свою дочь, но в конце находит ее, хотя все еще не зная, кто она. Он является героем-медиатором, находящимся между двух женщин, и едва через семь лет после случившегося в мельнице приходит к своему окончательному выбору, а этот выбор аскетичный, отшельнический. И русалка, и князь через любовь проходят тяжелый путь самопознания – как Чацкий и София. И вот он теперь наконец выбирает свою судьбу сам, по любви – у реки тайн, в ожидании прилива.

Князя следует представлять себе счастливым.

Литература

1. Альтман И. Л. Избранные статьи. М. Советский писатель. 1957, 456 с.

2. Брюсов В. Я. Текст пушкинской Русалки. В: Русский архив. Год сороковой, 1902, с. 354–361.
3. Гофман М. Л. Проблема сумасшествия в творчестве Пушкина. В: Центральный пушкинский комитет в Париже (1935–1937). М. Ellis Luck 2000, с. 411–457.
4. Димитров Людмил. Шест авторов в поисках своего лица. (Драма А. С. Пушкина „Русалка“) В: Жизнь провинции как феномен духовности. Сборник. Нижний Новгород, Издательство „Вектор Т и С“ 2004, с. 133–138.
5. Димитров Людмил. Пушкин: прецедент на сюжета. В: Да бъдеш шут в играта на съдбата. Руската драматургия от XIX век. Херменевтика на канона. София, Университетско издателство „Св. Климент Охридски“ 2017, 616 стр.
6. Рецептер В. Э. История читательских заблуждений. Последняя трагедия. В: Звезда, № 1 1998, с. 138–168.
7. Толстой Л. Н. Воскресение. Роман. В: <https://ilibrary.ru/text/1462/p.18/index.html>

L. Dimitrov

PUSHKIN'S DRAMA MERMAID: NEVERENDING STORY

Pushkin interprets the canonic plot in unexpected way with his late and considered by more researchers as incomplete work „Mermaid“ (1832). It is his most cited work and the play assimilated to the greatest extends by the canon. We can catch reminiscences of it from Lermontov and Ostrovsky to Chekhov – Pushkin's presence in 19th century Russian dramaturgy is realized through this play.

Keywords: dramatic canon, archetypal plot, (non)completeness, genre, dramatic situation.

ЛИРИЧЕСКАЯ МИНИАТЮРА В ПОЭЗИИ А. С. ПУШКИНА: ВОПРОСЫ ГЕНЕЗИСА И ПОЭТАПНОГО РАЗВИТИЯ

В статье исследуется формат лирической миниатюры в поэзии А. С. Пушкина, причем строго в историко-хронологическом плане, с учетом эволюции лирики поэта, периодизации его творческого пути. При этом уясняются истоки (генезис) и типология этой миниатюрной стиховой формы.

Ключевые слова: А. С. Пушкин; лирическая миниатюра; жанрово-композиционная форма; эпиграмма; лирико-философская медитация.

Динамика развития лирических форм (как демонстрирует эволюция русской поэзии на рубеже XVIII–XIX вв.) указывает на тенденцию к минимизации текста лирического стихотворения. В конечном счете, средняя длина стихотворения в поэзии начинает стремиться к 14–16 стихам, в идеале – к пределу сонетной формы (14-строчнику). Демонстрируют это статистические данные, особенно на материале поэзии Ф. И. Тютчева. Вот интересующая нас статистика. В поэзии В. А. Жуковского (старшего современника и учителя Пушкина) средняя длина стихотворения малых лирических жанров (без баллад) – 41, 5 строки, у Баратынского (приятеля и сверстника Пушкина) средняя длина метрического текста в стихе – 35, 9 строки. У самого Пушкина средняя длина стихотворения – 26 строк, у Лермонтова – 22, 7 строки, у позднего Тютчева – 15, 5 строки [4, с. 18].

О количественной форманте как жанрообразующем признаке в поэзии Нового времени писал и Ю. Н. Тынянов, обращаясь к актуальной проблеме литературной эволюции. Представляется, что данный феномен во многом объясняется тем, что наряду с крупными стиховыми формами все большей популярностью начинают пользоваться лирические миниатюры. Форма стиховой миниатюры предусматривает в обязательном порядке от 2 до 10 стихотворных строк. Таким образом, в эту форму вписываются четверостишия, а также варианты двухкатренных композиций и форма так называемого «безголового» сонета, включающего один катрен и два терцета (или секстет).

Миниатюра как один из стихотворных жанров имеет долгую историю и обеспечивает новое направление развития поэзии. Истоки этой формы

можно усмотреть и в антологической эпиграмме, и в фрагментарных формах эпохи предромантизма. В русской традиции до Пушкина обращает на себя внимание практика Г. Р. Державина – прежде всего имеются в виду его анакреонтические песни, стихотворение «Fragmentum», а также предсмертный вариант «Оды на тление» – «Река времен в своем стремлени...» (1816).

Нас прежде всего интересует поэзия Пушкина, у которого уже достаточно много произведений в форме лирической (стихотворной) миниатюры. Но данную проблему – генезиса и культивирования миниатюрных форм в поэзии Пушкина – следует рассматривать строго в историко-хронологическом плане, с учетом эволюции лирики поэта, периодизации его творческого пути. Начиная с Лицейского периода и кончая последним десятилетием творчества Пушкин непрерывно обращается к форме стихотворной миниатюры. Но от десятилетия к десятилетию меняются его жанровые приоритеты. В конечном счете можно утверждать, что в поэзии Пушкина кристаллизуется жанровая форма лирической миниатюры, оказавшаяся достаточно перспективной для дальнейшего развития отечественной поэтической традиции.

В жанровом отношении лирическая миниатюра – это особый вид поэтического творчества, специфический строй стихотворного текста. Принципиально важно, что главным критерием ее выделения становится не только объем (т. е. количество стихотворных строчек), но еще и структурно-семантический принцип организации самого лирического материала, который, по мнению И. Л. Альми, «проявляется прежде всего как особая завершенность, закругленность видения мира, концентрированность мысли, подчеркнутая точность выражения» [1, с. 22]. Исследовательница прямо заявляла, что «пушкинские миниатюры – “миры”; они несут в себе бесконечное, но замкнутое пространство», «четкая композиция – общее свойство пушкинской миниатюры» [1, с. 40, 41]. Что касается содержания самой миниатюры, то ее может составить как излияние чувства, так и выражение чистой мысли. «Особая концентрированность формы и выражения, свойственная миниатюре», по словам Альми, позволяет, «собрав воедино всю полноту противоречивых эмоций, придать им значительность поэтического итога» [1, с. 41].

Но прежде чем выйти к рассмотрению классических образцов пушкинских миниатюр, обратимся к проблеме генезиса этой жанрово-композиционной формы, к материалу разных периодов пушкинского творчества – Лицейского, Петербургского, Южной и Михайловской ссылки.

В Царскосельском лицее Пушкин провёл несколько лет (с 1811 по 1817 год), которые стали началом его творческого развития – как личности и как поэта. Примеры лицейских миниатюр – это в основном эпиграммы и стихотворения на случай. Ярким примером эпиграммы может считаться стихотворение «Моя эпитафия» («Здесь Пушкин погребен; он с музой молодою...»). Но уже в этот период появляются варианты миниатюрных элегий.

Примечательно, что тенденцию к сближению элегии и эпиграммы отмечал еще А. И. Галич – кстати, служащий учителем словесности в Царскосельском лицее. Вот его характерное размышление из трактата «Опыт науки изящного»: «Где же чувствование удерживается в сознании до того, что стихотворец дает об нем одно только суждение, там элегия переходит в лирический момент души, кратко и сильно ею выражаемый, то есть в эпиграмму, которая потому может принимать все формы, так что ее употребление на сатиру, надпись и прочее совершенно случайное» [2, с. 262].

Приведем примеры таких элегий-эпиграмм: «Итак, я счастлив был, итак, я наслаждался...» (стихотворение было записано в дневнике самого поэта), «Слово милой», «Друзьям» (в последних двух случаях имеются в виду более поздние редакции, датируемые уже серединой 1820-х гг.). Особенно примечательно в этом ряду стихотворение «Друзьям» (1816, 1826), окончательная редакция которого (1826 года) представляет собой 8-стишие, классический вариант двухкатренной композиции.

Известны еще две редакции этого стихотворения (первоначальная и вторая лицейская редакции, 1816 г.), которые превосходили окончательный текст на 16 и на 8 стихов, соответственно. Как видим, наиболее полно и осмысленно тенденция к минимизации стиховой формы, прежде всего элегической, проявилась у Пушкина ближе к середине 1820-х гг.

В Петербургский период (1817–1820) у Пушкина, можно сказать, впервые происходит эстетическая легитимация миниатюрной формы для серьезного лирического жанра – и прежде всего антологической пьесы и лирико-философской медитации. В качестве примеров отметим стихотворение «Дорида» (1819) – антологическую пьесу в форме 10-стишия, написанную 6-стопным ямбом с цезурой и парной рифмовкой, а также текст «Недоконченная картина» (1819) – 8-стишнюю миниатюру в жанре лирико-философской медитации. Опубликована эта миниатюра была в журнале «Московский вестник», печатном органе русского любомудрия, за 1828 год. Интересно, что предыдущая версия (относящаяся собственно к петербургскому периоду) превосходила окончательный вариант ровно вдвое (еще на 8 строчек). Приведем окончательную редакцию текста:

Чья мысль восторгом угадала,
Постигла тайну красоты?
Чья кисть, о небо, означала
Сии небесные черты?

Ты гений!.. Но любви страданья
Его сразили. Взор немой
Вперил он на свое созданье
И гаснет пламенной душой.

[3, с. 98]

В период Южной и Михайловской ссылки (1820–1826) поэтом созданы такие классические миниатюры, как «Нереида» (1820), «Птичка» (1823), «Ночь» (1823), «Если жизнь тебя обманет...» (1825); «Сафо» (1825) – 3 стиха в форме антологического фрагмента; «Цветы последние милей...» (1825) – 6 стихов, классическая лирико-философская миниатюра; «Все в жертву памяти твоей...» (1825) – элегия-посвящение в форме 8-стишия; «В крови горит огонь желанья...» – 8 стихов, на тему библейской «Песни песней»; «Лишь розы увядают...» (1825) – миниатюра, считающаяся черновым наброском, но претендующая на законченность.

Здесь же следует обратить внимание на пародийный цикл «Нравоучительные четверостишия» (1826), состоящий из 11 четверостиший, которые были написаны в Михайловском в соавторстве с Н. М. Языковым. Четверостишия эти являются пародиями на «Апологи» И. И. Дмитриева. Воспроизводя дух наивных морализирующих сентенций старого поэта, облеченных в басенную форму, Пушкин и Языков своими нравоучительными четверостишиями пародировали устаревшую к тому времени традицию нравственно-дидактической поэзии.

В последнее десятилетие (1827–1836) жанр лирической миниатюры будет представлен у Пушкина достаточно широко. Пока обратим внимание только на самые яркие примеры: «Три ключа» (1827), «19 октября 1827 г.», «Город пышный, город бедный...», «На холмах Грузии лежит ночная мгла...» (т. н. элегический отрывок), «Я вас любил, любовь еще, быть может...», «Зорю бьют... из рук моих...», «Два чувства дивно близки нам...», Отрывок («Не розу пафосскую...»), «Пора, мой друг, пора! Покоя сердце просит...» (1834) – медитативный фрагмент с прозаическим продолжением, которое осталось в черновике, «Я думал, сердце позабыло...» (1835), «Подражание арабско-му», «Воды глубокие...».

Таким образом, в качестве вывода можно предложить следующее. Лирическая (или стихотворная) миниатюра в нашем представлении – это своеобразная жанрово-композиционная форма (от 2 до 10 стихов), для которой характерно глубокое содержание при безукоризненно выверенной и минимизированной внутренней структуре. В своем генезисе и дальнейшем эволюционном развитии данная жанрово-композиционная форма может быть правильно понята только в системе смежных жанров – сатирической и лирико-философской эпиграммы, антологического фрагмента, элегии-эпиграммы и элегического «отрывка», любовного мадригала, философской медитации. Но в высшем своем проявлении лирическая миниатюра достигает, можно сказать, и уровня самостоятельного жанра. Поэзия Пушкина – на разных этапах своего развития – тому прямое подтверждение.

Литература

1. Альми И. Л. О лирике. Из истории миниатюры в русской поэзии XIX–XX веков // Альми И. Л. Внутренний строй литературного произведения. СПб.: Издательско-Торговой Дом «СКИФИЯ», 2009. С. 21–61.

2. Галич А. И. Опыт науки изящного // Русские эстетические трактаты первой трети XIX века: в 2 т. Т. 2. М.: Искусство, 1974. С. 205–275.
3. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16 т. Т. 2, кн. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 606 с.
4. Русское стихосложение XIX в.: материалы по метрике и строфике русских поэтов. М.: Наука, 1979. 454 с.

Yu Xianyuе

*postgraduate student of the Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin*

Yekaterinburg, Russia

0932yu@mail.ru

**LYRICAL MINIATURE IN THE POETRY OF A.S. PUSHKIN:
DYNAMICS OF VERSE FORM QUESTIONS OF GENESIS AND
STAGED DEVELOPMENT**

The article examines the format of the lyric miniature in the poetry of A.S. Pushkin, and strictly in the historical and chronological plan, taking into account the evolution of the poet's lyrics, the periodization of his creative path. At the same time, the origins (genesis) and typology of this miniature poetic form are clarified.

Keywords: A. Pushkin; lyrical miniature; genre compositional form; epigram; lyric-philosophical meditation.

«СТИХИЯ НАРОДНОЙ РЕЧИ» В ПЕРЕВОДАХ А. С. ПУШКИНЫМ БАЛЛАД А. МИЦКЕВИЧА

В статье рассматривается специфика переводов А. С. Пушкиным баллад А. Мицкевича «Будрыс и его сыновья» и «Воевода», отражение в них как общих лингвистических традиций, синтеза книжности и разговорности, так и национальной специфики. Освещается творческая индивидуальность автора в создании новизны художественных образов (в сравнении с оригиналом).

Ключевые слова: Пушкин; Мицкевич; художественный перевод; народность; национальность; синтез.

В научных исследованиях о переводческой деятельности А. С. Пушкина нередко утверждается мысль о гениальности поэта в стремления к наибольшей точности передачи оригинала лирических произведений [1]. Однако совершенно иной творческий почерк гения обнаруживают переводы баллад А. Мицкевича, к которым поэт обращается в зрелый период творчества 30-х годов – период новых взглядов на язык и всю его систему. Новый этап начинается и в развитии разговорной речи: теперь источником речевых красок А. С. Пушкина становится не изысканный слог карамзинского салона, а народная речь, просторечие с его яркой образностью. Поэзия приобретает новый идейно-эстетический уровень: условность и абстрактность уступают место точности и конкретности. В поэтическом переводе важно сохранить существенное и заменить несущественное. Существенное – характерные черты эпохи, национальная и социальная специфика, творческая индивидуальность автора и достижение аналогичного оригиналу художественного впечатления в целом.

Народное творчество в жизни А. С. Пушкина и А. Мицкевича. Важнейшим компонентом речевого воспитания А. С. Пушкина было раннее приобщение к народной языковой культуре. Уже в Лицее проявляются особые качества речевого облика поэта – смелый языковой эксперимент, активность в устной речи языковой игры. Период «Арзамаса» – новый этап развития речевой культуры – стремление участников кружка к созданию разговорной речи «света» – избранного круга светских людей, «устная академия вкуса, где в непринужденной беседе рождалась традиция культурно-значимого

46 | разговора, а звучащая речь возводилась бы в ранг искусства» [6, с. 111–113]. Польские исследователи указывают на значительную роль А. С. Пушкина в ознакомлении А. Мицкевича с устным творчеством русского, сербского и других славянских народов [11, 12]. Создатель польского литературного языка, А. Мицкевич, с детства увлекавшийся народными легендами, рассказами, песнями, позднее (в годы учебы в Венском университете) высоко оценивал устное народное творчество как основу филологических исканий; его привлекали героика прошлого, патриотизм (баллада «Свитязь»). А. Мицкевич знакомится с А. С. Пушкиным («*народа русского избранник, прославленный на Севере певец*») – так называл поэта А. Мицкевич) осенью 1826 г. в Москве. Он получает в дар от А. Мицкевича экземпляр сочинений Л. Байрона издания 1826 г. с надписью на польском языке: «Байрона Пушкину посвящает поклонник обоих – А. Мицкевич». Эпитет, которым А. С. Пушкин наделяет А. Мицкевича, – «вдохновенный» («...*Там пел Мицкевич вдохновенный...*») особо дорог А. С. Пушкину: он сопровождает лишь два образа пушкинской поэзии – поэта Н.М. Языкова и любимого пушкинского героя Владимира Ленского.

*Стилистика переводов баллад Мицкевича «Czatv» (у Пушкина «Воевода») и «Trzech Budrwsów» (у Пушкина «Будрыс и его сыновья») как продолжение традиций сказочного слога и оригинальных баллад 30-х гг. С 1830 по 1834 г., в годы зрелого реалистического творчества, А. С. Пушкиным было написано также пять народных сказок в стихах; три «Песни о Стеньке Разине», «единственном поэтическом лице русской истории», как назвал его поэт. Серьезные социальные темы затрагивает А. С. Пушкин и в своих сказках, балладах на народные сюжеты («Жених», 1825; «Утопленник», 1828). Формируется и новый стихотворный размер пушкинского творчества – «раешный» стих, не связанный внутри четкой рифмой и имеющий параллелизм построения («...*Поживика на моем подворье, // Окажи свое усердьё и проворье...*»). «Сказка о попе и работнике его балде»); подобная слоговая организация повествования – и в переводе баллады А. Мицкевича «Три Будрыса». Впервые подстрочный прозаический перевод А. Мицкевича «Trzech Budrwsów (Ballada litewska)» на русском языке опубликовал в 1829 г. Ф.В. Булгарин [2]; с переводом баллады А. С. Пушкиным русский читатель знакомится в 1834 г. Вероятно, что А. С. Пушкин, внимательно читавший издания Ф.В. Булгарина и Н.И. Греча, был знаком и с этим номером их журнала. Ф.В. Булгарин и А. С. Пушкин – известные литераторы Российской империи. В.К. Кюхельбекер, близкий друг Пушкина, высоко оценивал лингвистический талант Ф.В. Булгарина, работающего в новых для России жанрах – плутовского романа, утопии и антиутопии, батального рассказа. Однако соперничество двух поэтов нашло выражение в литературных поединках колких эпитетов, подчеркивающих враждебность и недоброжелательность. Сам А. С. Пушкин в свою очередь*

также активно «клеимил» Ф.В. Булгарина в своих «пасквилях», называя его «Видоком Фигляриным».

Стилистика перевода А. С. Пушкиным баллады А. Мицкевича «Будрыс и его сыновья». Основной лексический пласт текста пушкинского перевода баллады А. Мицкевича составляет синтез высокой книжной и разговорной лексики; лексики, отображающей польские бытовые реалии («точить мечи»; «замышлены»; «нынче»; «пожиться»; «не худо»; полонизм «бердыши» в знач. «польские национальные сабли»: «Дети! седла чините, лошадей проводите, // Да точите мечи с бердышами...» [8, с. 327]; историчность военного похода подчеркивает славянизм («В Новеграде»). Ритм повествования усиливается троекратным синтаксическим повтором («Снег пушистый валится...»). Проявление черт сказовости и былинности – магическое число «три», обозначающее трехмерность пространства: «Три у Будрыса сына, как и он, три литвина. // Трое вас, вот и три вам дороги»; ... // «А гостей на три свадьбы сзывает...» [8, с. 326]. В усилении фольклорных образов баллады «Будрыс и его сыновья» и «Воеводы» проявляется отношение А. С. Пушкина к языковому новаторству А. Мицкевича, демократичность и простонародность которых находила высокую оценку в работах критиков (А. С. Орлов, Я.Л. Левкович). Судьба слова «женка» в тексте перевода А. С. Пушкиным баллады «Будрыс и его сыновья» позволяет предположить искреннюю симпатию автора – переводчика к персонажам: «Был я, дети, моложе, в Польшу съездил я тоже // И оттуда привез себе женку; // Вот и век доживаю, а всегда вспоминаю // Про нее, как гляжу в ту сторонку» [8, с. 328]. Именно такое обозначение замужней женщины – «женка» – часто встречается и в письмах самого А. С. Пушкина к Н. Н. Гончаровой, полных речевой раскрепощенности и балагурства, где рядом стоят такие слова и выражения, как «ангел», «деру тебя за уши и благословляю», «пайдитя», «хват-баба», «женка», «старая хрычовка» (иронично), «тетеха»: «Ты видишь, моя женка, что слава твоя распространилась по всем уездам. Довольна ли ты?... Будьте здоровы все!...» (из письма от 21 августа 1833 г. из Павловского в Петербург). Сравнение текстов баллады А. Мицкевича, переводов Ф.В. Булгарина и А. С. Пушкина отражает некоторую эволюцию метафоричности пушкинских образов (в сравнении с оригиналом): таково изменение облика польской молодой красавицы, приобретающего национально-русские черты. Основу образности А. Мицкевича (портрета молодой ляхки) составляет сравнительный оборот «бела, как молоко» (так же – в дословном переводе Ф.В. Булгарина), А. С. Пушкин заменяет его на сравнение «бела, что сметана». Продукт под названием «сметана» и технология ее приготовления в XIX в. уже хорошо известны русскому гурману. В Словаре В.И. Даля находим «...Сметана – ж. Молочный продукт из кислых сливок. Сметана. Квашеные сливки. Густо слой окислых сливок»

[4, с. 445] (ср. также определение в «Русской Поваренной книге» XIX в.: «...часть солонины отварить в воде мягко... Натертого хрену развести со сметаной, и облив оным, солонину подавать...») [7]. Экспортируется же сметана из России только после Второй мировой войны. Этот факт отчасти объясняет возможность стилистической замены в изображении облика молодой невесты в тексте оригинала и перевода «Мицкевич – Пушкин»: «Весела, что котенок у печки // И как роза румяна, и бела, что сметана, // Очи светятся, будто две свечки» (перевод А. С. Пушкина) [8]. Влиянием традиционной образности русских баллад и сказаний возможно объяснить и основную метафору в описании взгляда молодой полячки (сравнение блеска глаз с «сиянием звезд» – у А. Мицкевича; с «горением свечи» – у А. С. Пушкина («... А глазки блестят, как звездочки». Ф.В. Булгарин. Подстрочный перевод А. Мицкевича; «...Очи светятся, будто две свечки». Перевод А. С. Пушкина). Происходит своеобразная поэтизация обожествляемого образа свечи (ср.: в «Сказке о мертвой царевне и о семи богатырях»: «Дом царевна обошла, // Все порядком убрала, // Засветила богу свечку...»). Завершается баллада «Будрыс и его сыновья» картиной свадебного пира – традиционно сказочным сюжетом, особо созвучным композиционным приемам жанров народного творчества, сказовой стилистике.

Пушкинский перевод баллады А. Мицкевича «Воевода». *Стиль и предназначение текста.* Исследователи переводческой деятельности А. С. Пушкина (Л.Н. Поливанов, Н.Ф. Сумцов) справедливо отмечают, что «Воевода» сохраняет только общий ход действия и речей действующих лиц подлинника; А. С. Пушкин создает нечто отличное от произведения А. Мицкевича. З. Гросбарт обращает внимание на передачу звукописи в «Воеводе» как свойство самой поэзии А. С. Пушкина, вне его стремления воспроизвести особенности инструментовки стиха А. Мицкевича (повторение глухих звуков в строфе, где пан и хлопец шепчутся, естественно у А. С. Пушкина) [11]. Особой структурной значимостью обладает синтаксическое построение фразы: «Воевода закричал, // Воевода пошатнулся...// Хлопец, видно, промахнулся: // Прямо в лоб ему попал» [9]. А. С. Пушкин как бы сжимает, конспектирует сцену и делает это с помощью «стремительного движения предложений», состоящих только из главных членов (стилистический прием, который В.В. Виноградов с полным основанием считает особенностью стихотворного синтаксиса позднего А. С. Пушкина) [3]. В пушкинском переводе текст претерпевает и определенные сюжетные изменения (сокращается сцена объяснения панны с возлюбленным; эротика сцены А. Мицкевича снижается: личный конфликт уступает место социальному). Неоднозначна судьба слова «панна» (обозначение молодой замужней женщины) в контексте пушкинского перевода «Воеводы». В польском литературном языке слово «панна» соотнесено только с незамужней женщиной. В черновиках А. С. Пушкина

используется обозначение «жена» – «муж», проходящее сквозь весь текст баллады («Он бежит к жене в светлицу, Дернул полог – молодицу...»; «Нет жены – пуста кровать...») [11, с. 1–12]. В известном толковом словаре Самуила Богумила Линде (шеститомный «Словарь польского языка» [13], который был в библиотеке А. С. Пушкина), русскому слову «молодая» (или «молодица») соответствует «pani młoda», а в качестве одного из синонимов приводится и «panna młoda» (применительно к недавно вышедшей замуж женщине). Я.Л. Левкович высказывает точку зрения, что А. С. Пушкин выбрал последний вариант (может быть, ради привлекшей и его рифмы: «*фонтана – панна*»), не учтя, по-видимому, что без прилагательного смысл слова меняется [5]. В поэтических и прозаических текстах А. С. Пушкин часто обращается к словам смыслового ряда – «жена», «супруга», «половина» (ср.: «...Да, такая есть девица. // Но жена не рукавица...» («Сказка о царе Салтане...», 1833; «Все успокоилось: в гостиной // Храпит тяжелый Пустяков // С своей тяжелой половиной». «Евгений Онегин») [10]. Представляется, что именованная героев баллады «*пан*» и «*панна*», не соответствующие определению польского словаря С. Б. Линде, не должны квалифицироваться как неточность пушкинского словоупотребления. В русскоязычном тексте реалий лексическая калька с польского, с намеренным нарушением значения, создает тональность легкой иронии, рожденной разностилевой лексикой контекста и созвучной рифмой: «*панна*» – «*фонтана*» (прием контрастно обозначает оценочность автора в отношении главной героини).

В переводческой деятельности А. С. Пушкина отразились его общие лингвистические традиции – любовь к народному слову, осуществление синтеза книжности и разговорности. Стилизация речи персонажей, динамика и диалогичность повествования, своеобразие перевода на русский язык народно-поэтических образов польских баллад выявляют единство отношения к разговорной стихии двух гениев польской и русской литературы – А. Мицкевича и А. С. Пушкина. Метафоричность и образность оригинала и перевода, сказочно-былинный колорит едины в плане создания концепции художественного повествования, но индивидуальны в соответствии с традициями национальных культур и литературных взглядов двух славянских народов.

Литература

1. Александр Сергеевич Пушкин в истории художественного перевода // URL: <https://rufrance.fr/aleksandr-sergeevich-pushkin-v-istorii-hudozhestvennogo-perevoda> (дата обращения: 15.10.21).
2. Булгарин Ф. В. Три Будриса. Литовская Баллада, соч. А. Мицкевича // Сын Отечества и Северный Архивъ. Журналъ литературы, политики и современной исторіи, издаваемый Николаемъ Гречемъ и Фаддеемъ Булгаринымъ. 1829. Т. V. С. 113–115.

3. Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М.: Гос. изд-во Худ. лит., 1941. 620 с.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Избранные статьи / Совмещенная редакция изданий В.И. Даля и А.И. Бодуэна де Куртене. М.: ОЛМАМЕДИА ГРУПП, 2009. 573 с.
5. Левкович Я. Л. Переводы Пушкина из Мицкевича // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. Т. 7. Пушкин и мировая литература. С. 15–166.
6. Лотман Ю.М. Избранные статьи. В 3-х т. Таллин: Александра, 1992. Т. I. Статьи по семиотике и типологии культуры. 478 с.
7. Макарова А. Русская поваренная книга, заключающая в себе более 700 правил приготовления различных блюд // URL: <https://eda.wikireading.ru/aYbdQilN6L> (дата обращения: 15.10.21).
8. Пушкин А. С. Будрыс и его сыновья: Собр. Соч.: В 10 т. М.: ГИХЛ, 1959 – 1962. М.: ГИХЛ, 1959 – 1962. Том 2. Стихотворения 1823–1836. 782 с.
9. Пушкин А. С. Воевода // URL: <https://ilibrary.ru/text/767/p.1/index.html> (дата обращения: 15.10.21).
10. Пушкин А. С. Роман в стихах. Евгений Онегин // URL: <https://rusistih.ru/> (дата обращения: 15.10.21).
11. Grosbart Z. Zagadnienie adekwatności w Puszkiniowskich przekładach ballad Mickiewicza. – *Zeszyty naukowe Uniwersytetu łódzkiego, ser. I, zesz. 41, 1965* // URL: <https://rusistih.ru/> (дата обращения: 15.10.21).
12. Walentina Macapura. Баллады Адама Мицкевича в художественной интерпретации А. С. Пушкина // URL: UWM w Olsztynie Acta Polono-Ruthenica XIX, 2014 ISSN 1427-549X. S.1–12.
13. Słownik języka polskiego przez M. Samuela Bogumiła Linde. Т. 1–6, Drukarnia XX. Pijarów, Warszawa, 1807–1814.

I. A. Ivanchuk

*Dr. philol. sciences, Saint-Petersburg, Russia
ivanchukia@rambler.ru*

**«THE ELEMENT OF THE FOLK SPEECH» AS THE BASIS
OF THE STYLISTICS OF A.S. PUSHKIN'S TRANSLATION
OF THE A. MICKIEWICZ'S BALLAD**

The article examines the specifics of the A.S. Pushkin's translations of the A. Mickiewicz's ballads «Budrys and his Sons» and «Voivode», reflecting in them both the general linguistic traditions of the synthesis of the bookishness and the colloquialism, and the national specifics. The author's creative individuality in the creating the novelty of the artistic images of the translation (in the comparison with the original) is highlighted.

Keywords: Pushkin; Mickiewicz; literary translation; nationality nationality; synthesis.

ПАРНЫЙ ТАНДЕМ «ПУШКИН – ЛЕРМОНТОВ» В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА: ВАСИЛИЙ РОЗАНОВ

Статья посвящена литературной критике Серебряного века, в частности, в ней рассматриваются отдельные работы Василия Розанова, посвященные исследованию особенностей парного тандема «Пушкин – Лермонтов»: «Вечно печальная дуэль», «М.Ю. Лермонтов», «Пушкин и Лермонтов», «О Лермонтове». Делаются выводы о присущей критику особой эстетической позиции, позволяющей ему идти «против общего движения».

Ключевые слова: литературная критика Серебряного века; А. С. Пушкин; М.Ю. Лермонтов; В.Я. Брюсов; А.А. Блок; В.В. Розанов.

«Литературная критика Серебряного имела четко прослеживаемую тенденцию к поискам в творчестве писателей религиозных смыслов: искусства, любви, природы, судьбы», – справедливо указывает Н.И. Милевская [12, с. 21]. Каждый из писателей этого времени по-своему раскрывал указанные смыслы в своем творчестве. В Серебряном веке зарождается новая методология критического взаимодействия с русской литературной классикой: сегодня мы бы назвали ее инновационной. Характер этого «нового типа» критики вскрыл Николай Бердяев в статье «Русский духовный ренессанс начала XX века (К 10-летию “Пути”»». (Напомним, что журнал «Путь» – орган русской религиозной мысли – был основан в 1925 г. в эмиграции). Именно в этой статье, обращаясь «к прошлому, из которого журнал вышел, к духовному движению в России начала XX века», Бердяев говорит: в то время «появился новый тип критики философской».

Как справедливо отмечает Константин Исупов в статье «О философской критике Серебряного века», «наши эмигранты 1922 года увезли Серебряный век с собой... <...> Русское художественное слово и русское православное мироощущение – единственное, что позволяло нашей диаспоре чувствовать себя <...> относительно единой...». (Исследователь прибегает здесь к названию трехтомного труда крупнейшего критика русской эмиграции Р. Гуля «Я унес Россию») [9].

Конечно, по праву первой была для философов фигура А. С. Пушкина – о его творчестве писали все без исключения русские религиозные философы, однако у многих из них было «свое» отношение к Пушкину: так, Н.А. Бердяев, признавая значение Пушкина как «солнца русской поэзии», всегда подчеркивал свое духовное родство с писателем другого – трагического – мироощущения (М.Ю. Лермонтовым).

Тайна личности Пушкина, которая «явилась самооткровением русского народа и русского гения» (о С. Булгаков, статья 1937 г. «Жребий Пушкина») [6], «Пушкин и философия», «Пушкин и религия» – проблемы, волновавшие русских философов. В статье «О задачах познания Пушкина» С.Л. Франк, называя его «учителем мудрости», обосновывает необходимость создания толкового «философского словаря» Пушкина [22, с. 426]. Во введении к спискам и плану издания избранных произведений русских классиков, предпринятого по инициативе А.М. Горького издательством З.И. Гржебина, А.А. Блок («О списке русских авторов», 1919) считает Пушкина философом, потому что «лучшие наши художники были мыслителями и философами» [4].

Философов волновала природа прихотливого пушкинского ума. Многие определяли Пушкина не просто как умного человека, но глубже – и в народных традициях: мудрец. (Быть мудрым есть высшая добродетель – считали древние: Гераклит). В «Этюдах о Пушкине» Франк утверждал: «Пушкин – не только гениальный русский поэт, но и великий русский мудрец» [23, с. 11]. Вникнуть в «мудрость Пушкина» призывал в одноименной книге («Мудрость Пушкина») М.О. Гершензон, показывая природу пушкинского ума не как рациональную в ее логических построениях, а мудрость [7, с. 229]. И хотя советский пушкинист П.Е. Щеголев впоследствии критически оценит книгу Гершензона, считая, что в ней исследователь уступил место мистика и публицисту («Вымученным настроением отличается исследование Гершензона о мудрости Пушкина. Если о чьей мудрости можно получить представление по этому исследованию, то, конечно, о мудрости Гершензона») [24, с. 371], ее ценность не потеряла своего значения и по сей день.

Современный исследователь А.П. Давыдов, определяя русскую реформацию как «двухсотлетнее гуманистическое движение, религиозно-нравственное по своим целям и секулярное по своим средствам» [10, с. 35], сходство Пушкина и Лермонтова видит в том, что оба они являются ее «пионерами», впервые доказавшими: «личность в России возможна» [там же, с. 36].

Впервые противопоставление «солнечного» Пушкина «сумеречному» Лермонтову возникло в критике Серебряного века, многие работы выстроены на этой антитезе. Вообще именно в критике Серебряного века были намечены «парные тандемы» русских классиков, и «Пушкин – Лермонтов» первый из них. Если с Пушкиным все было ясно («солнце русской поэзии») – и творчество, и сама личность Лермонтова вызывали яростные споры не

только на страницах периодических изданий, но и в литературных салонах. Лермонтова нередко прямо соотносили с созданным им художественным образом, называя Демонем. И.Р. Эйгес: «Мрачный и вечный блеск, каким отливают все творчество Лермонтова – “сумерек” нечеловеческой души, – делает Лермонтова истинным Демонем русской поэзии» [25, с. 69]. Однако и ранее полемика о Пушкине и Лермонтове не утихала. В нравственной нечистоте и гордыне обвиняли Лермонтова славянофилы (К.С. Аксаков, С.П. Шевырев) и близкие к ним (Н.Н. Страхов и Ф.М. Достоевский), позже В. Соловьев; в то время как другие (И.Ф. Анненский, В.В. Розанов, Д.С. Мережковский, позже Д.Л. Андреев) считали Лермонтова поэтом-провидцем, мистически прорицавшим будущее России.

Полемика о Пушкине и Лермонтове не утихала в 1870–1880-е гг. Так, на одном из собраний в литературном салоне В.А. Соллогуба (сентябрь 1874) Вл. Соловьев, утверждая, что «в художественном отношении Пушкин выше», не мог не признать: «Лермонтов имеет преимущество рефлексии» [20, с. 206]. Чрезмерно строгий к другим писателям взыскательный Л.Н. Толстой в одной из частных бесед определил Лермонтова как «власть имеющего», дважды повторив это утверждение. Близкий писателю Г.А. Русанов приводит его свидетельство о Лермонтове, относящееся к 1883 г. (т. е. когда Толстой был уже всемирно известным писателем): «– Вот кого жаль, что рано так умер! Какие силы были у этого человека! Что бы сделать он мог! Он начал сразу, как власть имеющий. У него нет шуточек, – презрительно и с ударением сказал Толстой, – шуточки не трудно писать, но каждое слово его было словом человека, власть имеющего. – Тургенев – литератор, <...> Пушкин был тоже им, Гончаров – еще больше литератор, чем Тургенев; Лермонтов и я – не литераторы. Мы философы» [18, с. 47]. Показательно, что С.Н. Дурьлин назвал приведенное свидетельство Толстого «золотым венком на лермонтовскую могилу» [11, с. 504].

Яростные споры о Лермонтове продолжались в 1900-е гг. В мемуарах «Начало века» А. Белый отметил его многослойную сложность: «Лермонтов – арена борьбы: в него вцепилась романтика Вл. Соловьева; в него, как клещ, вцепился Розанов: Лермонтов в двойном понимании сам двойной – образ ножниц, разрезающих души» [1, с. 38]. В своем «Дневнике» В.Я. Брюсов рассказывает, как в мае 1900 г. «на вечернем собрании» у Георга Бахмана (поэта и преподавателя немецкого языка в Москве) он «чуть не поссорился с ним из-за Лермонтова» [5, с. 597]. Брюсову Лермонтов представлялся «и сумрачным и властным». В сонете «К портрету Лермонтова» (1900) поэт-символист говорит о Лермонтове «неразгаданном»:

...И мы тебя, поэт, не разгадали,
Не поняли младенческой печали
В твоих как будто кованных стихах!

[Там же, с. 196].

Приведем и авторскую оценку сонета в черновой рукописи: «Хорошо» [там же, с. 597]. (Отметим, что Брюсову принадлежит вступительная статья ко второму тому собрания сочинений Лермонтова, выпущенного в 1913 г. Московским издательством «Печатник».)

Брюсовскую оценку Лермонтова «неразгаданного» разделяет А.А. Блок, утверждая: Лермонтов «многим не по зубам». Статья Блока «Педант о поэте» является рецензией на вышедшую незадолго до этого вторым изданием (1905) книгу историка Н. Котляревского «М.Ю. Лермонтов. Личность поэта и его произведения». Для Блока Лермонтов – неиссякаемый источник вдохновения: «... Литература последних лет многими потоками своими стремится опять к Лермонтову как к источнику. его чтут и порывисто, и горячо, и безмолвно, и трепетно». Называя Пушкина и Лермонтова «загадками», «магическими именами», «лозунгами двух станов русской литературы», «все еще враждебных», Блок подчеркивает сверхрациональное значение обоих: «Прислушиваясь к боевым словам этих двух, все еще враждебных, станов, мы все яснее слышим, что дело идет о чем-то больше жизни и смерти – о космосе и хаосе...» [3].

Религиозный мыслитель, литературный критик и публицист В.В. Розанов, спорный и противоречивый (амбивалентный), руководствовавшийся не принципами формальной логики, а движениями сердца, эмоциональный и субъективный, выделяя в истории русской литературы три периода («золотой» – Пушкин, Гоголь, Лермонтов, три небожителя; «серебряный» – Толстой, Достоевский, Гончаров, Тургенев; и «медный» (тот, что мы называем Серебряным веком), весьма критически оценивал современную ему литературу, считая, что она не создала ничего значительного. О Пушкине он нередко говорит в работах о Лермонтове – и наоборот. Так, о формировании своего интереса к последнему он вспоминает в заметке «Домик Пушкина в Москве»: во время учебы в университете выучил «почти наизусть всего Лермонтова», «бастуя» против лекций по греческого языка.

Ранняя статья В.В. Розанова «Вечно печальная дуэль» опубликована в 1898 г. в газ. «Новое время» и написана в ответ на выступление в печати сына убийцы Лермонтова Н.С. Мартынова. Мартынов-младший, пытаясь оправдать отца, перекладывает часть вины на секундентов дуэлянтов – Глебова и кн. Васильчикова.

Не соглашаясь с разделением русской литературы на «пушкинское» и «гоголевское» направления (при таком разделении не учитывается значение Лермонтова), Розанов утверждал, что именно в нем «срезана была самая кронка нашей литературы <...>, а не был сломлен хотя бы и огромный, но только побочный сук». Указывая, что русская литература прошла мимо Лермонтова, Розанов говорит о его значении для творчества Гоголя, Достоевского, Толстого, быть может, ими самими не осознаваемая: все они «суть типично-“стихийные” души». Обращаясь к стихотворению «Когда волнуется

желтеющая нива...», Розанов утверждает, что Лермонтов «знал тайну выхода из природы – в Бога», «этот “27-летний” юноша имел ключ к той “гармонии”, о которой вечно и смутно говорил Достоевский» [14].

По Розанову, Пушкин «угадываем в будущем; напротив, Лермонтов – неугадываем. «Но вот, даже и не раскрывшись, даже не предугадываемый – общим инстинктом читателей Лермонтов поставлен сейчас за Пушкиным и почти впереди Гоголя. Дело в том, что по мощи гения он несравненно превосходит Пушкина, не говоря о последующих...». Пушкин, «конечно, богаче, роскошнее, многодумнее и разнообразнее Лермонтова», а далее следует многозначнее розановское уточнение: «точнее, – лермонтовских “27 лет”» [14].

Немало ценных наблюдений у Розанова о природе в творчестве двух поэтов: природа у Пушкина «существенно минеральна; у Лермонтова она существенно жизненна». У одного – «И пусть у гробового входа / Младая будет жизнь играть, / И равнодушная природа / Красою вечною сиять», у другого – мотив смерти как сна заключен в пантеистический контекст и проникнут религиозным чувством: «Но не тем холодным сном могилы, / Я б желал навеки так заснуть, / Чтоб в груди дремали жизни силы, / Чтоб дыша вздымалась тихо грудь» («Выходу один я на дорогу...») [там же].

Перечисляя написанное Лермонтовым за шесть месяцев 1841 г. (а здесь такие произведения, как «Есть речи – значенье темно иль ничтожно...», «Люблю отчизну я, но странною любовью...», «Из-под таинственной, холодной полумаски...», «Не смейся над моей пророческой тоскою...», «Спор», «В полдневный жар в долине Дагестана...», «Ночевала тучка золотая...», «Листок» («Дубовый листок оторвался от ветки родимой...», «Выхожу один я на дорогу...», «Морская царевна», «Пророк» и др.), Розанов с горечью завершает статью: «Если бы еще полгода, полтора года: если бы хоть небольшой еще пук таких стихов... “Вечно печальная дуэль”!» [там же].

В статье «М.Ю. Лермонтов (К 60-летию кончины)» (1901) Розанов сопоставляет Лермонтова и Гоголя как две вершины русского духа, «любимые небом», умевшие видеть не доступное другим [15].

В работе «Пушкин и Лермонтов» (1914) критик сопоставляет творчество двух поэтов через антитезу «лад» – «разлад»: «Пушкин есть поэт мирового “лада” – ладности, гармонии, согласия и счастья». С ним «хорошо жить». Однако сложность мира «заключается в том, что он развивается, движется и вообще “не стоит на месте”... Если “с Пушкиным” – то движению и перемене неоткуда взяться». Им неоткуда взяться «как мировой стихии», потому что мир движется, изменяется, «и этим отрицает покой, счастье, устойчивость, всеблаженство» [16].

Лермонтов, в отличие от Пушкина, «никуда не приходит, а только уходит... Вы его вечно увидите “со спины”. <...> “Прощайте! Ухожу!” – сущность

всей поэзии Лермонтова. Ничего, кроме этого. А этим *полно все*». Глубокое наблюдение Розанова над творчеством обоих поэтов позволяет ему сделать вывод, ставший золотым афоризмом его критики: «Пушкину и в тюрьме было бы хорошо. Лермонтову и в раю было бы скверно» [там же].

В розановской теории мистического значения пола Лермонтов с присущим ему особым чувством божественного начала, разлитого повсюду, становится ключевой фигурой. Розанов интерпретирует лермонтовское ощущение Бога как свойственное древним религиям и анализирует лермонтовское эротическое начало, пронизывавшее отношения человека и космоса. В иных работах, посвященных теории пола (в частности, в работе «Из загадок человеческой природы»), Розанов рассматривает творчество Лермонтова как подтверждение своей концепции. А.А. Голубкова, исследуя в своей диссертации критерии оценок в литературной критике В.В. Розанова, приходит к справедливому выводу о том, что в своей «единой интерпретации личности и творчества Лермонтова» он одновременно создает «две версии, представляя поэта то “атавистом”, то глубоким мистиком, и в зависимости от выбранной позиции каждый раз возникает иной культурный контекст» [8, с. 141].

Розанову, «публицисту с душой метафизика и мистика», «чрезвычайно самобытного, изменчивого, парадоксального» и «внутренне несклоняемого», была присуща особая эстетическая позиция, позволяющая ему идти «поперек общего движения» [19, с. 5]. В работе «О Лермонтове» (1916) читаем: «... За Пушкиным – я чувствую, как накинута на меня за эти слова [курсив наш. – Т.С.], но я *так* думаю – Лермонтов поднимался неизмеримо более сильною птицею <чем Пушкин>. Что “Спор”, “Три пальмы”, “Ветка Палестины”, “Я, Матерь Божия, ныне с молитвою...”, “В минуту жизни трудную...”, – да и почти весь, весь этот “вещий томик”, – словно золотое наше Евангелище...» [17, с. 641].

О силе духа Лермонтова Розанов говорит словами Ветхого Завета (Вторая кн. Ездры, гл. 4): «Вышел – и владеет. Сказал – и повинуются. Пушкин “навалил”... Но Лермонтов не “навалил”, а приказывал. У него были нахмуренные очи. У Пушкина – вечно ясные. Вот разница» [там же].

Литературно-критические статьи Розанова – это плач не только по самому Лермонтову, но – плач русских «о себе»: «И опять этот ужас в душе о ранней его смерти <...>. Ах, Господи, – что случилось...». И здесь же – в христианских традициях – молитва «о несчастном, о трижды несчастном Мартынове», которого нужно «простить *общую русскою душою*»: «Ах, Мартынов, что он сделал! Бедный, бедный Мартынов! “Миша” ему бесспорно простил (“прости меня, Миша”), да и мы ничего не помним, а только плачем о себе. Час смерти Лермонтова – *сиротство России*» [там же, с. 643].

В финале статьи «Пушкин и Лермонтов» Розанов говорит о том, что русская литература «может быть, счастливее, «гармоничнее» всех других литератур,

потому что в ней <...> “лад” выразился столько же удачно и полно, <...> как и “разлад”; и через это, в двух элементах своих, она до некоторой степени разрешает проблему космического *движения*» [16]. Итак, по Розанову, значение русской литературы – в связи с творчеством Пушкина и Лермонтова – в том, что она «объяснила *движение*».

Новаторство Розанова, «художника, а не исследователя» [13, с. 7], шедшего «не путем рассуждения, а путем переживания» [21, с. 3] в жанре литературной критики, вполне укладывается в эстетику Серебряного века, для которой характерно стремление к расширению жанровых рамок.

И последнее. Несмотря на обилие к настоящему времени статей, монографий и диссертационных исследований, посвященных В.В. Розанову, он остается «непостижимым», ибо, как тонко замечает современный исследователь, изучение его творчества требует «как минимум такого же грациозного жеста, такой же умной хватки» [2, с. 21].

Литература

1. Белый А. Начало века: Воспоминания: В 3 кн. / Ред. В. Вацуру и др., подгот. текста и коммент. А. Лаврова. М.: Художественная литература, 1990. Кн. 2. 687 с.
2. Бибихин В.В. Время читать Розанова // Розанов В.В. О понимании: Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания. М.: Танаис, 1996. 830 с.
3. Блок Александр. Педант о поэте // Лит. приложение к журн. «Слово», 1906, № 4, 27 февраля.
4. Блок Александр. Собр. соч.: В 12 т. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде и «Сов. писатель», 1932–1936. Т. 11.
5. Брюсов В. Собр. соч.: В 7 т. / Под общ. ред. П.Г. Антокольского. М.: Художественная литература, 1973. Т. 1. 672 с.
6. Булгаков С. Жребий Пушкина // URL: <http://pushkin-lit.ru/pushkin/public/bulgakov-zhrebij-pushkina.htm> (Дата обращения: 15.11.2020).
7. Гершензон М. Мудрость Пушкина. М.: Изд-во писателей, 1919. 232 с.
8. Голубкова А.А. Критерии оценки в литературной критике В.В. Розанова. Дисс. ... канд. филологических наук. М., 2005. 186 с. // URL: <https://www.dissercat.com/content/kriterii-otsenki-v-literaturnoi-kritike-vv-rozanova> (Дата обращения: 15.11.2020).
9. Гуль Р. Я унес Россию»: Апология русской эмиграции: В 3 т. Нью-Йорк: Мост, 1981–1989.
10. Давыдов А.П. М.Ю. Лермонтов и идеи реформации в русской культуре: Опыт культурологического анализа // Философские науки. 2015. № 3. С. 35–46.
11. Дурьлин С.Н. В своем углу / Сост. и прим. В.Н. Тороповой; предисл. Г.Е. Померанцевой. М.: Молодая гвардия, 2006. 879 с.

12. Милевская Н.И. Вл. Соловьев и Лермонтов – родные братья, Авель и Каин русской литературы // Вестник ТПГУ, 2019. № 1(198). С. 17–26.
13. Николоюкин А.Н. В.В. Розанов – литературный критик // Розанов В.В. Мысли о литературе. М.: Современник, 1989. 608 с.
14. Розанов В.В. Вечно печальная дуэль // URL: http://dugward.ru/library/lermont/rozanov_vechnopechal.html (Дата обращения: 15.11.2020).
15. Розанов В.В. М.Ю. Лермонтов (К 60-летию кончины) // URL: http://az.lib.ru/r/rozanow_w_w/text_1901_lermontov.shtml
16. Розанов В.В. Пушкин и Лермонтов // URL: http://dugward.ru/library/pushkin/rozanov_pushin_i_lermont.html (Дата обращения 15.11.2010).
17. Розанов В.В. Собр. соч.: О писательстве и писателях / Под общ. ред. А.Н. Николоюкина. М., 1995. 735 с.
18. Русанов Г.А., Русанов А.Г. Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом. Воронеж: Центрально-Черноземное кн. изд-во, 1972. 280 с.
19. Синявский А.Д. «Опавшие листья» В.В. Розанова. М.: Захаров, 1999. 318 с.
20. Соловьев В. «Неподвижно лишь солнце любви...»: Стихотворения. Проза. Письма. Воспоминания современников / Ред. А. Носов. М.: Московский рабочий, 1990. 444 с.
21. Фатеев В.А. Публицист с душой метафизика и мистика // В.В. Розанов: pro et contra: Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей: В 2 т. СПб.: Изд-во Христианского гуманитарного ин-та, 1995. Т. 1. 1084 с.
22. Франк С.Л. О задачах познания Пушкина // Пушкин в русской философской критике: Конец XIX – первая половина XX вв. М.: Книга, 1990. С. 422–452.
23. Франк С.Л. Этюды о Пушкине. – 3 изд. – Paris: YMCA-Press, 1987. 128 с.
24. Щеголев П.Е. Из жизни и творчества Пушкина. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М.-Л.: Гос. изд-во худож. литературы, 1931. 374 с.
25. Эйгес И. О Лермонтове: К метафизике сновидения // Аполлон. 1914. № 10. С. 5–69.

T.K. Savchenko

THE DOUBLES TANDEM «PUSHKIN – LERMONTOV» IN LITERARY CRITICISM OF THE SILVER AGE: VASILY ROZANOV

The article is devoted to literary criticism of the Silver age, in particular, it examines individual works of Vasily Rozanov devoted to the study of the features of the pair tandem «Pushkin-Lermontov»: «The ever-sad duel», «M.Y. Lermontov», «Pushkin and Lermontov», «About Lermontov». Conclusions are drawn about the critic's special aesthetic position, which allows him to go «against the General movement».

Keywords: literary criticism of the Silver age; A.S. Pushkin; M.Yu. Lermontov; V.Ya. Bryusov; A.A. Blok; V.V. Rozanov.

РУССКИЙ ПУШКИНИСТ В БЕЛГРАДЕ: ВСЕВОЛОД ПРОКОФЬЕВ (1908–1983), ЕГО СУДЬБА И НАСЛЕДИЕ

В статье впервые в историографии приводятся сведения о судьбе и научном наследии русского историка-эмигранта в Белграде (Сербия), пушкиниста и русиста Всеволода Прокофьева (1908–1983).

Ключевые слова: В.Г. Прокофьев, русская эмиграция, русское зарубежье, пушкинистика, русистка, Сербия.

В истории русского зарубежья межвоенного периода XX века пушкинская тема имела особое, символическое значение как одна из объединительных идей всего беженского сообщества. В этом контексте само имя поэта значило для эмигрантов различных политических воззрений значительно больше, чем только обозначение литературного гения. В то же время оно служило вполне опознаваемым маркером принадлежности к той или иной цивилизационной парадигме. Так, если в русском Париже подчеркивали глобальность и всемирность А. С. Пушкина, то в других центрах зарубежья и особенно в провинциях изгнания фигура поэта, наоборот, символизировала русский национальный характер и особый путь России.

Имя А. С. Пушкина стало настолько знаковым и важным для русских пост-революционных беженцев, что в 1937 г. «Дни» его памяти, приуроченные к 100-летию гибели поэта, фактически трансформировались в «юбилейные». Русская эмиграция широко отмечала эту смертную дату; по ее сведениям, было создано более ста Пушкинских комитетов [9, с. 423], а в 37 странах Европы, Азии, Африки и Северной и Южной Америки прошли многочисленные мероприятия.

Особое звучание пушкинская тема приобрела в Королевстве Югославия – не в последнюю очередь потому, что именно Пушкин и его «Песни западных славян» (в те времена так называли южных славян) впервые широко познакомили Россию и ее читающую публику с миром сербского эпоса в начале XIX века. Неудивительно, что когда в 1925 г. известный профессор-славист Александр Белич (1876–1960), в недалеком будущем председатель Государственной комиссии по делам русских беженцев и президент Сербской коро-

левской Академии наук, инициировал новую культурную традицию – «Дни русской культуры» – выбор времени их проведения пал на день рождения А. С. Пушкина, что объективно способствовало возрастанию и всестороннего интереса сербского общества к творчеству поэта.

В свою очередь «дни памяти А. С. Пушкина» в 1937 г. превратились в Югославии в событие общекоролевского масштаба. Со статьями и исследованиями произведений русского поэта выступили многие и русские, и югославские, прежде всего сербские, филологи, историки, переводчики, писатели, журналисты. С одобрения Министерства народного просвещения Королевства в сербских школах раздавалась брошюра «Александр Пушкин» русского филолога-эмигранта В.А. Розова, написанная на сербохорватском языке и изданная массовым (10-тысячным) тиражом. Эмигрантское Русское археологическое общество еще в 1936 г. выпустило «Юбилейный сборник», а Русский научный институт посвятил пушкинской дате весь 15-й номер «Записок», вышедший в Белграде в 1938 г.

Пушкинский комитет в Белграде возглавил дипломат и общественный деятель В.Н. Штрандтман, его членами стали известные ученые-эмигранты разных поколений – Е.В. Аничков, П.Б. Струве, Л.М. Сухотин, И.Н. Голенищев-Кутузов, К.Ф. Тарановский, а также театральный режиссер Ю.Л. Ракитин, Н.З. Рыбинский (секретарь) и ставший к этому моменту уже президентом Сербской королевской Академии наук академик А. Белич [13].

С его предисловием и при поддержке председателя королевского правительства Югославии Милана Стоядиновича в 1937 г. был издан «Белградский пушкинский сборник», насчитывавший 415 страниц. В своем «напутственном слове» академик Белич подчеркнул, что авторы сборника объединились, чтобы постичь гений поэта, сумевшего сберечь наперекор превратностям судьбы «гармоническое чувство общечеловеческого и общерусского» [5, с. VI]. Эти слова Белича, конечно, не были случайными и отражали представление академика о приоритете общегуманитарных ценностей над политическими расхождениями. И действительно, «Белградский пушкинский сборник» предоставил свои страницы многим известным русским ученым-беженцам из разных стран и с разными политическими воззрениями – филологам, историкам, философам (Н.С. Трубецкой, А.В. Соловьев, С.Л. Франк, И.И. Лапшин, П.М. Бицилли и др.), став самым заметным юбилейным пушкинским изданием русского зарубежья первой половины XX века.

В то же время в сборнике были опубликованы работы ряда новых для пушкинистики исследователей. Так, статья, рассматривавшая «отношение сербских поэтов XIX века к Пушкину» была подписана именами молодых русских белградцев Всеволода Прокофьева и Дмитрия Атряскина. Кто они, как попали в столь престижное издание и как сложилась их судьба, многие десятилетия оставалось совершенно неизвестным. В нашем сообщении мы

расскажем о непростой судьбе и научном наследии первого из них – Всеволода Георгиевича Прокофьева.

Еще совсем недавно его имя было почти неизвестно в Сербии и России. Оно упоминалось лишь в литературе, посвященной анализу сербских учебных пособий по русскому языку [7], а в самое последнее время – появилось в статьях о движении Сопротивления в Югославии в годы Второй мировой войны как о члене Союза советских патриотов в Белграде [11; 12]. Подлинным открытием имени Всеволода Прокофьева стала небольшая биографическая заметка, подготовленная А.Б. Арсеньевым для двухтомного издания по истории Первой русско-сербской гимназии в Белграде [4, с. 618–620]. Но и здесь линия жизни историка и переводчика намечена скорее пунктирно и прерывается на второй половине 1940-х годов.

Нам удалось обнаружить в Государственном архиве Российской Федерации в фонде Управления Уполномоченного СНГ по делам репатриации автобиографию В.Г. Прокофьева, написанную 10 марта 1945 г. в Белграде для получения советского гражданства и возвращения в СССР [1], которая является важным документальным источником, подробно отражающим основные вехи жизни молодого ученого в эмиграции. Кроме того, мы нашли его сына, проживающего ныне в России и уточнившего многие обстоятельства жизни отца уже в советский период. Так постепенно начинает вырисовываться и реконструироваться образ и биография одного из интереснейших и незаслуженно забытых представителей молодого поколения русской эмиграции в Югославии, который наряду с другим «сербским русским» – выдающимся филологом-славистом академиком Никитой Ильичем Толстым (1923–1996) – внес существенный вклад в развитие пушкинистики в Сербии.

Всеволод Георгиевич Прокофьев родился 20 ноября (ст. ст.) 1908 г. в Оренбурге, где служил его отец, инженер путей сообщения Георгий Николаевич Прокофьев (1880–1929). Всей семьей, вместе с отцом и матерью, Анной Константиновной (ур. Олешева; ок. 1885–1943), братьями Дмитрием и Всеволодом, Прокофьевы были эвакуированы с юга России в Королевство сербов, хорватов и словенцев (КСХС) в 1920 г.

В Белграде Всеволод Прокофьев окончил в 1928 г. знаменитую Первую русско-сербскую гимназию – первую по времени основания и самую успешную гимназию русского зарубежья. Возникшая в 1920 г. еще до эвакуации врангелевских войск из Крыма, она сыграла выдающуюся роль в истории русской диаспоры в КСХС. Ее создатели – прежде всего В.Д. Плетнев (1877–1954 (?)) – сразу задумали и реализовали организацию такого учебного заведения, которое бы объединяло русских и сербов – как учеников, так и преподавателей. Гимназия действительно сумела сохранить высокий образовательный уровень, присущий русским дореволюционным учебным заведениям с аналогичным названием. Здесь преподавали многие русские

беженцы-ученые, ставшие профессорами Белградского университета и действительными членами Сербской королевской академии наук – А.Л. Погодин, А.Д. Билимович и др.

Гимназия оказала значительное влияние и на В.Г. Прокофьева, фактически сформировав его мировоззрение, ценности и профессиональные интересы. В своем первом печатном труде, опубликованном когда Всеволоду было 22 года и он учился в Белградском университете, – небольшой заметке для брошюры «Первая русско-сербская гимназия в Белграде. 1920–1930» – молодой человек отметил главную отличительную особенность «плетневской» гимназии – ее гуманитарную направленность и нацеленность на анализ исторических путей России и Европы. Неслучайно, гимназистов особенно захватывали темы, посвященные эпохе Французской революции 1789 года, которую русские мальчики, конечно же, сравнивали с революцией 1917 года в России и обнаруживали ее космополитический дух (во Франции – националистический). Интересно, что по словам Всеволода Прокофьева, их «пугали и возмущали мрачные «Письма» П.Я. Чаадаева, его мысли о бессмысленности русской истории, о нашей оторванности от Запада» и в то же время «привлекал Достоевский с его примирительными мыслями о том, что «у нас, русских, две родины: Россия и Европа» [4, с. 619–620]. Даже в этой краткой цитате вполне ощутим твердый взгляд молодого Прокофьева на Россию как на неразрывную часть европейской цивилизации, взгляд, который разделялся многими преподавателями и учениками Русско-сербской гимназии.

В то же время их переполнял интерес к тому, что происходило на родине. В 1940 г. вместе с одним из преподавателей гимназии, Н.А. Чернышевым, В.Г. Прокофьев начал выпускать журнал «Учитесь русскому языку» («Учите руски»), причем в качестве учебных примеров они использовали тексты из советской литературы и периодики, которые были доступны в Белграде сразу после публикации. Неудивительно, что с началом Второй мировой войны именно бывшие гимназисты составили костяк Союза советских патриотов, которым руководили выпускники гимназии Ф.Е. Высторопский и И.Н. Голенищев-Кутузов.

Между тем, в 20–30-е годы на долю семьи Прокофьевых выпало немало испытаний в королевской столице. Так, осенью 1929 г., во время обострения сербо-итальянских отношений, некоторые русские эмигранты были обвинены в шпионаже в пользу Италии и уволены со службы в Министерстве сооружений. Профессор Е.В. Спекторский констатировал: «Началось гонение на русских» [10, с. 494]. Среди этих гонимых оказался и отец В.Г. Прокофьева, который вскоре после этой истории скончался.

Тем не менее в 1932 г. Всеволод Прокофьев успешно окончил отделение всеобщей истории философского факультета Белградского университета

и в следующем 1933 г. был принят в штат Русско-сербской гимназии, где преподавал историю Югославии и латинский язык вплоть до 1940 года.

Конечно, его преподавательская карьера была бы невозможна без покровительства и помощи старшего поколения русских эмигрантов. Главного патрона Прокофьев нашел в лице директора Русско-сербской женской гимназии Льва Михайловича Сухотина (1879/80–1948), еще до Русской революции 1917 г. известного трудами по русской истории XVI – XVII вв. и ценными публикациями источников. Представитель орловско-тульской дворянской фамилии, пасынок Татьяны Львовны Толстой (1864–1950), друг юности выдающегося литературоведа и евразийца князя Дмитрия Святополк-Мирского (1890–1939), а по жене – близкий родственник профессора и евразийца князя Николая Трубецкого (1890–1938), Сухотин был учеником В.О. Ключевского и членом Императорского общества истории и русской старины при Московском университете. В эмиграции в Белграде он занимал немало важных позиций в русском эмигрантском сообществе, много преподавал и создал цикл учебников, которые широко применялись как в русских гимназиях, так и в сербских школах. Совместно со своим учеником Всеволодом Прокофьевым Л.М. Сухотин написал на сербохорватском языке (!) учебник «История Нового века» для 8-го класса сербских учебных заведений (Белград, 1939).

В.Г. Прокофьев также постоянно занимался историческими исследованиями по русской истории и культуре. Так, в сборнике Русского археологического общества в Белграде он опубликовал статью «Ростислав Михайлович, русский князь XIII века» и был принят в члены общества, а также вошел в Союз русских писателей и журналистов в Югославии и в правление Союза ревнителей чистоты русского языка.

Близкий знакомый и сподвижник академика А. Белича, Л.М. Сухотин, член Пушкинского комитета в Белграде, несомненно, содействовал тому, чтобы в «Белградском пушкинском сборнике» появилась и работа ученика, по-видимому, специально подготовленная для этого издания. В соавторстве с филологом Дмитрием Ивановичем Атряскиным (1902–1987), также эмигрантом, окончившим Белградский университет по отделению славянских языков, в дальнейшем занимавшимся предпринимательской деятельностью в США [2], Всеволод Прокофьев опубликовал статью «К вопросу об отношении сербских поэтов XIX века к Пушкину», в которой молодые авторы, историк и филолог, к тому же прекрасно владевшие сербохорватским языком, сумели, используя междисциплинарную оптику исследования, впервые представить анализ динамики сербских переводов А. С. Пушкина как в контексте национально-освободительной борьбы балканских народов, так и в пространстве чистой литературы.

В начале статьи они вполне по-современному обозначили цель своей работы – выявить и показать, как на протяжении XIX века изменялась динамика

64 | интереса сербских поэтов и сербского общества в целом к А. С. Пушкину и его творчеству. Причем молодые русские исследователи сразу отметили, что сербские историки литературы очень мало уделяли внимания вопросам влияния Пушкина на сербскую литературу, и предложили свою периодизацию этого процесса: они показали истоки интереса к творчеству русского поэта в начале XIX века, затем переход этого интереса в увлечение к 60-м годам и упадок и прерыв традиции в 70-е годы и, наконец, вновь вспыхнувший интерес, перешедший в новое увлечение Пушкиным в 80-е годы XIX века.

Авторы продемонстрировали свой аналитико-критический подход к изучению темы. Первую половину XIX века в целом они называют сербской и славянской патриотической эпохой, что обусловило, по их мнению, интерес почти исключительно к «героическим темам» пушкинской поэзии. Они показывают, что несмотря на то, что уже в конце 30-х годов XIX в. Пушкин воспринимался в Сербии как величайший русский поэт, по своему дарованию равный Шекспиру, это, однако, не повлекло стремление ему подражать.

Прокофьев и Атряскин отмечали, что в 1830–1840 годы в сербскую поэзию «врывается волна трепетного национального чувства», которая в сочетании с «воинственным национализмом» и определяла малый интерес к творчеству зарубежных авторов и к поэзии Пушкина, в частности. В этот период, по мнению наших авторов, Пушкин важнее для второстепенных сербских поэтов, чем для лучших.

В 1860-е годы политическая деятельность Объединения сербской молодежи вновь вывела на первый план общественной и литературной мысли национальный романтизм и романтическое бунтарство. По мнению Прокофьева и Атряскин, появление в этом контексте новой гражданской идеи – борьбы за политические права, определило и характер изменения отношения к поэзии Пушкина. Сербь, боровшиеся против турок за национальную независимость, имели интенсивные связи и с русскими радикальными кружками. В конечном итоге социально-обличительное реалистическое начало вновь привело к осуждению Пушкина как представителя «чистого искусства» и как следствие – к некоторой остановке новых переводов его произведений.

Впрочем, судя по статье, Прокофьев и Атряскин и сами разделяли идеалы «чистой красоты» и с радостью фиксировали восстановление и восхождение этой линии в 1880–1890-е годы. Они особо отмечали влияние сербской интеллектуальной и художественной элиты, прежде всего семьи Иличей и, в частности, Драгутина Илича, который много переводил Пушкина, и особенно Воислава Илича, который, по мнению молодых русских исследователей, попал под влияние Пушкина и даже может считаться его учеником.

Многостраничная аналитическая статья В.Г. Прокофьева и Д.И. Атряскина стала великолепной заявкой на большое профессиональное будущее и сразу ввела молодых авторов в круг русской-сербской интеллектуальной

элиты. Однако, начало Второй мировой войны и немецко-фашистская оккупация Белграда в 1941 г. нарушила все планы. В.Г. Прокофьев был уволен со службы за политическую неблагонадежность, но все же преподавал историю в частной Коммерческой школе.

Примерно в 1942 г. он включился в деятельность подпольной антифашистской организации русских эмигрантов «Союз советских патриотов» (СПП). После вступления советских войск в Белград, с 16 ноября 1944 г. Всеволод Прокофьев служил переводчиком, а затем по приглашению Отдела пропаганды Верховного штаба Народно-освободительной армии Югославии принимал участие в составлении учебника русского языка для югославской армии [1].

Эта работа открывала для него новые профессиональные и жизненные перспективы, ибо параллельно Всеволод Георгиевич работал и над составлением русско-сербского словаря с сербкой Душанкой Божичкович, которая в октябре 1946 г. стала его женой и любимым соавтором (в 1948 г. у пары появился сын Владимир).

«Начальный курс русского языка» – учебник, который супруги вместе написали и опубликовали, выдержал множество переизданий в Белграде (1948, 1949, 1951). Этот курс предназначался для взрослых слушателей и помимо основной части из 20 уроков содержал русско-сербский и сербско-русский словари. По мнению К. Кончаревич, это была новаторская работа, своего рода попытка разрыва с традиционной грамматико-переводной ориентацией подобных учебников. Курс Прокофьева-Божичкович подчеркивал коммуникативную направленность учебника и одним из первых в сербской учебной литературе вводил в учебник визуальный ряд – иллюстративный материал (рисунки, репродукции, фотографии, схемы, таблицы), главным образом с семантизирующей и лингворепродуктивной функцией [7, с. 261].

Несмотря на успешное профессиональное продвижение, к 1951 г. Всеволод Прокофьев, по сведениям сына, получил уже несколько настоятельных предложений сдать советский паспорт, который он получил сразу после войны, и принять югославское гражданство. Положение советских граждан – бывших русских белоэмигрантов особенно усложнилось после конфликта Сталина – Тито в 1948 г., многие из них были арестованы, осуждены и/или высланы. Политические катаклизмы в очередной раз настигли и семью Прокофьевых. Владимир Всеволодович Прокофьев вспоминает: «Момент ареста я помню хорошо. Дяди в черных одеждах рано утром всех разбудили и предложили ехать с ними. <...> Мама не должна была быть арестованной, но так как сказала, что последует за супругом, была тут же лишена югославского гражданства и семь лет не имела никакого гражданства ни в Болгарии, ни в СССР. Затем сознание удержало тюремное помещение с окном далеко у потолка и людей, сидящих вдоль стены и клопы, клопы, клопы... Потом поезд, идущий вдоль мутной светло-жёлтой реки и высадка в городе София.

Вагоны с обладателями советских паспортов были вытолкнуты через югославно-болгарскую границу. <...> Затем мы оказываемся в городе Плевен, где папа работал в вузе, а мама без всяких документов всегда дома со мной».

Из Болгарии Прокофьевы уехали в СССР только в 1955 г. Всеволод Георгиевич получили работу школьным учителем в далеком узбекском Бостандыке, в 50 км от Ташкента, и всю оставшуюся жизнь, до своей кончины 19 октября 1983 г., провел в Узбекистане. «Я помню отца дома за постоянной работой за письменным столом, сперва с керосиновой лампой по вечерам, потом уже и с настольной электрической... – вспоминает его сын. – По средам к нам приходили гости (коллеги родителей по школе) и папа рассказывал о своих впечатлениях, накопленных за неделю по теме курса эстетики, который всё время обновлялся новыми сведениями из разных языковых источников».

Все эти годы Прокофьев не терял надежду вновь преподавать в вузе, с помощью русских белградцев пытался устроиться поближе к Москве, но безуспешно.

Конечно, по академическим канонам Всеволод Прокофьев не успел состояться как профессиональный пушкинист, но сама судьба сделала его, историка, прекрасным специалистом-русистом, чей вклад в современную славистику не должен быть забыт.

Источники и литература

1. Автобиография // Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-9526. Оп. 1. Д. 234. Л. 197, 199–200 об.
2. Атряскин Д. Дневник кадета / Публ. Марии фон Мольтке // Звезда. 2017. № 7. С. 126–157.
3. Атряскин Д.И., Прокофьев В.Г. К вопросу об отношении сербских поэтов XIX века к Пушкину // Белградский Пушкинский сборник. Белград: Русский Пушкинский комитет в Югославии, 1937. С. 73–98.
4. Арсеньев А.Б., Ордовский-Танаевский М.Л. Гимназия в лицах. Первая русско-сербская гимназия в Белграде (1920–1944): В 2 кн. Белград, 2018. Кн. 1. 640 с.
5. Белградский Пушкинский сборник / Предисл. А.И. Белича; Вступ. ст. В.Н. Штрандтмана, Н.З. Рыбинского; Под ред. Е.В. Аничкова. Белград: Русский Пушкинский комитет в Югославии, 1937. 415 с.
6. Косанович Б. Восприятие Пушкина в Сербии // Литературоведческий журнал. 2005. № 19. С. 29–39.
7. Кончаревич К. Вклад представителей русской диаспоры в практику составления учебников по русскому языку для сербской аудитории // Русская диаспора и изучение русского языка и русской культуры в инославянском и иностранном окружении (Белград, 1–2 июня 2011 г.). Белград, 2012. С. 255–265.

8. Прокофьев В., Божичкович-Прокофьева Д. Начальный курс русского языка, ч. 1. Београд: Народна школа страних језика при Коларчевом народном универзитету, 1948. 156 с.
9. Самосюк Н.В. Пути консолидации русской общественности в межвоенный период: Пушкинские комитеты // Культура. Наука. Творчество: XIII Международная научно-практическая конференция, посвященная 75-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков (Минск, 16 мая 2019 г.): сборник научных статей. Минск, 2019. С. 423–428.
10. Спекторский Е.В. Воспоминания. Рязань: Чеховский печатный двор, 2020. 654 с.
11. Тимофеев А.Ю. Союз советских патриотов в Сербии // Родина. 2012. № 11. С. 17–19.
12. Тимофеев А.Ю. Сопротивление немецкой оккупации в Сербии и русская эмиграция в годы Второй мировой войны // Российская эмиграция в борьбе с фашизмом: Международная научная конференция. Москва, 14–15 мая 2015 года / сост. К.К. Семенов и М.Ю. Сорокина. М., 2015. С. 238–271.
13. Чепелевская Т.И. Белградский Пушкинский сборник 1937 г. // А. С. Пушкин и мир славянской культуры. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2000. С. 237–241.

M. Sorokina

PhD, Leading researcher,

Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of the Russian Diaspora

Moscow, Russia

Msorokina61@gmail.com

RUSSIAN PUSHKINIST IN BELGRADE:

VSEVOLOD PROKOFIEV (1908–1983), HIS FATE AND LEGACY

The article provides the biographical information about the fate and the scientific legacy of the Russian emigree scholar in Belgrade (Serbia) Vsevolod Prokofiev (1908–1983). It focuses on his research article dealing with the influence of the Russian poet A. Pushkin on the Serb poetry.

Keywords: V.G. Prokofiev, Russian emigration, Russian abroad, Pushkin studies, Russian studies, Serbia.

ОСТОЯ ДЖУРИЧ¹. ПУШКИНСКИЙ ЮБИЛЕЙ В БЕЛГРАДЕ (1837–1937)².

(Подготовка текста и перевод с сербского –
А. Б. Арсеньев)

В 1937 году и в Советском Союзе, и за рубежом широко отмечалось 100-летие со дня гибели А.С. Пушкина. В статье представлен масштабный обзор событий, приуроченных к этой дате в Югославии: работа Пушкинского комитета в Белграде, издание «Белградского Пушкинского сборника», театральные постановки, конференции, публикации, посвященные русскому поэту. Отдельное внимание уделено переводам произведений Пушкина на сербский язык в журнале «Руски архив» (среди переводчиков – Алексей Ремизов, Марина Цветаева, Марк Слоним, Владислав Ходасевич, Василий Архангельский и др.). Отмечена деятельность Союза ревнителей чистоты русского языка в Белграде, издавшего «Венок Пушкину: в защиту русского языка», в котором собраны искажения русской речи, встречающиеся среди эмигрантов начала XX в. Подготовка текста Остоя Джурича и перевод на русский язык с сербского выполнен Алексеем Борисовичем Арсеньевым, исследователем истории русского зарубежья.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, Пушкинский юбилей 1837 г., Пушкинский комитет в Белграде, русское зарубежье.

¹ Джурич Остоя (Ђурић Остоја; 1934, с. Роголи, округ Бая-Лука – 2018, Белград). Литературный критик и рецензент. Философский ф-т Белградского ун-та, отд. по мировой (общей) лит. с теорией лит. (1959), д-р филол. наук (1986). Работал в белградских учреждениях культуры и образования. Директор Института иностранных языков, Белград (1980–1993); 1993–2018 – независимый исследователь. Всего опубликовано около 50 работ, из них 15 по тематике Русского зарубежья, в т. ч. монографии: Руска литерарна Србија 1920–1941: писци, кружоци и издања [Русская литературная Сербия: писатели, кружки и издания]. Београд: 1990, 301 с.; Антологија поезије руског Белграда = Антологија поезије руског Београда / Сост., пер., предисл. и биогр. справки. Београд: 2002, 203+176 с. (стихотворения на серб. и рус. яз.).

² Сокращенный перевод с сербского главы книги: Остоја Ђурић. Руска литерарна Србија 1920–1941: Писци, кружоци и издања. Горњи Милановац – Београд, 1990. Перевод, дополнения и редакция А.Б. Арсеньева.

Столетие со дня гибели А.С. Пушкина в 1937 г. было широко отмечено в Советском Союзе. Царское Село, после революции переименованное в Детское Село, затем переименовано в г. Пушкин. Общим тиражом 12 млн экземпляров вышли книги произведений Пушкина. Академия наук СССР выпустила полное собрание сочинений писателя в 18-ти томах, созданы оперы по произведениям Пушкина, сняты кинофильмы «*Руслан и Людмила*» и «*Сказка о рыбаке и рыбке*», дано большое количество концертов.

В чествовании Пушкина не отставала и русская эмиграция. В августе 1936 г. в Париже был создан Заграничный Пушкинский комитет, членами которого состояли В.А. Маклаков (председатель), И.А. Бунин, Н.П. Милюков, М.М. Федоров, Г.Л. Лозинский и др. Цель комитета была согласовывать мероприятия в крупных русских колониях зарубежья.

В Париже вышло юбилейное издание сочинений Пушкина, прошли торжественные заседания. В театре АБЦ в Кембридже был поставлен спектакль «*Пиковая дама*», в Риме на итальянском языке вышел Пушкинский сборник «*Pensieri su Puskin*», на юбилейном вечере Татьяна Львовна Сухотина-Толстая поделилась мыслями Льва Толстого о Пушкине. В Праге, в Карловом университете, на торжественном заседании выступили Эдуард Бенеш и Матиас Мурко. Еще в 1929 г. Русским институтом в Праге был опубликован «*Пушкинский сборник*», который содержал множество интересных материалов. На чешском языке вышло полное собрание сочинений писателя. Юбилей был отмечен и в Швейцарии, Бельгии, Дании, Швеции, Норвегии, Турции, Персии, Китае и других странах. Единственной страной, которая обошла молчанием 100-летие гибели Пушкина, был Третий Рейх.

В югославский отдел Пушкинского комитета были избраны: В.Н. Штрандман (председатель), Александар Белич, Е.В. Аничков, П.Б. Струве, Л.М. Сухотин, Ю.Л. Ракитин, И.Н. Голенищев-Кутузов, К.Ф. Тарановский и Н.З. Рыбинский (секретарь).

Торжества в Белграде открылись 5 февраля заседанием в зале Народного университета им. И. Колараца. На нем выступили сербские академики: славист Александр Белич и писатель Исидора Секулич, были исполнены «*Моцарт и Сальери*» (на русском яз.) и «*Скупой рыцарь*» (на сербскохорватском яз.). Там же, через четыре дня, состоялся вечер *Общества Цвета Зузориц*, на котором выступил писатель Драгиша Васич. Сербские актеры Д. Дугалич и С. Никачевич читали лирику Пушкина, а бывш. актриса МХТ Вера Греч – отрывки из «*Евгения Онегина*». В завершение вечера бывший актер МХТ Поликарп Павлов исполнил несколько сцен из драмы «*Каменный гость*».

В день кончины поэта (10 февраля) в белградском русском храме Св. Троицы архиепископом Анастасием и представителями русского духовенства была отслужена панихида по Пушкину. Вечером в зале Русского дома им. Императора Николая II состоялось торжественное заседание. Его открыл

В.Н. Штрандтман, председатель Пушкинского комитета, а затем выступили П.Б. Струве («Дух и слово Пушкина»), А.Л. Погодин («Пушкин и государственная идея»), И.Н. Голенищев-Кутузов («Лирика Пушкина») и Е.В. Аничков («Пушкин и театр»).

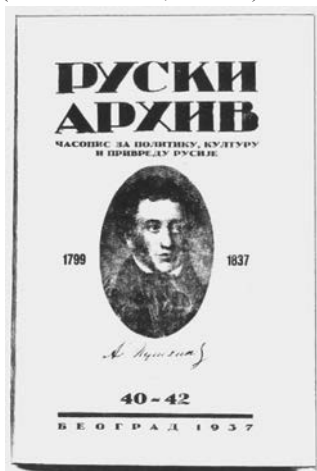
Пушкинский юбилей в Белграде далее отмечался театральными представлениями. Были исполнены драматические произведения самого Пушкина и других писателей на пушкинские темы. В четверг, 11 февраля, сербский Национальный театр устроил вечер, на котором исполнили «Каменного гостя» и «Русалку» с участием русских актеров Марии Ведринской, Веры Греч и Поликарпа Павлова. В конце программы представили две сцены из «Бориса Годунова». При сотрудничестве с Пушкинским комитетом в воскресенье 14 февраля в этом театре были исполнены две оперы: «Моцарт и Сальери» Николая Римского-Корсакова и «Пир во время чумы» Цезаря Кюи. Солировали Евгения Вальяни, Елизавета Попова, София Слатина-Давыдова, Борис Попов, Павел Холодков и сербские артисты Н. Цвеч и Д. Петрович. Дирижировал Илья Ильич Слатин. Постановщиком театральных и оперных спектаклей в Белграде был Юрий Львович Ракитин, бывший режиссер Императорских театров в Петербурге. На сцене Белградской оперы в 1937 г. шла опера «Евгений Онегин».

Юбилей был отмечен и в других городах Югославии. В Национальном театре в Скопье 7 февраля состоялось торжественное заседание и выступил проф. Миливое Павлович. Девятого февраля в театре была поставлена «Барышня-крестьянка». В Загребе писатель Ирина Ефимовна Кунина-Александр (1900–2002) на хорватском языке написала драму «Пушкин» (12 картин), премьера которой состоялась 22 февраля. В Нови-Саде филиал эмигрантской *Русской матицы* отметил юбилей заседанием, литературно-драматическим вечером и музыкальным концертом. На вечере, состоявшемся 11 февраля при Университете в Любляне, выступил декан Философского факультета д-р Франце Кидрич. Подробно о Пушкине говорили русские профессора Николай Федорович Преображенский и Евгений Васильевич Спекторский. В зале гостиницы *Тиволи* местный филиал *Русской матицы*, при участии русской и словенской молодежи, устроил Пушкинский вечер, а 1 марта в городском *Торговом доме* Русская матица в Любляне провела свое, русское, заседание, открывшееся докладом председателя Е.В. Спекторского о Пушкине и его эпохе. Проф. Н.Ф. Преображенский ознакомил аудиторию с неопубликованными записками из семейного собрания – воспоминанием своего предка о встрече с вдовой поэта. В музыкальной части программы выступили оперные солисты Ольга Николаевна Ольдекоп и А. Колацио, а в литературной части – актриса Национального театра Мария Николаевна Наблоцкая. На вечере памяти Пушкина в словенском городе Марибор с лекцией выступил проф. Н.Ф. Преображенский, а затем читали стихи поэта.

Югославские слависты, среди которых преобладали русские интеллектуалы, опубликовали много работ, посвященных Пушкину – эссе, очерки и статьи. Литературные журналы выпускали целые номера, посвященные поэту, статьи выходили и в местных дневных газетах, и, конечно, в русской эмигрантской прессе Югославии.

Известный белградский журнал «Српски књижевни гласник» («Сербский литературный вестник») в за январь 1937 г. писал о столетии как о победе Пушкинской идеи, а выпуск от 16 февраля полностью был посвящен поэту. На видном месте опубликовали речь Достоевского о Пушкине, произнесенную им на заседании Общества любителей российской словесности в 1880 г., а также очерк Евгения Спекторского о русском поэте и его связях со славянами. Евгений Аничков писал о популярности поэзии Пушкина, а панораму различных интерпретаций поэта дополнили работы Ильи Голенищева-Кутузова, Петра Митропана, Алексея Елачица и др.

Уникальный «Руски архив» (Београд), сербский журнал левой ориентации, редактируемый представителями русской эмиграции, посвятил Пушкину объединенный выпуск (№№ 40-41-42, 1937 г.).

В нем опубликовали свои переводы на сербский постоянные сотрудники журнала: Алексей Ремизов, Марина Цветаева, Марк Слоним, Владислав Ходасевич, Василий Архангельский, Евгений Ляцкий, Иван Лапшин, Надежда Мельникова-Папоушкова, Алексей Елачиц и Клавдия Жухина. К ним присоединились и авторы Модест Гофман, Петр Митропан, хорватский славист Йосип Бадалич и словенский писатель Братко Крефт. Цветаева рассказала о своем детском восприятии гранитного памятника Пушкину в Москве, вблизи которого она жила и к которому ее приводили с ранних лет. Слоним писал о юном Пушкине, о его лицейских годах и о написании

первых стихотворений. Ходасевич обратил внимание на дуэль поэта как на фатальное событие, которого нельзя было избежать. Владимир Архангельский писал о связях Пушкина с декабристами, Ляцкий – о гуманизме поэта, Лапшин – о феномене комичного у Пушкина, Гофман – о пушкинской эпохе, Митропан – о переводах Пушкина на сербскохорватский, Бадалич – о Пушкине у югославов, Крефт – о восприятии Пушкина в словенской литературе.

Загребский журнал «*Hrvatska revija*» («Хорватское обозрение») посвятил Пушкину 3-й выпуск, опубликовав на первой странице речь Достоевского (в переводе Добрицы Цесарича). Владимир Розов писал о реализме Пушкина и образе сверхчеловека в «*Ликовой даме*» (Германн), ссылаясь на очерки Альфреда Бема. О месте Пушкина в истории русской драмы писал Николай Федоров. Наряду с другими работами, которые в основном были посвящены анализу отдельных произведений писателя, журнал опубликовал две поэмы хорватского писателя-поэта Вьекослава Майера – на тему о двух любовных историях Пушкина.

Журнал югославской ориентации «*Nova Evropa*» (Zagreb) посвятил Пушкину февральский выпуск. В нем упомянем лишь работу редактора Милана Чурчина, известного белградского интеллектуала. В передовице, посвященной Пушкину, автор осмелился указать на необходимость более рассудительно принимать сегодняшнюю Советскую Россию.

Сдвоенный выпуск (январь-февраль) старейшего сербского литературно-общественного журнала «*Летонис Матице српске*» (Нови Сад) тоже был посвящен Пушкину. Видное место в нем занял очерк Евгения Александровича Ляцкого, в котором была дана биография Пушкина – и в целом, и в некоторых деталях. Новисадская преподавательница гимназии Александра Анатольевна Сердюкова предоставила в этот журнал три работы: «*Личност и смрт Александра Пушкина*», «*Одјеци Пушкинове стогодишњице*» и свою рецензию «*Пушкин у преводу Ивана С. Шајковића*». В первой работе она отметила: «Античность вдохновила его идеалом чистой красоты, возрождение наделило стремлением к личной свободе и культом славы, рационализм – восхищением божественным солнцем разума, романтизм – страстным томлением и роковым разочарованием». Сотрудник журнала М. Магарашевич писал о первых упоминаниях Пушкина в этом сербском журнале, выходившем с 1824 г.

Журнал «*Јужни преглед*» (Скопље) («Южный обзор») Пушкину посвятил 2-й выпуск за 1937 г. Он состоял в основном из текстов русского преподавателя Петра Митропана, одного из редакторов этого журнала, который, благодаря ему, отличался обилием русских тем. Тексты Митропана позднее были включены в его книгу «*Пушкин код Срба*», Скопље, 1937, 145 стр. («Пушкин у сербов»). В этом выпуске в переводе на сербский были опубликованы две сцены из трагедии «*Пушкин*» советского писателя Андрея Павловича Глобы.

Журнал «*Hrvatska prosveta*» (Zagreb, «Хорватское просвещение») в трех своих выпусках опубликовал биографию Пушкина, написанную журналистом и публицистом Константином Константиновичем Римаричем-Волинским, русским эмигрантом, обосновавшимся в Хорватии.

О Пушкине писали журналы «*Преглед*» (Београд, «Обзор»), «*Страни преглед*» (Београд, «Иностраннный обзор»), «*Просвета*» (Београд, «Просвещение»), «*Ars*» (Zagreb). Помимо упомянутых работ Александры Анатольевны Сердюковой, урожд. Розеншильд фон Паулин (1893–1978), опубликованных в новисадском журнале, она в 1937 г. отдала в печать еще две своих работы: «*Етичко сазнање у лирици Александра Пушкина*» (*Хришћанско дело*, Скопље, 1937, свеска 1; «Этическое познание в лирике Александра Пушкина») и большой очерк «*Духовни пут Александра Пушкина*» (*Хришћанска мисао*, Београд, 1937, №№ 1–5; «Духовный путь Александра Пушкина»).

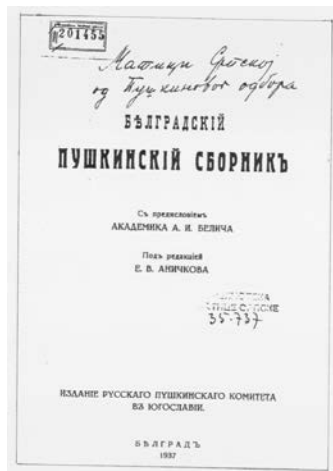
Югославская ежедневная пресса, в первую очередь белградские газеты «*Политика*» и «*Правда*», в юбилейном году много писала о Пушкине, как и вся русская печать в Югославии: передовые статьи, воспоминания современников поэта, воспроизводился иллюстративный материал, его портреты. Большая часть русской эмигрантской прессы Пушкина представляла как национальное достояние, вне времени и партийных интересов, но и такое просматривалось: *Союз младороссов в Югославии* выделял победу пушкинской идеи над темными силами сталинской диктатуры. Февральский выпуск (№ 13) их газеты «*Русское дело*» (Белград) содержал статьи о Пушкине, но заметное место в ней заняло и подробное извещение о праздновании юбилея в Советской России.

Юбилейную, можно сказать чрезмерно эксплуатируемую, тему в газетах и журналах продолжили и югославские книжные издательства. Ею вдохновились и югославские литераторы. Небольшую книгу опубликовала сербский академик, писатель Исидора Секулич, озаглавив ее «*Пушкин*» (Београд, 1937, 57 стр.). В ней она поместила переводы фрагментов речей Достоевского, Тургенева и Ключевского о Пушкине. Белградский литератор и переводчик Миодраг Пешич выпустил книгу «*Пушкин*» (Београд, 1937, 162 стр.) с подробными биографическими данными поэта и разбором его основных трудов. Одновременно вышла и книга Йосипа Бадалича «*Puškin u hrvatskoj književnosti*» (Zagreb, 1937, 47 стр.; «Пушкин в хорватской литературе») с ценными библиографическими справками о Пушкине в хорватской литературе.

Некоторые очерки о Пушкине, ранее опубликованные в югославских журналах, в юбилейном году вышли отдельными изданиями. Среди них сборник статей «*Puškinova Rusija*» (Zagreb, 1937, 55 стр.; «Пушкинская Россия»), ранее публиковавшихся в выпусках журнала «*Nova Evropa*» (Zagreb). В нем нашли место работы русских эмигрантов: преподавателя гимназии Павла Михайловича Аскоченского (1897–?), слависта Владимира Алексеевича

74 | Розова (1876–1940), историка Алексея Кирилловича Елачича (1892–1941), литературного критика Николая Ивановича Федорова-Кудеяра (1892–1980), В.Г. Александрова и хорвата Йосипа Бадалича. Они писали о Пушкине как о поэте свободы, о месте, которое он занимает среди русских писателей, о его отношении к югославам, о том, что о поэте писали в Советской России. Белградский книгоиздатель *Брамес* в 1937 г. выпустил сборник документов, писем, высказываний и свидетельств об обстоятельствах гибели поэта «*Ко је био Пушкин?*» («Кем был Пушкин?»). Журнал Общества живых языков и литературы «*Страни преглед*» («Иностранный обзор») отдельным изданием выпустил эссе Кирилла Тарановского «*Пушкин у српскохрватској књижевности*» (Београд, 1937, 23 стр.; «Пушкин в сербскохорватской литературе»).

Помимо публикации собрания сочинений Пушкина в Париже, вероятно, самым весомым вкладом эмиграции стала публикация «*Белградского Пушкинского сборника*» (1937, 421 стр.), объединившего русских ученых и литераторов: Е.В. Аничкова, И.И. Лапшина, С.Л. Франка, Н.С. Трубецкого, П.Б. Струве, П.М. Бицилли, А.В. Соловьева, Вл. Ф. Ходасевича, и младшее поколение, среди которых выделились И.Н. Голенищев-Кутузов и К.Ф. Тарановский. При подготовке этого издания очень много сделал Петр Бернгардович Струве, хотя редактором сборника значился проф. Евгений Васильевич Аничков (возвратившийся из Скопье в Белград лишь осенью 1936 г., после выхода на пенсию).

В первом разделе сборника представлены работы о Пушкине в югославских культурах. Первое место в нем заняло исследование Петра Алексеевича Митропана (1891–1988) «*Ранние отзывы о Пушкине в сербской печати*». Этот труд представлял первую серьезную работу по теме. Оказалось, что сербский читатель про русского поэта впервые узнал из косвенных (немецких)

источников, а лишь позднее – из русских. Исследование П.А. Митропана являлось сокращенным и несколько видоизмененным текстом его книги на сербском языке «*Пушкин код Срба*» («Пушкин у сербов»), вышедшей в 1937 г., нами уже упомянутой.

Поэт и литературный критик Владислав Ходасевич в сборник дал биографическую заметку об Авроре Шернваль, в замужестве Демидовой, красавице и придворной даме, прабабке князя Павла Карагеоргиевича (в 1937 г. – регента Королевства Югославии, опекуна несовершеннолетнего наследственного королевича Петра, сына убитого в 1934 г. короля Александра I). Ходасевич приводит короткое стихотворение молодого поэта Евгения Боратынского:

ДЕВУШКЕ, КОТОРОЙ ИМЯ БЫЛО: АВРОРА

Выдь, дохни нам упоением,
 Соименница зари!
 Всех румяным появлением
 Оживи и озари!
 Пылкий юноша не сводит
 Взоров с милой и порой
 Мыслит с тихой тоской:
 Для кого она выводит
 Солнце счастья за собой?

Пушкин к Авроре Шернваль был равнодушен. Несмотря на то, что речь шла о случайном человеке в жизни Пушкина, Ходасевич проявил исследовательскую находчивость и литературный талант, успешно осветив эпизод из жизни поэта.

Работа выдающегося лингвиста Николая Сергеевича Трубецкого «*К вопросу о стихе «Песен западных славян» Пушкина*» посвящена особому стихотворному размеру, именуемому *стихом Песен западных славян*, которым написано большинство песен этого цикла. Труд лингвиста уникален, так как на основании примеров он опровергает доводы многих ученых и представляет не только открытие в изучении версификации поэта, но и вносит вклад в саму науку стихосложения. Кирилл Тарановский этот труд оценил исключительно положительно: «Работа Трубецкого значима не только как подробнейшее описание *вольного метра* Пушкина, но в науке о стихосложении она является одним из первых и краеугольных камней современной структурной лингвистики, а также фонологии, как новой лингвистической дисциплины» (в письме О. Джуричу от 9 февраля 1988 г.).

Историк, литературовед и музыковед проф. Александр Васильевич Соловьев (1890–1971) писал о югославянских темах в произведениях Пушкина и открыл в них целый скрытый источник поэтических озарений, навеянных эпической традицией западных славян, в особенности в период кишиневской ссылки (1820–1823 гг.). В эмигрантских колониях Кишинева поэт познако-

мился с выдающимися сербами (Вучич, Ненадович, Живкович), с болгарами, македонцами, греками. Там он вошел в круг сербских выходцев и в семью казненного в 1817 г. сербского «вождя Карагеоргия», возглавившего Первое сербское восстание против турок. Особое внимание поэт проявил к Стаменке – младшей, незамужней, дочери «Черного Георгия». Соловьев указывает на избирательную симпатию поэта именно к сербам: «Приехав 21 сентября 1820 г. в Кишинев, еще полный впечатлений от Крыма и Кавказа, Пушкин уже 5 октября пишет стихотворение *Дочери Черного Георгия*. Через две недели после пребывания в Кишиневе, его первое датированное стихотворение посвящено не Раевской, не Крыму, не гречанке, не молдаванке, а именно сербке – дочери Карагеоргия». Автор приводит многочисленные биографические и литературоведческие данные, подкрепляя свой тезис, что Пушкин не воспринимал братьев славян как славянофил, а романтически, вдохновенно и преданно, подобно тому, как воспринимал греков Байрон.

Отдельная часть первого раздела сборника была озаглавлена *«Пушкин в югославской литературе»* и состояла из трех очерков. Следует сказать, что они в сборнике оказались самыми скудными, с пустотами. Первая статья *«К вопросу об отношении сербских поэтов XIX века к Пушкину»*. Соавторами ее были Всеволод Георгиевич Прокофьев (1908–1983), в те годы студент, и Дмитрий Иванович Атряскин (1902–1987), славист, преподаватель гимназии. Второй очерк – *«Пушкин в хорватской литературе»*, авторства нами уже упомянутого литературного критика К.К. Римарича-Волынского. Он содержит обзор только вышедшей из печати книги хорватского слависта Йосипа Бадалича *«Puškin u hrvatskoj književnosti»* («Пушкин в хорватской литературе»). Автором третьего очерка – *«Пушкин у словенцев»* – был филолог, лектор Университета в Любляне, русский эмигрант Николай Федорович Преображенский (1893–1970), опиравшийся на труд словенского проф. Ивана Приятеля. В конце своего обзора Преображенский поместил Список словенских переводов из Пушкина, появившихся в печати до 5 апреля 1937 г., содержащий 73 пункта. Кирилл Тарановский утверждал, что очерк в рукописи был значительно более содержательным, но при редактировании текста сильно испорчен (письмо К. Тарановского в О. Джуричу от 24 января 1988 г.).

Во втором разделе сборника помещены статьи по пушкиноведению пера признанных исследователей. Семен Людвигович Франк (1877–1950) в работе *«О задачах познания Пушкина»* видит юбиляра не только величайшим русским поэтом, но и истинно великим *мыслителем*. «Идеи его – всегда простые фиксации интуиции, жизненных воззрений, как бы отдельные молнии мысли, внезапно озаряющие отдельные стороны реальности. <...> Поэзия и мысль для него составляли неразрывное единство». Самым оригинальным и интересным разделом очерка С.Л. Франка является недостаточно освещенный вопрос *духовного мира* Пушкина. Автор отмечает: «В творчестве Пушкина

мы находим ряд основных, излюбленных духовных тем и идей, которые проходят через всю его поэзию и одновременно находят себе подтверждение в биографических и автобиографических материалах и в его прозаических размышлениях и суждениях. Укажем только для примера немногие, наудачу выбранные из множества:

- идея равнодушия природы к человеческой судьбе и ее трагизму;
- идея *пенатов*, культа домашнего очага, семьи, домашнего уединения, как основ духовной жизни;
- скептическое отношение к духовной жизни женщины».

Однако, С.Л. Франк подчеркивает, что такими отвлеченно выраженными мыслями Пушкина не исчерпывается его духовный мир, поэтому остается и задача исследования «целостного духа поэта Пушкина». В третьем разделе своего очерка автор указывает еще на одну сторону поэтического духовного мира Пушкина: универсализм пушкинского духа и его поэзии.

Проблему трагического в произведениях Пушкина подробно рассмотрел в своем очерке Иван Иванович Лапшин (1870–1952). Как философ-эстетик, он ее изложил в главах: 1. Трагическое в жизни и трагическое в искусстве (лирика); 2. Виды трагического у Пушкина; 3. Техника Пушкинской трагедии; 4. Трагедия трансцендентная и трагедия имманентная.

Предметом анализа проф. Петра Михайловича Бицилли (1879–1953) являлось «*Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года*». Подробно разобрав произведение, автор написал, что его подлинный смысл раскрывается постепенно в процессе чтения: «Путешествие – чистая лирика, в буквальном смысле. Поэзия здесь окончательно порывает с пластическими искусствами и являет в чистоте свою изначальную природу *мусического* искусства, тяготеющего к своей первооснове, *полярному* искусству – музыке».

В своей работе «*Пушкин и театр*» проф. Евгений Васильевич Аничков (1866–1937) особо задержался на анализе «*Моцарта и Сальери*» – «единственном драматическом произведении Пушкина, отвечающем главному и основному требованию трагедии: сосредоточении на катастрофе». Автор старался ответить на вопросы странного сюжета пьесы, опутанной каким-то туманом: «О чем молчал сам Пушкин? Куда была направлена творческая воля поэта? Чего он хотел, чего добивался?».

Петр Бернгардович Струве (1870–1944) озаглавил свой очерк «*Дух и слово Пушкина*». Выделим его высказывание из 1-й главки: «Говоря о Духе Пушкина, нет надобности распространяться о его жизни, с ее страстями и ошибками, с ее грехами и падениями. Эту жизнь нужно узнать, чтобы познать Дух Пушкина. Этой жизнью, конечно, жила, в ней и ею наслаждалась и страдала, упивалась и изнывала его душа. Но эту жизнь преодолевал его Дух. Преодоление себя, своей Души в Слове и обретение через Слово своего Духа есть самое таинственное и чарующее, самое ясное и непререкаемое

в явлении: Пушкин». Приводя многочисленные примеры употребления слов (тихий, ясный, неизъяснимый, непостижимый), автор показал, что Пушкин продолжает словесно-смысловую традицию церковной книжности, Тредьяковского, Ломоносова, Державина, Карамзина, Вяземского, Жуковского.

Глеб Петрович Струве (1898–1985), сын П.Б. Струве, в сборнике писал о новых материалах, связанных с Пушкиным, обнаруженных им в фондах Британского музея (речь идет о приобретенной музеем, в 1873 г., части библиотеки библиофила С.А. Соболевского, друга Пушкина).

Самый молодой среди авторов сборника Кирилл Федорович Тарановский (1911–1993) представил интересную работу о Пушкине и Мицкевиче. Это была дипломная работа слависта, которую по просьбе П.Б. Струве автор перевел на русский язык. Исследовав материалы об обоих поэтах, Тарановский обнаружил, что их взаимоотношения не были всего лишь обычной дружбой и взаимным преклонением перед талантом другого.

Легким стилем и чутким анализом отличается работа *«Роза в творчестве Пушкина»* Ильи Николаевича Голенищева-Кутузова (1904–1961), преподавателя старофранцузского языка Философского факультета в Белграде. Роза, согласно автору, является аллегорией любви и молодости. Для Пушкина она атрибут вакхических царскосельских игр в подражании древнему поэту Анакреонту.

Белградский Пушкинский сборник замыкает очерк *«Этическое сознание Пушкина»* Владимира Викентьевича Топор-Рабчинского (1877–1945), преподавателя русского языка и философии в русских средних учебных заведениях Сербии. В своей работе автор отмечает, что «не на систематически отвлеченных рассуждениях покоится этическое сознание Пушкина. Оно является сочетанием его склада, его природы с непосредственным, *интуитивным* постижением нравственного. <...> Пушкин нам не проповедует доброты, сердечности, благоволения к людям. Но это как бы атмосфера, в которую он нас погружает».

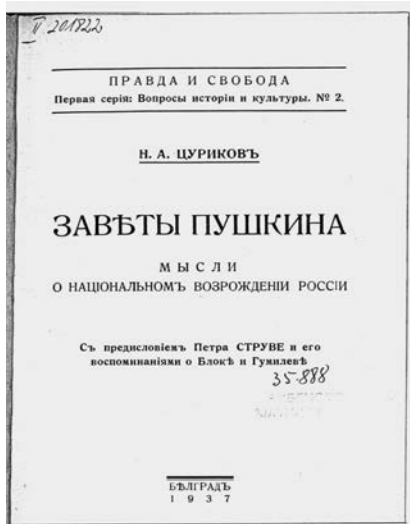
«Белградский Пушкинский сборник» до сих пор разделяет горькую судьбу книг, которые после выхода из печати были быстро и бесславно забыты. Его издали перед началом Второй мировой войны в Европе и не успели достойно представить в странах русского рассеяния. Пришла война и перекрыла культурные пути. После войны в социалистической Югославии всей русской эмиграции была отведена роль козла отпущения за все ее грехи: контрреволюцию, сотрудничество с оккупантами, Информбюро и т.д. В бездну были сброшены и там затонули еще не разошедшиеся экземпляры.

Помимо сборника для югославских читателей Пушкинский комитет в Белграде выпустил брошюру *«Александар Пушкин» (1799–1837)* автора Владимира Алексеевича Розова (1876–1940). Биография вышла на сербско-хорватском языке, отдельно на кириллице и отдельно на латинице, общим

тиражом 12 тыс. экземпляров. По рекомендации Министерства просвещения она распространялась по местным гимназиям.

В 1937 г. в Белграде были опубликованы и две небольшие книги: С.Л. Франк «Пушкин как политический мыслитель» с предисловием и дополнением П.Б. Струве (50 стр.) и Н.А. Цуриков «Заветы Пушкина: Мысли о национальном возрождении России» с предисловием П.Б. Струве и его воспоминаниями о Блоке и Гумилеве (49 стр.).

Столетие со дня гибели поэта *Союз ревнителей чистоты русского языка в Белграде* отметил публикацией, Памяткой (42 стр.): «Венок А. С. Пушкину – В защиту русского языка», представляющую «скромную попытку собрать воедино наиболее часто встречающиеся искажения нашей разговорной речи».

Созданный в 1928 г. этот союз выпускал воззвания, в которых отмечалось: «Одним из первых условий сохранения своей национальности является родной язык. Человек, плохо говорящий по-русски, едва ли русский; ребенок, думающий не по-русски, вероятно, уже утерян для русской культуры». В Памятке приводятся многочисленные примеры порчи языка на чужбине. Вот несколько примеров из нее:

Засорение иностранными словами: абстрактный – отвлеченный; де-генерация – вырождение; претендовать – притязать; позитивный – положительный.

Неправильные выражения: «займите мне» – вместо: «дайте мне займы»; «всё ж таки». Следует говорить: или «всё же», или «всё-таки»; ошибочное нововведение «проработать вопрос».

Опошление языка: «Мне ужасно хочется спать».

Употребление слов в неправильном значении: «Я обязательно приду» – вместо: «Я непременно приду».

Пушкинский юбилей 1937 г. приобрел мировой масштаб и вызвал широкий отклик у культурной общественности многих стран. Вклад «русского Белграда», «русской Югославии» и югославских славистов был немалым.

**OSTOJA DJURIC. PUSHKIN JUBILEE IN BELGRADE
(1837–1937). (PREPARATION OF THE TEXT AND TRANSLATION
FROM SERBIAN – A.B. ARSENYEV)**

In 1937 the 100th anniversary of A.S. Pushkin's death was widely celebrated both in the Soviet Union and abroad. The article presents a large-scale review of the events commemorating this date in Yugoslavia: the work of the Pushkin Committee in Belgrade, the publication of the "Belgrade Pushkin Collection", theater performances, conferences, publications devoted to the Russian poet. Special attention is paid to translations of Pushkin's works into Serbian in the journal "Ruski archiv" (among the translators are Alexei Remizov, Marina Tsvetaeva, Mark Slonim, Vladislav Khodasevich, Vasily Arkhangelsky, etc.). The activities of the Union of Russian language preservationists in Belgrade, which published "Wreath to Pushkin: in defense of the Russian language", which contains the distortions of Russian speech found among emigrants at the beginning of the twentieth century, were noted. Preparation of the text by Ostoy Druric and translation into Russian from Serbian was done by Alexei Borisovich Arseniev, a researcher of the history of the Russian Diaspora.

Keywords: A.S. Pushkin, Pushkin anniversary 1837, Pushkin Committee in Belgrade, Russian abroad.

*учитель русского языка и литературы
ГУО «Учебно-педагогический комплекс детский сад –
средняя школа № 42 г. Могилева»,
председатель Могилевского городского отделения
Республиканского общественного объединения «Русское общество»
Могилев, Белоруссия
elena.opidovich@mail.ru*

ПУШКИНИАНА ПО-БЕЛОРУССКИ

Республиканский литературный проект «Пушкинские чтения» проходит ежегодно в Могилеве и других городах Беларуси, включает в себя Пушкинский праздник, конкурсы, викторины, посвященные жизни и творчеству А. С. Пушкина. Участники Пушкинских чтений – учащиеся и студенты белорусских учреждений образования, литературные союзы и др.

Ключевые слова: литературный проект; А. С. Пушкин и Беларусь; «Пушкинские чтения»; конкурсы, викторины; Пушкинский праздник; сохранение языковой идентичности российских соотечественников; неизвестные таланты Пушкина.

Ежегодно в городе Могилеве (Республика Беларусь) Могилёвское городское отделение Республиканского общественного объединения «Русское общество» проводит республиканский образовательный проект «Пушкинские чтения» (первая неделя июня).

Формат мероприятия предполагает республиканский онлайн-конкурс чтецов, викторину о жизни и творчестве А.С. Пушкина, просмотр в кинотеатрах города фильмов по произведениям великого классика, Пушкинский праздник.

Целевая аудитория – школьники, студенты учебных заведений Республики Беларусь, представители общественных организаций, литературных союзов и объединений.

Содержательное наполнение: ежегодное образовательное мероприятие, направленное на сохранение языковой идентичности соотечественников, проживающих за рубежом и посвященное творчеству великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина – классика мировой литературы, Дню русского языка. В рамках проекта проводится республиканский конкурс чтецов, посвященный дню рождения А.С. Пушкина. Традиционно в образовательных лекториях, творческих площадках, проводимых в рамках проекта, принимают участие учащиеся учебных заведений, литераторы Могилева, Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь», литературного объединения «Ветеран» и др.

Целями и задачами проекта является сохранение языковой идентичности российских соотечественников, проживающих за рубежом, выявление и поощрение талантливой молодежи, обучающейся на русском языке – одном из государственных языков в Беларуси.

Результат поддержки мероприятия с точки зрения реализации государственной политики России в отношении соотечественников за рубежом: проведение данного мероприятия способствует дальнейшей консолидации российской диаспоры в Республике Беларусь, укреплению российско-белорусской дружбы и сотрудничества, поддержанию учащейся молодежи, обучающейся на русском языке.

Реальными историями и историями, приукрашенными художественным вымыслом, славится имя великого русского поэта, мирового классика А. С. Пушкина в Могилеве. Мы подводим итоги республиканской викторины «Мировой классик А. С. Пушкин»; в учреждениях образования и культуры организованы выставки детских рисунков по произведениям А. С. Пушкина; организована тематическая выставка книг «К нему не зарастет народная тропа...» (Могилевский государственный университет продовольствия); у памятника А. С. Пушкину в сквере 700-летия Могилева работает открытый микрофон «О, Пушкин! Пушкин! Кто тебя учил пленять в стихах чудесных?..» (жители и гости города Могилева читают Пушкина); проходят творческие встречи с могилевскими литераторами «Я с Пушкиным на дружеской ноге...»; организовываются выставки книг о жизни и творчестве Пушкина в областной, городских и школьных библиотеках г. Могилева; проходит пленер юных художников; в школьных летних лагерях ребятам предлагают просмотр экранизированных постановок по произведениям А. С. Пушкина и проходит конкурс чтецов «Мы Пушкина любя читаем».

Пушкинский праздник проходит традиционно в агрогородке Телуша, Бобруйского района, Могилевской области (организатором выступает Бобруйский районный отдел культуры), где жила внучка Пушкина – Наталья Александровна Воронцова-Вельяминова.

Вот примеры вопросов викторины, которые мы предлагаем для наших любознательных и любопытных читателей:

1. А. С. Пушкин – яркая страница в исторической судьбе Могилева. Для поэта-могилевчанина Ивана Пехтерева А. С. Пушкин являлся кумиром. В каком сборнике стихов им написано около двух десятков произведений о великом поэте?

(«Здравствуй, Пушкин!»)

2. *«У каждого из нас – свой Пушкин, остающийся одним для всех. Он входит в нашу жизнь в самом начале ее и уже не покидает нас до конца»...* Кто автор этих слов?

(А. Т. Твардовский)

3. Назовите современные названия улиц города Могилева, по которым проезжал Пушкин: *Богородичская, Ветреная, Почтовая, Старочерниговская, Черниговская брама.*

4. В стихотворении «В Телуше» Иван Пехтерев пишет:

*Родная кровинка Поэта
В Телуше в поместье жила,
Лучом несказанного света
Она для народа была...*

О ком идет речь? Чем «родная кровинка Поэта» прославилась?

(О внучке Наталье Александровне Воронцовой-Вельяминовой)

5. «Ты думал ли, Пушкин, о том,

*Что к внучке твоей на поклон
Поедет народ, мал и стар,
Из финнов, грузин и татар,
Калмык, и еврей, и тунгус,
И близкий тебе белорус?»*

Назовите стихотворение и автора-могилевчанку.

(Наталья Кожевникова «В Телуше»).

И т. д.

Интеллектуально-развлекательная программа «Вдоль по Пушкинской» продолжает Пушкинский день и День русского языка в Могилеве. Участники с неподдельным азартом отвечают на непростые и «заковыристые» вопросы о Пушкине, его жизни и творчестве, о «великом и могучем» русском языке... Ребятам мы посоветовали познакомиться с книгой Валентина Семеновича Непомнящего – уникального филолога-артиста, «великого читателя Пушкина», – который всю свою жизнь посвятил размышлениям о Боге, России и Пушкине. А знаете ли вы, какие блины на масленицу любил готовить Александр Сергеевич Пушкин? Розовые блины! «Пушкин съедал их 30 штук, после каждого блина выпивал глоток воды и не испытывал ни малейшей тяжести в желудке» (из книги Эльдара Оруджева «Селедка с телятиной» [1]).

С легкостью дети отвечают на вопросы о няне А. С. Пушкина. Ведущие напоминают им, что 10 апреля 1758 года, 260 лет назад, в семье крестьянина Родиона Яковлева родилась дочь Ирина... Памятники Арине Родионовне – «мамушке» Александра Пушкина – есть в Захарове, Пскове, Воскресенском (родном селе няни), Болдино. «Она защитила его своей любовью». Несомненное влияние на творческий и духовный мир великого русского поэта Пушкина оказала Арина Родионовна Яковлева.

Пушкинский день рождения, День русского языка, Пушкинские дни в Могилеве проходят всегда ярко, впечатляюще и незабываемо для всех могилевчан и гостей города – Пушкиниана по-белорусски.

Литература

1. Оруджев Эддар. Селедка с телятиной // URL: <http://www.pushkinmuseum.ru/?q=event/beseda-o-ede-pisatelyah-i-receptah>

E.S. Opidovich

a teacher of Russian language and literature of the state educational establishment “Educational-pedagogical complex kindergarten - secondary school No. 42 Mogilev”, the chairman of the Mogilev city department of the Republican Social Association “Russian Society”

Mogilev, Belarus

elena.opidovich@mail.ru

BELARUSIAN PUSHKINIANA

The republican literary project “The Pushkin’s Readings” is held annually in Mogilev and other cities of Belarus. This project includes the Pushkin festival, contests, quizzes which are dedicated to the life and work of A.S. Pushkin. The participants of the Pushkin’s Readings are pupils and students of Belarusian educational institutions and establishments, literary associations, etc.

Keywords: literary project; A.S. Pushkin and Belarus; “The Pushkin’s Readings”; contests, quizzes; Pushkin festival; preservation of the linguistic identity of Russian compatriots, Pushkin’s unknown talents.

ТВОРЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОБРАЗА ЮРОДИВОГО ИЗ ТРАГЕДИИ ПУШКИНА «БОРИС ГОДУНОВ» В КНИЖНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ

Статья посвящена сравнительному анализу внешнего облика юродивого Николки из трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов», изображенного художниками-иллюстраторами А.Е. Земцовым, Б.В. Зворыкиным, В.А. Фаворским, В.И. Шухаевым, Е.А. Кибриком, И.И. Ершовым.

Ключевые слова: трагедия «Борис Годунов»; книжная иллюстрация; юродивый.

«...Юродивый, вставай, Богу помолися!..»

А. С. Пушкин

Современные пушкинисты все чаще обращаются к религиозному смыслу трагедии «Борис Годунов». Так, Е.В. Семенова отмечает: «...В православной ориентированной пушкинистике трагедия «Борис Годунов» имеет репутацию самого православного произведения поэта» [8, с. 130]. В доказательство она приводит заявление профессора духовной академии М. М. Дунаева, «...совершенно невозможное в научных трудах: «Объяснить появление трагедии иначе, чем воздействием Божией воли, Промысла, – невозможно. Двадцатипятилетний молодой человек, со своим весьма ограниченным духовным опытом, т а к о г о (разрядка М.М. Дунаева) собственными усилиями создать просто не смог бы. Творческий принцип создания произведения нельзя определить поэтому как одно из ярчайших проявлений синергии» [1, с. 237–238]. Тем не менее мысль его ясна, и её легко можно переформулировать в рациональных категориях: Пушкин в ноябре 1825 года создал по-настоящему православное произведение, и это похоже на чудо» [8, с. 130].

Э. М. Афанасьева, исследуя полярные модели имявоплощения в трагедии «Борис Годунов», также отмечает, что «оба полюса формируются под воздействием христианской модели мировидения» [1].

С данными мнениями трудно не согласиться, ведь главные положительные герои трагедии – монах Пимен и юродивый Николка являются идеальными образцами христианской морали.

Почему на страницах рукописи «Борис Годунов» нет авторских рисунков? Известный епископ, богослов и проповедник, прославленный русской православной церковью в лике святых, современник А. С. Пушкина святитель Игнатий Брянчанинов пишет: «Мне очень нравился метод Пушкина по отношению к его сочинениям. Он подвергал их самой строгой собственной критике, пользуясь охотно и замечаниями других литераторов. Затем он безпощадно вымарывал в своих сочинениях излишние слова и выражения, также слова и выражения сколько-нибудь натянутые, тяжелые, неестественные. От такой вычистки и выработки его сочинения получали необыкновенную чистоту слога и ясность смысла. Как они читаются легко! в них нет слова лишнего! От чего? от безпощадной вычистки...» [6]. Возможно, трагедия была написана под воздействием молитв, которые необходимы были поэту для создания православных образов. Поэтому рисунки в трагедии были бы тем «излишним», неуместным, неестественным.

А может быть, работа над произведением настолько увлекла поэта, что на рисунки он просто не отвлекался: «...Источник возникновения пушкинских рисунков определен правильно, в согласии со свидетельством самого поэта и в согласии с тем, что дает нам каждое исследование черновиков Пушкина: пушкинский рисунок возникал не как самоцель, но в результате бокового хода той же мысли и того же душевного состояния, которые создавали пушкинские стихи (разрядка Эфроса). Пушкинский рисунок появлялся в творческих паузах, в малых перерывах стихописания, в минуты критической остановки, во время коротких накоплений или разрядов поэтической энергии... чем короче были паузы, – тем мимолетнее рисунки и тем меньше их...» [7, с. 18–19].

Большинство исследователей творчества А. С. Пушкина полагают, что Пушкин создал собирательный образ блаженного посредством слова, над которым серьезно и вдумчиво работал. Для создания словесного образа А. С. Пушкин обращался к агиографической литературе, поскольку «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина и летописей было недостаточно. Поэт просит В. А. Жуковского: «нельзя ли мне доставить или жизнь Железного колпака, или житие какого-нибудь юродивого. Я напрасно искал Василия Блаженного в Четвх Минях – а мне бы очень нужно» [4].

В житийных текстах упоминаются следующие внешние признаки блаженных: распущенные волосы, нагота, вериги и толстые железные кресты, железные кольца, металлический колпак, обличительные речи.

Обратимся к иконографии. Каноническая икона не имеет случайных сюжетов, деталей, украшений, пропорций, цветов, лишенных смыслового значения. В русской иконографии блаженные изображаются в том виде, в котором они совершали земной подвиг: обнаженными или с легкой повязкой на чреслах, в ветхих одеждах, с веригами на плечах. Но лик иконы, в отличие

от изображения на картине, на уровне сакральных смыслов привносит в наш опыт совершенно иную экологию восприятия, при которой не мы смотрим на него, а он обращается к нам, предлагая путь к созерцательному восхождению. Если икона, как правило, пишется по церковным канонам, то книжные иллюстрации подразумевают авторскую творческую интерпретацию образа.

«Борис Годунов» иллюстрировался не часто, как правило, в связи с юбилейными датами. Поэтому говорить о наличии устойчивой иллюстраторской традиции этого произведения не приходится. Авторы сборника «А. С. Пушкин в изобразительном искусстве» [5], вышедшем к 100-летию со дня смерти поэта, называют около пятидесяти фамилий художников – иллюстраторов трагедии «Борис Годунов».

Далеко не все художники, иллюстрировавшие «Бориса Годунова», изображали сцену с юродивым. Самые популярные иллюстрации, на которых изображен царь Борис и юродивый Николка, принадлежат художникам А.Е. Земцову (1856–1896), Б.В. Зворыкину (1872–1942), В.А. Фаворскому (1886–1964), В.И. Шухаеву (1887–1973), И.И. Ершову (1916–1985), Е. А. Кибрику (1906–1978).

испытывающий *взгляд* сидящего на земле Николки поставлен в противовес надменному Борису, изображенному

А. Е. Земцов создал иллюстрации к трагедии в 80–90 годах XIX столетия. Юродивый Земцова выполнен в черно-белых тонах в профиль, босой. Одежда длинная грязная. На голове круглый железный колпак. Правая рука с указательным пальцем приподнята вверх, в левой – длинная палка в форме посоха. На иллюстрации не бросается в глаза нагота. Испытывающий *взгляд* сидящего на земле Николки поставлен в противовес надменному Борису, изображенному в центре иллюстрации, с полуприкрытыми глазами и царским посохом в правой руке.

График-орнаменталист Б. В. Зворыкин изобразил юродивого в профиль (1927 год). Николка сидит босой, подогнув ноги, перед стоящим богато наряженным Борисом Годуновым. Одет Николка убого – рваная, грязная, в заплатках одежонка; на голове *большой колпак* цилиндрической формы. Рядом стоит чашка для подаяния. На огромной железной цепочке на

шее висит большой тяжелый замок. Правая ладонь скрыта в полах одежды, левая поднята к Борису. Красота и величие Бориса Годунова находится в контрасте с убогим нищим. Взгляд царя бегающий, он как будто прикрывает рукой крест на груди от своей лжи. Прообразом мог послужить юродивый Василия Ивановича Сурикова, изображенный сидящим на снегу на картине «Боярыня Морозова» (1885 год).

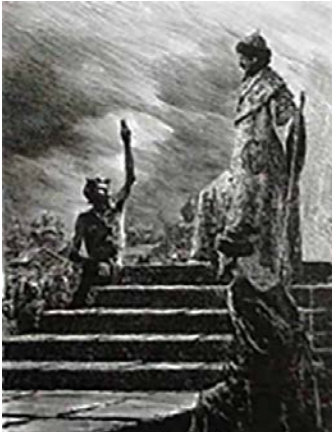
В.А. Фаворский иллюстрировал Пушкина всю жизнь. Иллюстрации к «Борису Годунову» были выполнены в 1955 году. О том, как Фаворский работал над образом Юродивого он писал: «Самая ответственная иллюстрация для меня была – Борис и Юродивый, кульминационный момент всей трагедии. Поэтому я выбрал разворот – одну из самых больших иллюстраций. Здесь Юродивый *обвиняет* Бориса при всем народе в преступлении, и Борис не оправдывается, а смиряется с обвинением... Народ смотрит недоумевающе то на Юродивого, то на Бориса, слепой слушает и не верит ушам, стрельцы тоже недоумевают» [9, с. 77–78].

В. И. Шухаев работал над иллюстрациями к трагедии «Борис Годунов» в 1925–1926 годах. Он проиллюстрировал пушкинскую трагедию в *иконописной манере*, т.е. в том стилистическом ключе, который наиболее близок эпохе Бориса Годунова.

И. И. Ершов окончил Академию Художеств им. И. Репина в 1947 году. В этом же году появляется «Иллюстрация к «Борису Годунову» А. С. Пушкина. Юродивый Ершова нагой с большим крестом на груди, очень худой. Левая рука поднята к небу. На голове небольшой колпак, *взгляд* суровый, брови нахмурены. На черно-белом фоне за спиной видны силуэты людей и храм. Царь на возвышении с посохом в руке, поднял правую ногу на ступень лестницы, разделяющей его с Николкой.

Советский график, живописец, педагог, профессор Е. А. Кибрик иллюстрирует «Бориса Годунова» в 1959–1964 гг. Интересен творческий поиск Кибрика. Прообраз Юродивого Кибрик пытался найти в советской действительности: «Юродивого я вижу сверху: он сидит на земле и смотрит, очевидно, на стоящего перед ним царя. Юродивого я представлял себе небольшим, обыкновенным русским мужичонкой с мелкими чертами никогда не мытого лица, со

свальной жидкой русой бородёнкой, но со взглядом необыкновенным, в котором светится нечто непоколебимое; он – олицетворение народной правды, духа несгибаемого, духа, торжествующего над его жалкой внешностью. В общих чертах я его, как и все остальные композиции, нарисовал по воображению. А вот внутреннее содержание образа я стал искать в жизни... Прежде всего мне захотелось понаблюдать нищих, жалких людей, сидящих на земле и выпрашивающих подавание. Оказалось, что их давно уже нет. Кого устроили на работу, кому дали пенсию, кого поместили в дома престарелых...» [2]. В поисках натуры Кибрик

посещал Троице-Сергиеву лавру, Киево-Печерскую лавру. Искал модель даже среди душевнобольных в психиатрических клиниках. Нужный образ нашёлся случайно: «...повстречался нам давний знакомый – даровитый молодой учёный, филолог, интересный человек; мы с ним разговорились, и чувствую я, что в нём сквозит нечто, очень для меня нужное. А тут ещё жена шепчет мне на ухо: «Его взгляд, кажется, подойдёт для юродивого». И верно, хотя глаза у моего собеседника тёмные, а не голубые, которые я ищу, умные, интеллигентные глаза, а вот что-то неуловимое в них есть, и именно такое, чего мне не хватает для образа юродивого, хотя и черты лица у него крупные, даже мужественные. Вроде совсем другой человек, чем мой герой. К моему удивлению, вышел у меня юродивый, – что-то я подметил у моего знакомого» [2].

И, действительно, юродивый Кибрика привлекает внимание взглядом, огромными глазами, которые на худосочном лице особенно выразительны. Кибрик изобразил только лицо обличителя, заросшее щетиной. На голове юродивого Николки то ли колпак, то ли платок, то ли шапка. Мы не видим других деталей. Главное в образе – глаза.

Юродство как феномен русской духовной культуры вызывало интерес во все времена своего существования. Личность юродивого всегда была загадкой, его образ жизни окружен тайной. Каждый иллюстратор создал свой неповторимый изобразительный образ блаженного, который прошел через

горнило художественной индивидуальности творца, окрасился личными впечатлениями и наблюдениями.

На всех иллюстрациях присутствуют атрибуты, указанные поэтом – «...в железной шапке, обвешанный веригами...». Особенности тяжелого подвига юродства проявляются во всех книжных изображениях. Почти все иллюстраторы изобразили Николку сидящим в профиль. Лишь у Фаворского Юродивый стоит на коленях. Сидящий Юродивый Земцова в длинных одеждах немного напоминает стоящего «Блаженного» В. Г. Перова (1875 год).

Живописцы противопоставили не только убогую внешность юродивого роскошному царю Борису, но и неприглядную внешность Николки его духовно богатой внутренней жизни.

Возможно ли понять глубину тяжелого подвига юродства от созерцания живописного рисунка на книжной иллюстрации или это может быть только следствием молитвенного предстояния перед иконой? Святитель Игнатий Брянчанинов видит «подлинное творчество не в самовыражении, а в самоотвержении» [7]. Источником подлинного христианского творчества он называет «глубочайшее личное покаяние, плач о своих грехах» [7]. Созвучны с мнением Игнатия Брянчанинова слова епископа Феофана Затворника: «Кто живет духовно, того и одежда, и походка, и слова, и дела, вообще все приносит пользу слышащим» [10]. Юродивый А. С. Пушкина, изображенный разными художниками, вполне соответствует функции приносить пользу слышащим и видящим тем, кто хочет увидеть и услышать.

Литература

1. Афанасьева Э. М. Онтология имени в трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» // Пушкин и время. – Томск: Изд-во ТГУ, 2010. С. 39–46.
2. Дунаев М.М. Православие и русская литература: в 7 ч. : учеб. пособ. для студентов духовных академий и семинарий. М.: Христианская литература. 1996. Ч.1. 316 с.
3. Кибрик Е.А. Работа и мысли художника. М.: Искусство 1984. 255 с. URL: <https://red-balls.livejournal.com/261783.html>
4. Пушкин – Вяземскому П. А., около 7 ноября 1825. Полное собрание сочинений: В 10 т. Л.: Наука, 1979. Т10 // URL: <http://pushkin-lit.ru/pushkin/pisma.htm>
5. Пушкин А. С. – Жуковскому В.А, 17 августа 1825. Полное собрание сочинений: В 10 т. Л.: Наука, 1979. Т10 // URL: <http://pushkin-lit.ru/pushkin/pisma.htm>
6. Пушкин в изобразительном искусстве /под ред. А.А. Слонимского и Э.Ф. Голлербаха. Ленинград: ИЗОГИЗ, Ленинградское отделение, 1937. 212 с.
7. Святитель Игнатий (Брянчанинов). О стихотворениях о. Антония, методе Пушкина, неудачах сборщика и о других вопросах. Письмо 52 //

- 92 | Святитель Игнатий (Брянчанинов). Полное собрание сочинений: В 7 т. Т. 7. Избранные письма // URL: <http://брянчанинов.рф/tom7/52.shtml>
8. Святитель Игнатий (Брянчанинов). Письмо к художнику К.П. Брюллову. Письмо 246 // Святитель Игнатий (Брянчанинов). Полное собрание сочинений: В 7 т. Т.7 // URL: <http://xn--80abexxbim5ebd.xn--p1ai/tom7/246.shtml>
9. Семенова Е. В. Своеволие и смирение как мотивы творческих интуиций А. С. Пушкина: Дис. канд. филологических наук. Магнитогорск, 2006. 216 с.
10. Фаворский В. А. Рассказы художника-гравера. М.: Детская литература. 1976. 106 с.
11. Феофан Затворник, свт. Толкование послания св. апостола Павла к Филимону. М.: Типо-литография И. Ефимова. Большая Якиманка, дом Смирновой, 1892. С.279 URL: http://www.odinblago.ru/feofan_filimonu/
12. Эфрос А. Рисунки поэта. М.: Academia, 1933. 472 с.

T. V. Sharmanova

**CREATIVE INTERPRETATION OF THE IMAGE
OF THE FOOL FROM PUSHKIN'S TRAGEDY «BORIS GODUNOV»
IN A BOOK ILLUSTRATION**

The article is devoted to a comparative analysis of the appearance of the fool Nikolka from the tragedy of A. S. Pushkin «Boris Godunov», depicted by illustrators A.E. Zemtsov, B.V. Zvorykin, V.A. Favorsky, V.I. Shukhaev, E.A. Kibrik, I.I. Ershov.

Keywords: the tragedy «Boris Godunov»; book illustration; the fool.

РАБОТА С ПОЛИЛИНГВАЛЬНЫМИ ГРУППАМИ В ЛИТЕРАТУРНОМ МУЗЕЕ А. С. ПУШКИНА В ВИЛЬНЮСЕ (ЛИТВА)

Сотрудники Литературного музея А. С. Пушкина в Вильнюсе (Литва) ежедневно сталкиваются с полилингвальными группами посетителей. Работа с такими группами в значительной степени отличается от работы с моноязычными посетителями.

Ключевые слова: музей, полилингвальные группы; школьники; экскурсия; образовательная программа.

Посетителей Литературного музея А. С. Пушкина в Вильнюсе можно условно разделить на две категории: одиночные посетители и посетители в составе организованных групп. К первой относятся люди, которые приходят в музей с членами семьи и друзьями, но при этом не заказывают услуги гида; ко второй – группы людей, которые организовано посещают музей и заказали экскурсию.

Вильнюс – многонациональный город. Интерес к музею, расположенному в уникальном памятнике деревянного зодчества – городской усадьбе второй половины XIX века – проявляют представители всех национальностей. Согласно данным официальной переписи населения 2011 года, русские составляют 12 % от жителей Вильнюса (16 % – поляки и 64 % – литовцы) [1, с. 23]. В музей приходит и много туристов – как из разных городов Литвы, так и из других стран.

В связи с этим возникает очевидная необходимость представления информации о постоянной экспозиции на нескольких языках. На сегодняшний день посетителям доступны описания комнат Музея на четырёх языках: литовском, английском, русском, польском и итальянском. В ближайших планах Музея подготовка перевода описания на немецком и французском языках.

Я бы хотела сосредоточиться именно на организованных группах. Их условно можно разделить на три категории:

1. семьи, друзья, единомышленники;
2. слушатели Университетов третьего возраста;
3. школьники и студенты.

Таким группам предлагаются экскурсии. Сотрудники музея могут проводить их на четырёх языках – литовском, русском, польском и английском. Кроме того, в Музее для таких групп проводятся занятия (образовательные программы), посвящённые как творчеству А. С. Пушкина, так и связанные с историей дома, в котором находится Музей. Всего мы предлагаем около 15 различных образовательных программ.

Зачастую на экскурсию в Музей приходят разноязычные группы, т. е. группы, в состав которых входят люди с родным русским/польским и литовским языками. Нередки ситуации, когда члены одной семьи между собой общаются на нескольких языках. В качестве примера можно привести следующую ситуацию: старшее поколение говорит по-русски, среднее по-литовски, а младшее уже использует английский язык (история семьи может быть такой: русскоязычные родители отдали дочь в литовскую школу, она во время учёбы в университете вышла замуж за литовца, а позже молодая семья эмигрировала в Великобританию).

Экскурсия для такой группы будет отличаться от той, которую гиды музея проводят для русскоязычных посетителей. Работая со смешанными группами, важно учитывать следующие факторы:

1. уровень знаний посетителей об А. С. Пушкине;
2. уровень знаний о России, её истории, основных событиях XIX века;
3. возможность перехода (как посетителей, так и гида) с одного языка на другой.

Я выделила слушателей Университетов третьего возраста в отдельную категорию, так как эти посетители кардинально отличаются от школьников и студентов. Во-первых, в отличие от школьников, эти слушатели приходят на экскурсии добровольно. Во-вторых, это самая однородная группа. Обобщённый портрет «студента» выглядит следующим образом: женщина в возрасте 60+, со средним образованием, полученным в советской школе, в своё время прекрасно владевший русским языком. Так как в Музее слушатели Университетов третьего возраста приходят в рамках программы вуза, то всегда заказывают экскурсии на литовском (государственном) языке, при этом с большим удовольствием декламируют стихотворения А. С. Пушкина на языке оригинала, вставляют ремарки на русском языке. Для них поход в музей – это не только обязательный элемент университетской программы, но также зачастую ностальгия по юности. Участники таких экскурсий часто обращаются с просьбой перейти на русский язык, так как им хочется послушать правильную русскую речь. Кроме того, А. С. Пушкин для них является олицетворением русской культуры и русского языка.

Экскурсии для школьников – самые многочисленные в нашем музее. Для нас очень важно то, что к нам привозят своих учеников учителя русского языка, работающие как в школах с русским языком обучения, так и из литовских

и польских школ. Ещё один важный момент – в Музей приезжают ученики из других городов Литвы. Группы из русских школ выбирают экскурсии на русском языке. Дети чаще всего достаточно хорошо знакомы с творчеством А. С. Пушкина, знают основные факты биографии поэта, с ними можно вести диалог и обращаться к их читательскому опыту.

Ученики литовских школ, конечно, отличаются. Во-первых, для них учителя обычно просят провести экскурсию на литовском языке, так как не все дети одинаково хорошо владеют русским языком. Чаще всего это бывают ученики 9–10 класса, которые выбрали русский язык в качестве второго иностранного (два часа в неделю). Во-вторых, в таких группах дети ничего не знают о поэте и его произведениях не читали – даже в переводе. Впервые они сталкиваются с А. С. Пушкиным в 9-м классе – школьная программа предусматривает знакомство с биографией поэта и чтение «Сказки о рыбаке и рыбке». Учитывая всё это, гиды меняют содержание экскурсии, смещают акценты, дают меньше фактов и больше пояснений.

В музей приходят и ученики польских школ. Зачастую это дети из смешанных польско-русских семей, которым в детстве читали сказки А. С. Пушкина. Они тоже выбрали русский язык в качестве второго иностранного, но знания языка у этих школьников лучше, чем у их литовских сверстников. Кроме того, при работе с такой группой часто привлекается польский материал, больше внимания уделяется знакомству А. С. Пушкина с А. Мицкевичем.

Литературный музей А. С. Пушкина разработал целый ряд образовательных программ (занятий) для школьников. Они проводятся для учеников как русских, так и литовских школ. Каждая программа может быть модифицирована в зависимости от состава группы.

Самая популярная образовательная программа – «Загадки сказок А. С. Пушкина». Фактически существуют четыре варианта программы с одним общим названием: для учащихся школ с русским языком преподавания, для школьников из литовских школ (два варианта) и для учеников польских школ.

Учителя из русских школ заказывают эту программу для учеников 4–6 классов. Все задания даются на русском языке, обсуждение материала проходит также на русском языке, дети читают сказки А. С. Пушкина на языке оригинала.

Для литовских школьников программа может проводиться на русском или литовском языке, однако чаще всего на таких занятиях используется оба языка. Как уже указывалось выше, есть два её варианта. В первом варианте, рассчитанном на учащихся 9 класса, содержится больше игровых элементов, дети знакомятся с отрывком из «Сказки о рыбаке и рыбке» на языке оригинала, а также в переводе. Второй вариант рассчитан на учеников 10–11 классов. Школьники знакомятся с несколькими вариантами переводов «Сказки» на литовский язык, сравнивают их с оригиналом, обсуждают, какой перевод

лучше/понятнее и т. д. На этом занятии используется копия уникального экспоната из собрания Литературного музея А. С. Пушкина – книги-бilingвы 1902 года издания. В то время литовская печать была запрещена, поэтому литовский текст перевода «Сказки о рыбаке и рыбке» напечатан кириллицей. В книге на одной стороне разворота – русский текст, а на другой – литовский кириллический, напечатанный так называемой «гражданкой».

Вариант для польских школ во многом похож на первый вариант для литовских школьников. Во время занятия используются как оригинальные тексты, так и переводы.

Конечно, не все образовательные программы Музея адаптированы для учеников разных школ. Есть общие программы, такие, как «Тайны старой усадьбы», «Что помнят зеркала», «Геральдика: создание семейного герба», «Подвижные игры XIX в.» и т. д. Есть также программы, подготовленные специально для школ с русским языком обучения, – в частности, занятия по «Дубровскому», «Капитанской дочке», «Евгению Онегину». Это связано с тем, что в литовских и польских школах данные произведения не изучаются.

Как видно из представленного материала, сотрудники Музея чутко реагируют на запросы полиэтнического и полилингвального общества, а также активно сотрудничают с русскими, литовскими и польскими школами.

Литература

1. Lithuanian 2011 Population Census in Brief // URL: https://osp.stat.gov.lt/documents/10180/217110/Lietuvos_gyventojai_2011.pdf

M. M. Konickaja

WORK WITH POLYLINGUAL GROUPS IN THE LITERARY MUSEUM OF A. PUSHKIN IN VILNIUS (LITHUANIA)

Employees of the Literary Museum of A. Pushkin in Vilnius (Lithuania) encounter multi-lingual groups of visitors every day. Working with such groups is very different from working with monolingual visitors.

Keywords: museum, multilingual groups; schoolchildren; excursion; educational program.

МОЛИТВА В ЛИРИКЕ Ф. И. ТЮТЧЕВА

В статье рассматриваются особенности воплощения молитвенной проблематики в поэзии Ф. И. Тютчева. Выявлено, что отношение поэта к сакральному слову нельзя назвать однозначным и устойчивым. Авторские варианты модификации молитвенного слова определяются поэтическим контекстом философской, любовной и политической лирики.

Ключевые слова: русская литература; Ф. И. Тютчев; стихотворная молитва; духовные основы поэзии XIX в.

В художественном мире Тютчева молитвенное слово осмысляется неоднозначно. Э. М. Афанасьева, посвятившая русской стихотворной молитве специальное исследование [1], выделяет в лирике поэта два знаковых стихотворения, отражающих противоположные концепции молитвенного слова: от пародийно переосмысленного («Не дай нам духу празднословья...», 1820-е гг.) до переложения, близкого к исходному тексту великопостного светильня, «Чертог Твой, Спаситель, я вижу украшен...» (1872 (?)) г. [1, с. 196]. Сохраняющийся на протяжении всего творческого пути интерес к сущности молитвы и свойствам сакрального слова свидетельствует о необыкновенной значимости этой темы в художественном мире Ф. И. Тютчева. В то же время нельзя говорить о последовательном эволюционировании темы молитвы от шутивно-кошунственных текстов до переложений, близких оригиналу и свидетельствующих о смиренном восприятии благодатного значения святого слова. На протяжении всего творческого пути поэта роль молитвы в жизни человека многократно переосмысляется. Однако анализ всего корпуса лирических текстов Тютчева показывает, что молитвенная проблематика в лирике поэта обретает наиболее устойчивые связи с темами веры и любви, а также представлена в политических стихотворениях, проявляясь как на мотивном уровне, так и в виде жанровой модели. В рамках каждой из указанных тем варьируется значение молитвы в мире и в судьбе лирического героя, и по-разному осмысляется целесообразность или нецелесообразность произнесения сакрального слова.

Одной из основных тем, связанных с молитвенной проблематикой в поэзии Тютчева, является кризис веры (в стихотворениях «Я лютеран люблю богослуженье...», «Наш век», «Пошли, Господь, свою отраду...», «Бессонница (Ночной

момент)» 1873 г.). В указанных произведениях проблема целесообразности молитвы ставится в прямую зависимость от способности человека верить.

Особого трагизма достигает молитвенная тема в стихотворении «Бессонница (Ночной момент)» 1873 года. Первый стих вводит оксюморонный образ «пустыни городской», в которой человек пребывает в состоянии тоски. Семантический комплекс пустоты / пустыни, с которым также ассоциативно связаны мотивы иссушения и жажды божественной благодати, отсылающие к сюжету пушкинского «Пророка», так или иначе присутствует в каждом из стихотворений Тютчева, объединенных темой кризиса веры (Ср.: «сей храмины пустой», «безверием палим и иссушен», «летний жар и зной», «знойная мостовая»). Образ городской пустыни встраивается в этот ряд, однако в нем преобладающим становится не значение иссушения и зноя, а пустоты и одиночества лирического героя. Принципиально важно, что пространственным ориентиром, приковывающим взгляд субъекта лирического высказывания, являются церкви, золоченые главы которых озарены светом луны. Формируется пространственная вертикаль, которая имплицитно выражает связь мира земного с небесным, но этот вектор направленности взгляда лирического героя не дает надежды и не исцеляет от тоски. Наоборот – этот отраженный свет «пустынно бьет в недремлющие очи» [6, с. 258]. Вновь возникающий мотив пустыни / пустоты указывает на невозможность богообщения и тотальное одиночество, заброшенность человека в мире (ср.: появляющийся далее образ сердца «подкидыша»). Как отмечает С. В. Галян, сопоставляющая две тютчевские «Бессонницы» 1829 и 1873 года, как в раннем, так и в позднем стихотворении тоска человека в мире, его сиротство связано с отпадением от Бога: «Подобно Люциферу, человек, взбунтовавшийся против Творца, будет покинут и одинок» [3, с. 86]. Молитва сердца в финале исполнена трагической нецелесообразности: она представляет собой отчаянное воззвание к абсолюту с просьбой о жизни и любви, но мир пуст и мольба тщетна, поэтому молитва переходит в стон умирающего, который постепенно затихает.

Однако сомнения в целесообразности молитвы возникают далеко не во всех стихотворениях Тютчева. Например, в любовной и политической лирике молитва приобретает совсем другое значение.

Чаще всего в поэзии Тютчева молитвенная тема связана с женским образом, например, в таких стихотворениях как «Восток белел, ладья катилась...», «Как неразгаданная тайна...», «Накануне годовщины 4 августа 1864 года», «Когда на то нет божьего согласия...», «Есть и в моем страдальческом застое...», «Все отнял у меня казнящий Бог».

1865 год в творчестве поэта отмечен особенно высокой концентрацией стихотворных «молитв» [2]. Актуализация охранного слова в этот период – закономерное следствие переживания утраты (в 1864 г. умерла Е. А. Денисьева). Роль молитвы в стихотворениях, посвященных памяти Е. А. Денись-

ею, осмысливается двояко: и как просьба о ниспослании божественного покровительства душе возлюбленной, и как возможность самого лирического героя на время приобщиться к сфере внеземного существования, преодолев границу жизни и смерти, мира земного и небесного [5, с. 181].

Одним из наиболее значимых молитвенных текстов 1865 г. является стихотворение «Есть и в моем страдальческом застое...», посвящённое памяти Е. А. Денисьевой. Финал стихотворения по форме и содержанию представляет собой «молитву о страдании» [1, с. 212–219] – оригинальный авторский вариант модификации охранного слова. Субъект лирического высказывания молит о ниспослании страдания, поскольку только оно способно устранить «страдальческий застой», а «мертвенность души» в свою очередь преодолевается через «живую муку».

Появление молитвы в контексте стихотворения «Есть и в моем страдальческом застое...» свидетельствует о начале преобразования души лирического героя [4, с. 138–146], для которого утрата любимого человека служит отправной точкой для появления религиозного чувства. Герой стремится приобщиться к ценностным установкам возлюбленной, которая обладала даром «страдать, молиться, верить и любить». Поэтому любовь побуждает к молитве Господу о страдании. Первоначальная безжизненность лирического героя преодолевается обращением к молитвенному слову, а утрата переосмысливается в границах вечности в ситуации посмертного воссоздания образа возлюбленной в памяти.

Особого внимания заслуживает молитвенная тема в политических стихотворениях Тютчева: «Свершается заслуженная кара...», «Ужасный сон отяготел над нами...», «12 апреля 1865 года», «Гус на костре».

Осмысление молитвенной проблематики в тютчевской историософии часто связано с мотивами единения и разобщения. Так, мысль о всеобщем разобщении людей в стихотворении «Ужасный сон отяготел над нами...» сопровождается мотивом искажения слова, являющегося прямым источником лжи и разъединения народов: отсюда такие антитетические сочетания, как «притон разбойничий в дому молитвы», «распятие и нож», «божья правда» и «людская кривда». Религиозный конфликт обостряет проблему ложного слова, которая начинает принимать уже не только общественно-политическое, но и космическое значение, связанное с историософской концепцией Москва – третий Рим. Значение Руси как последнего государства, озаренного светом божественной истины, показано на фоне жесточайшего ополчения против нее, которое она должна преодолеть, чтобы, пройдя через все испытания, стать оплотом истины, веры, объединения и мира.

Своеобразным символом единения является ситуация соборной молитвы, которая изображается в стихотворении «12 апреля 1865 года», посвященном событию смерти царевича и наследника русского престола Николая Александровича. Трагедия, затрагивающая судьбу целой страны, разрешается

100 ситуацией последней молитвы цесаревича, претерпевшего муки до конца, в которой соединяется голос умирающего и все русские сердца: «Со всеми русскими сердцами / Теперь он молится о ней» [6, с. 140]. Таким образом, молитва становится источником единения народа в трагическую минуту и примирения перед лицом смерти.

Анализ функционирования молитвенной темы в лирике Тютчева показывает, что появление молитвенной темы нередко сопровождается размышлениями о целесообразности произнесения сакрального слова или оборачивается шутливо-иронической модификацией молитвы. Однако в любовной и политической лирике чаще всего молитва демонстрирует свою сакральную сущность. Молитвенное слово в лирике Тютчева имеет смысл только тогда, когда дает возможность преодолеть одиночество и выйти на уровень взаимодействия с другим человеком или людьми (народом) в ситуации соборной, всеобщей молитвы. В стихотворениях политической тематики рефлексивное переживание кризиса веры и болезненного состояния души преодолевается в размышлениях о судьбе страны и мира, имеющих историософский характер, а в любовной лирике приобщение к молитвенному слову непосредственно связано с женским образом.

Литература

1. Афанасьева Э.М. Молитвенная лирика русских поэтов. М.: Издательский дом ЯСК, 2021. 280 с.
2. Афанасьева Э.М. Имя возлюбленной и молитвенный дискурс в творчестве ф. И. Тютчева и А. И. Куприна // Женские образы в русской культуре. Сборник научных статей. Кемерово, 2001. С. 16–24.
3. Галян С. В. Анализ стихотворения Ф. И. Тютчева «Бессонница» (1829 г.) в аспекте культурных традиций // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2015. № 6 (39). С. 83–89.
4. Калашникова А. Л. Образ души в художественном мире Ф. И. Тютчева: Дис. ... канд. филологических наук. Екатеринбург, 2015. 199 с.
5. Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. СПб.: Искусство-СПб, 1996. 848 с.
6. Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и писем: В 6 т. М.: Издательский центр «Классика», 2003. Т. 2 // URL: <http://feb-web.ru/feb/tyutchev/default.asp>

A. L. Kalashnikova

PRAYER IN LYRIC BY F.I. TYUTCHEV

The article examines the features of the embodiment of prayer problems in the poetry of F. I. Tyutchev. It was revealed that the poet's attitude to the sacred word cannot be called unambiguous and stable. The author's options for modifying the prayer word are determined by the poetic context of philosophical, love and political lyrics.

Keywords: Russian literature; F.I. Tyutchev; poetic prayer; religious foundations of poetry of the XIX century.

«ЕДИНОГО СЛОВА РАДИ»: ЛИТЕРАТУРА И ДИПЛОМАТИЯ

Статья посвящена проблеме определения понятия литературной дипломатии.

Ключевые слова: литературная дипломатия, литературное творчество, поэзия и дипломаты.

*Поэзия –
та же добыча радия.
В грамм добыча,
в год труды.
Изводишь
единого слова ради
тысячи тонн
словесной руды.
В. В. Маяковский [1]*

В название своего доклада я вывела цитату Владимира Маяковского, которая, как мне кажется, описывает не только суть поэзии, но и суть дипломатии. Мы всегда находимся в поисках слова, которое в нашей профессии должно отражать концентрированную мысль. Работа со словом роднит литературу и дипломатию, а тот факт, что многие выдающиеся русские поэты были и на дипломатической службе, отчасти подтверждает этот тезис. Среди сотрудников Министерства иностранных дел России немало тех, кто пишет стихи и прозу.

К слову, и среди иностранных дипломатов также встречаются те, кому близко литературное творчество: «отец английской поэзии» Джеффри Чосер, чилийский поэт, дипломат и политический деятель Пабло Неруда, бывший Министр иностранных дел Китая Ли Чжаосин. Не так давно сборник со стихами российских и китайских поэтов-дипломатов был опубликован на русском и китайском языках. Говоря о нем, глава МИД Китая Ван И отметил, что поэзия «помогает лучше понимать друг друга» [2].

Мой доклад – это скорее эссе и размышление на заданную тему. В толковых словарях я не нашла единого и точного определения «литературной дипломатии». Это свидетельствует о том, что понятийный аппарат, призванный задать некие рамки данному явлению, находится все еще в процессе формирования. А это в свою очередь всегда является приметой чего-то нового и зарождающегося здесь и сейчас.

Основной продукт дипломатии – это документ, подчиненный определенным законам текст, у которого есть автор (зачастую коллективный). И этот самый автор пропускает через себя внешнеполитические события и явления, дает оценку и свое видение происходящего. Тут очень важна лаконичность и точность, поскольку ставки весьма высоки. А по мере развития «твиттерной дипломатии», любой тезис нужно максимально насытить, чтобы он, несмотря на свою сжатость, получился весьма емким. И с этой точки зрения я бы назвала «литературную дипломатию» разновидностью творчества в очень жестких рамках.

Если говорить о классической русской литературе – это наш внутренний камертон, необходимый современному человеку и дипломату в частности, который резонируя с сегодняшним днем, определяет истинное, что, наверно, особенно актуально в эпоху постправды.

Зачастую мы прибегаем к цитированию из произведений мировой литературы, с одной стороны, с целью придания веса тезису, но что более важно – с тем, чтобы он был максимально понятен целевой аудитории. Это продиктовано стремлением разговаривать с собеседником на его языке. В конце концов диалог – это основа дипломатии. «Литературная дипломатия» – это вербальная коммуникация, в ДНК которую вплетена культура, в том числе культура слова.

Я долгое время работала в Посольстве России в Китае (в общей сложности более 9 лет), в стране с очень богатыми традициями. Для политической культуры Китая свойственно обращение к идеалам прошлого, черпание цитат из древних трактатов и классиков. Зачастую каждый новый политический лозунг, в том числе во внешней политике – это как правило переосмысленное на современном этапе развития хорошо известное старое. Два года назад в Китае была учреждена Международная переводческая премия «Россия – Китай. Литературная дипломатия» за лучшие переводы произведений русской литературы на китайский язык [3]. Председатель жюри этой премии – директор Центра славистики при Столичном педагогическом университете, профессор Лю Вэньфэй.

Литература, как часть культуры – это визитная карточка народа, страны, заочное знакомство с ней. Про дипломатию же можно сказать, что это уже живое общение со страной. И в идеале эти две компоненты дополняют друг друга, создавая единое целое.

Если говорить о стыке литературы и дипломатии, то, к примеру, эпистолярный жанр отчасти жив благодаря дипломатической переписке. Обмен нотами по-прежнему является актуальной формой официального общения между странами.

Из практического сопряжения литературы и дипломатии непосредственно в своей работе я хотела бы вспомнить выдающегося русского поэта Евгения

Александровича Евтушенко. В 2015 году ему вручали международную поэтическую премию «Чжункунь» и он приехал в Пекин. К слову, переводом его стихотворений на китайский язык занимался профессор Лю Вэньфэй.

На торжественной церемонии выступал Чрезвычайный и Полномочный Посол России в Китае – Андрей Иванович Денисов. Я готовила текст выступления и вновь обратилась к хорошо знакомому мне творчеству Евтушенко с одной практической целью – найти в его стихотворениях что-нибудь родственное Министерству иностранных дел. Позвольте процитировать результат моих поисков:

*Я хотел бы родиться во всех странах,
Быть беспаспортным, к панике бедного МИДа,
Всеми рыбами быть во всех океанах
И собаками всеми на улицах мира.*
(4)

Это начальные строчки стихотворения «Я хотел бы...». Андрей Иванович Денисов заверил в своем выступлении Евтушенко, что МИД только за то, чтобы его творчество, как воплощение его самого, жило во всех странах мира. Ответная реакция Евтушенко получилась очень теплая и неожиданная.

Мое знакомство с Евгением Александровичем получило продолжение. Я была на его дне рождения в Переделкино в 2016 году, а осенью того же года вышла моя первая книга стихов «Простое сочинение», предисловие к которому написал Евгений Александрович. К сожалению, тот день рождения, как и предисловие – стало последним для Евтушенко. Его не стало весной 2017 года.

Литература

1. Маяковский В. Разговор с фининспектором о поэзии // URL: <https://www.culture.ru/poems/20069/razgovor-s-fininspektorom-o-poezii>
2. Братерский Александр. Пушкин, Лавров, Примаков: самые яркие поэты-дипломаты России // URL: https://www.gazeta.ru/culture/2019/02/10/a_12175147.shtml
3. В Пекине вручена премия «Россия – Китай. Литературная дипломатия // URL: <https://ria.ru/20201221/premiya-1590173096.html>
4. Я хотел бы...
5. Стихотворение Евгения Евтушенко // URL: <https://rupoem.ru/evtushenko/ya-xotel-by.aspx>

A. A. Yangel

The article is devoted to the problem of defining the concept of «literary diplomacy».

Keywords: literary diplomacy, creative writing, poetry and diplomats.

**РАБОТЫ
МОЛОДЫХ
ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ**

ВЕЛИКОПОСТНАЯ МОЛИТВА ПРП. ЕФРЕМА СИРИНА И СТИХОТВОРНОЕ ПЕРЕЛОЖЕНИЕ А. С. ПУШКИНА «ОТЦЫ ПУСТЫННИКИ И ЖЕНЫ НЕПОРОЧНЫ...»: К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ «ВТОРИЧНОГО» ТЕКСТА И ИСХОДНОГО ТЕКСТА-ПРЕЦЕДЕНТА

Стихотворение А. С. Пушкина «Отцы пустынноики и жены непорочны...» рассмотрено как «вторичный» текст по отношению к исходному прецеденту – великопостной молитве прп. Ефрема Сирина «Господи и Владыка живота моего...». Сам канонический текст молитвы, представленный в древнегреческом варианте и церковнославянском переводе, осмыслен с позиции теологической экзегетики. Анализ пушкинского стихотворного переложения осуществлен на уровне лексико-семантическом, композиционном и стиховом. При этом особое внимание уделено учету догматического понимания первоисточника, а также установлению степени формально-содержательных схождений/расхождений пушкинского стихотворного переложения и сакрального текста-прецедента.

Ключевые слова: прп. Ефрем Сирин, А. С. Пушкин, великопостная молитва, «вторичный» текст, стихотворное переложение.

Канонический текст молитвы онтологически значим. В молитве происходит единение и общение человека с Богом [3, с. 172]. Наивысший результат молитвы, по словам святого Марка Подвижника, – спасение человека по дару благодати Божией [2, с. 472]. Что касается «молитвенного обращения в поэтическом тексте», то он является уже *вторичным* по отношению к сакральному тексту-прецеденту. Стихотворное переложение молитвы определяется как поэтический жанр, в котором помимо индивидуального опыта богообщения формируется *особая художественно-эстетическая реальность*, выстраиваемая по собственным законам авторского мировидения. Для нас принципиально утверждение Э.М. Афанасьевой о том, что «в 1836 г. Пушкин не просто обращается к переложению общеизвестного молитвенного текста,

106 но и вводит его в контекст субъективно-авторских переживаний природы сакрального слова» [1, с. 371].

Молитва Ефрема Сирина «Господи и Владыка живота моего...» – это главная покаянная молитва Великого поста. Она имеет трехчастную структуру: обращение, десять прошений и славословие. Из представленной ниже таблицы видно, что десять молитвенных прошений делятся на две части. Первая часть прошений – это стремление к удалению страстей, ставших препятствиями к внутреннему очищению; вторая часть – осознание конечной цели покаяния, того, что необходимо на пути к Богу.

Первая часть молитвы: препятствия, которые нужно удалить:	Вторая часть молитвы – цели покаяния:
основной недуг – праздность (греч. ἡ ἄργυα – безделье)	противоположность праздности – целостность или целомудрие (греч. σωφροσύνη, ης – 1) благоразумие, рассудительность, здравомыслие; 2) скромность, умеренность, воздержанность) [2, с. 205]
плод праздности – уныние (греч. ἡ περιεργία – «излишний труд», «многоделание», «чрезмерная деятельность»)	плод целомудрия – смирение или смиренномудрие (греч. ταπεινοφροσύνη, ης – 1) скромность; 2) смиренномыслие (Кол.2:18,23)) [2, с. 204]
праздность и уныние наполняют жизнь любоначалием (греч. ἡ φιλαρχία – «властолюбие», «желание первенствовать»)	за целомудрием и смирением следует терпение (греч. ὑπομονή – терпение, выдержка, стойкость, постоянство, перенесение (трудностей), выносливость)
Празднословие (греч. ἡ ἄρυολογία) подкрепляет праздность, уныние и любоначалие	венец и плод всех добродетелей, всех усилий и подвигов есть любовь (греч. ἀγάπη, ης ж.р. 1) любовь (<i>главным образом христианская</i>); 2) забота, попечение; 3) священная трапеза любви, агапа (в <i>ранней Церкви</i>) (Иуд. 12)
Девятое и десятое прошение: видение своих грехов и неосуждение ближнего	

Кроме того, следует заметить, что молитва прп. Ефрема Сирина написана «смиренной прозой» (О.А. Седакова). В ней христиане просят Бога об очищении от грехов и об утверждении в добродетельной жизни. В этой молитве особым образом перечисляются элементы покаяния и определяется список индивидуальных подвигов православного христианина. Цель этих подвигов, прежде всего, в освобождении от недугов, препятствующих человеку вступить на путь обращения к Богу [5, с. 25].

Стихотворение Пушкина «Отцы пустынники и жены непорочны...» (заметьте, что в дореволюционных изданиях стихотворение печаталось с названием «Молитва», лишь в советских и постсоветских академических изданиях стало именоваться по первой строчке) можно рассматривать как образцово выполненное гениальным поэтом стихотворное переложение молитвы

прп. Ефрема Сирина. Подобное сопоставление двух текстов – собственно художественного, относящегося к периоду индивидуально-авторской эстетики, и сакрально-канонического текста-прецедента, положенного в основу богослужебной практики, – предполагает в качестве единственно адекватного подхода широкую междисциплинарную парадигму, а именно – обязательное привлечение как теологических, так и филологических принципов научного рассмотрения.

Стихотворное переложение написано цезурованным шестистопным ямбом парной рифмовки (александрийский стих). Пушкин не делит стихотворение на строфы (у него астрофический стих). В стихотворении можно выделить три композиционно-тематических сегмента: 1) в первых четырех строках говорится о множестве молитв, 2) в строках 5–9 в качестве особенно «умилительной» выделяется именно «великопостная» молитва, по словам Э. М. Афанасьевой, «эгоцентричная молитва кающегося грешника» [1, с. 138], 3) строки 10–16 – непосредственное переложение покаянной молитвы прп. Ефрема Сирина, которое, в свою очередь, также можно поделить на две части (стихи 10–12 и 13–16). Отметим, что в развитии лирического сюжета наблюдается переход от безличного тона к личному: в первом композиционно-тематическом сегменте личные местоимения 1-го лица отсутствуют, во втором дважды встречаются, а в третьем встречаем уже целых семь местоимений 1-го лица. Таким образом, «чужое» слово становится «своим» – молитва переходит из внешнего плана во внутреннее состояние самого лирического субъекта.

Примечательно также распределение мужских (М) и дактилических (Д) цезур по отдельным стихам: 1 часть (стихи 1–4): ДММД (2/2); 2 часть (стихи 5–9): МДДММ (3/2); 3 часть (стихи 10–16): МДДММДД (3/4). Как мы видим, это соотношение меняется: сначала гармоническое равновесие, потом перевес мужских (более волевых цезур), в конце (в самом тексте молитвы) перевес дактилических цезур (более плавных, замедляющих ритм). Особо обратим внимание на параллелизм цезурных окончаний: «отцы *пустынники*», «*сложили множество*», «*как та, которую*», «*во дни печальные*», «*любоначалия*», «*и празднословия*», «*и дух смирения*», «*и целомудрия*». Примечательно, что в просительной части молитвы у Пушкина просматривается полная симметрия на уровне лексико-ритмическом (любоначалия, празднословия = смирения, целомудрия).

Ритмический рисунок стихотворных строк определяется реальным распределением ударных и безударных стоп, а также наличием внеметрических ударений (спондеев). Приведем распределение ударений по отдельным стихам: 1 часть (4454), 2 часть (44454), 3 часть (6446544). Понятно, что наименее частотные ритмические формы выступают в роли ритмического курсива. В нашем случае это 6-ударные строчки. «Аномальной», т. е. опять же курсивно выделенной, предстает последняя строка: *И целомудрия мне*

108 | *в сердце оживи* (единственный случай на все стихотворение, когда после цезуры сразу же идут два ударных слога: *мне в сердце*). Таким образом, текст молитвы у Пушкина содержит важные ритмические скрепы – выделение 1-го (начального) стиха, 4-го стиха (ось симметрии) и 7-го (финального) стиха.

В архитектурном плане стихотворное переложение Пушкина имеет двухчастную структуру. Первая часть – это своего рода «молитвенный пролог», или «приступ» [1, с. 138], иначе говоря, метатекстуальная вставка, подготавливающая читателя к восприятию самого «молитвенного стиха», в котором автор выражает свое отношение к молитвенному слову. Вторая часть – это собственно пушкинское индивидуально-авторское стихотворное переложение текста первоисточника.

Далее для наглядности в виде таблицы приведем сопоставление молитвы Ефрема Сирина со стихотворным переложением Пушкина.

Признак соответствия	Молитва Ефрема Сирина (церковнославянский перевод, гражданский шрифт)	«Отцы пустынноики и жены непорочны...» Пушкина
Призывание	Господи и Владыко животá моего	Владыко дней моих!
Первое, второе, третье и четвертое прошения	духъ прѣздности (1), уны́ннѣя (2), любоначѣлѣя (3) и прѣзднословѣя (4) не даждь ми	дух праздности унылой (1, 2), Любоначала, змеи сокрытой сей , (3) И прѣзднословѣя (4) не дай душе моей.
Пятое, шестое, седьмое, восьмое, девятое, десятое прошения	духъ же целомудрѣя (5), смирномудрѣя (6), терпѣннѣя (7) и любѣ (8) даруй ми, рабу Твоему . ей, Господи Царю, даруй ми зрѣти моя прегрѣшеннѣя (9) и не осуждѣати брата моего (10)	Но дай мне зреть мои, о боже, прегрешенья (5), Да брат мой от меня не примет осужденья (6), И дух смирения (7), терпения (8), любви (9) И целомудрия (10) мне в сердце оживи .
Славословие	яко Благословѣнь еси во вѣки вѣковъ. Аминь	

Из приведенной таблицы видно, что Пушкин совершает некоторые отступления от канонического текста молитвы: а) в традиционной трехчастной структуре (отсутствие славословия), б) в количестве прошений (у Ефрема Сирина – 10, у поэта – 9), в) в инверсии прошений (особенно, начиная с пятого и до конца). Но то, что можно назвать отступлением «от буквы» прецедентного текста (в церковнославянском переводе), на самом деле оборачивается у Пушкина совпадением «в духе» [5].

Молитвенная речь прп. Ефрема Сирина субъектно присвоена Пушкиным и входит в его лирический дискурс, с самого начала и целиком примыкающий к христианской святоотеческой традиции как в тематической установке («Отцы пустынноики...»), «множество божественных молитв», «священник», «во дни

печальные Великого поста»), так и в специфическом словаре «молитвенного делания» аскета («сердцем взлетать», «умиляет», «падшего крепит» и др.). Здесь все в равной степени принадлежит Церкви – как предстояние перед Господом одного из ее членов; и все принадлежит поэзии – как эстетически полное и духовное выражение такого предстояния в художественном слове.

Литература

1. Афанасьева Э.М. «Отцы пустынноики и жены непорочны...». К проблеме религиозного диалога А. С. Пушкина и П.А. Вяземского // Временник пушкинской комиссии. Вып. 28. СПб.: Наука, 2002. С. 137–141.
2. Добротолюбие: доп. в 5 т. Т. 1 / пер. святитель Феофан, Затворник (Вышенский). М.: Изд-во Сибирская Благовонница, 2010. 554 с.
3. Зарин С.М. Аскетизм по православно-христианскому учению. Этико-богословские исследования Сергея Зарина. Киев: Имени святителя Льва, папы Римского, 2006. 694 с.
4. Лепяхин В.В. «Отцы пустынноики и жены непорочны...»: Опыт подстрочного комментария // А. С. Пушкин: путь к православию. М.: Изд-во Отчий дом, 1996. С. 243–259.
5. Шмеман А., прот. Великий пост / пер. с англ. матери Серафимы (Осоргиной). М.: Московский рабочий, 1993. 160 с.

S.A. Krasnoperova

**THE LENTEN PRAYER OF ST. EFREM SIRIN
AND POETIC ARRANGEMENT BY A.S. PUSHKIN «HERMIT
FATHERS AND WIVES ARE INNOCENT...»: ON THE QUESTION
OF THE RELATIONSHIP BETWEEN THE «SECONDARY»
TEXT AND THE ORIGINAL TEXT-PRECEDENT**

The poem by A.S. Pushkin's «Hermit Fathers and Wives are innocent...» is considered as a «secondary» text in relation to the original precedent – the Lenten prayer of St. Ephraim the Syrian «Lord and Master of my belly...». The canonical text of the prayer itself, presented in the ancient Greek version and Church Slavonic translation, is interpreted from the standpoint of theological exegesis. The analysis of Pushkin's poetic arrangement is carried out at the level of lexical-semantic, compositional and verse. At the same time, special attention is paid to taking into account the dogmatic understanding of the original source, as well as establishing the degree of formal-meaningful convergence / discrepancy between Pushkin's poetic arrangement and the sacred text-precedent.

Keywords: St. Efreim Sirin, A.S. Pushkin, Lenten Prayer, «secondary» text, poetic arrangement.

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ-КЛАССИКИ В ИНОЯЗЫЧНОЙ АУДИТОРИИ: СТИХОТВОРЕНИЕ А. С. ПУШКИНА «ЗИМНЯЯ ДОРОГА»¹

В статье рассматриваются особенности работы со стихотворным текстом А. С. Пушкина в иноязычной аудитории. На основе опыта исследователей РКИ и личной практики автор дает рекомендации по анализу стихотворения студентами-иностранцами.

Ключевые слова: Пушкин, «Зимняя дорога», литература, поэзия, русский язык как иностранный, русская литература в полилингвальном мире, интонациональная среда.

Стихотворение «Зимняя дорога» относится к числу ключевых произведений в творчестве А. С. Пушкина не только в связи с обстоятельствами жизни поэта, в которых он писал эти строки, но и в связи с многообразием языковых средств и культурных феноменов, которые могли бы быть интересны и полезны при изучении русской литературы иностранной аудиторией. В данном случае мы полностью разделяем точку зрения Е.И. Пассова, утверждающего, что знакомство с культурой составляет «содержание иноязычного образования» [2, с. 57]. Именно поэтому мы предлагаем рассмотреть особенности изучения литературного произведения в среде людей, не относящихся к русской лингвокультуре, однако владеющих языком на достаточном для понимания основной лексики уровне. Отдельно стоит отметить, что задачи педагога, работающего в иноязычной аудитории, включают в себя не только разъяснение значений каждого отдельного слова. Практика показывает, что при полноценном анализе литературного произведения студенты встречаются с определенными трудностями восприятия прецедентных культурных феноменов, в связи с чем появляется «необходимость историко-литературоведческих, лингвистических и культурно-страноведческих комментариев произведений поэта в иностранной аудитории» [4, с. 33].

В процессе изучения стихотворения предлагаем сначала разбирать его отдельно по каждой строфе, а затем перечитать целиком с целью создания

¹ Работа выполнена под руководством Т. К. Савченко, доктора филологических наук, профессора Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина.

полноценного образа художественного произведения. Стоит сразу отметить, что при возникновении у студентов тех или иных заминок при чтении лексическое значение каждого конкретного слова разбирается индивидуально. В данной работе проводится лингвокультурный и литературоведческий анализ.

Первая строфа:

Сквозь **волнистые туманы**
Пробирается луна,
 На печальные поляны
Льет печально свет она

[3, с. 191]

В первую очередь рекомендуем разобрать слова, употребленные в переносном значении, метафоры.

1. «Волнистые туманы» – при объяснении данной фразы следует продемонстрировать изображение тумана, который стелется неравномерно, сливается с тучами, создает таким образом иллюзию форм. Для сравнения можно представить изображение морских волн и объяснить природу метафоры.

2. «Пробирается луна» – в данном случае предлагаем объяснить лексическое значение слова «пробирается».

«ПРОБРАТЬСЯ, *проберусь, проберешься, прои. пробрался, пробралась, пробралось, сов. (к пробираться)*. 1. С трудом, медленно пройти, проникнуть. *Герман насилу мог пробраться сквозь толпу народа. Пушкин.* 2. Пройти, прокрасться незаметно, тайком. *Злодеи пробрались к нему через окно. Чехов. Через заднее крыльцо пробрался я в свою комнату. Тургенев»* [5].

Следует объяснить, что «пробирается» относится к глаголам движения, изучаемым иностранными студентами, однако обозначает движение более медленное, осторожное, аккуратное.

3. «Льет...свет» – устойчивое выражение, обозначенное в толковых словарях пометой «книжное» [5], т.е. используемое преимущественное прозаиками и поэтами. Объяснить его можно так же, как и первую фразу, взятую для анализа, на сопоставлении с льющей водой.

Вторая строфа:

По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
 Утомительно **гремит**

[3, с. 191]

1. «Тройка борзая» – исконно русский феномен, которому стоит уделить особое внимание.

«ТРОЙКА, тройки, ж. – ... 5. Три лошади, запряженные рядом в один экипаж» [5]. Тройка в 19 веке являлась наиболее удобным способом быстрого передвижения на большие расстояния. Благодаря хорошо продуманному распределению сил, когда лошадь посередине была более выносливой

112 | и двигалась быстрой рысью, а лошади по бокам держали четкий галоп, животные не уставали и сохраняли способность к поддержанию скорости в 45-50 км/ч на протяжении длительного времени.

«БОРЗЫЙ, борзая, борзое (обл. поэт.). Скорый, резвый. Борзой конь» [5]. Называя борзой упряжку, которая по определению должна быть быстрой, автор акцентирует внимание на хорошей скорости животных.

Объяснение этого феномена следует сопровождать изображением или видео, демонстрирующим скачущую тройку.

2. «Колокольчик... гремит» – данную фразу можно взять на рассмотрение со студентами, хорошо знающими сочетаемость слов в русском языке. Интерактивным компонентом занятия может стать обсуждение того, какой глагол обычно обозначает звук колокольчика. Затем можно предложить студентам догадаться или объяснить самостоятельно авторский выбор художественного средства. Используя слово «гремит» вместо «звонит», Пушкин подчеркивает утомительность звука, о которой писал в той же строчке.

Третья строфа:

Что-то слышится родное
В долгих песнях **ямщика**:
То **разгулье** удалое,
То **сердечная тоска**...
[3, с. 191]

1. «Ямщик» – это человек, который перевозит пассажиров или почту. В данном стихотворении также можно обратить внимание на то, что ямщик поет в дороге. Здесь можно обратиться к размерам страны и рассказать, что дорога часто занимала длительное время и, чтобы не заскучать и не уснуть, ямщики пели или разговаривали с пассажиром.

2. «Разгулье» – это слово проще всего объясняется через его внутреннюю форму. Как правило, студенты, овладевшие базовыми навыками русской речи, знакомы с глаголом «гулять». Отсюда выводим, что разгулье – это много и весело гулять.

3. «Сердечная тоска» – само по себе слово «тоска» является сложным для понимания иностранцами. Данное чувство в полной мере является культурным феноменом и с трудом переводится на другие языки. Так, например, в английском языке его переводят как «грусть» (sadness), что не отражает в полной мере значения слова. По Д.Н. Ушакову, тоска – это «сильное душевное томление, душевная тревога в соединении с грустью и скукой» [5]. Использование данного определения, безусловно, еще больше запутает иноязычных студентов, однако ключевые для понимания слова «тревога», «грусть» и «скука» вместе являются удачными для понимания сути значения. Что же касается части «сердечная», она отсылает к межкультурным ассоциациям со словом «сердце». При использовании наводящих вопросов

аудитория сможет сама прийти к выводу, что в данном контексте «сердечная» и «любовная» – синонимы.

Четвертая строфа:

Ни огня, ни **черной хаты**,
Глушь и снег... Навстречу мне
Только **версты полосаты**
Попадают **одне**...

[3, с. 191]

1. «Черная хата» – хатами на Руси назывались небольшие дома с большой комнатой, в которой стояла печь. Черными их называли из-за системы отопления. Труба большой печи не выходила на улицу, поэтому дым и сажа оставались в комнате, покрывая потолок и стены, в результате чего они становились черными. При анализе в иноязычной аудитории стоит отметить, что такие постройки были весьма распространены среди бедного населения.

2. «Верста» – русская система измерения расстояния, равная примерно одному километру.

3. Почему версты «полосаты»? Чтобы измерять расстояние, вдоль больших дорог, на Руси ставили верстовые столбы; расстояние между каждым было равно одной версте. Для удобства их выкрашивали в черно-белую полоску (здесь уместно будет продемонстрировать изображение такого столба). Поэтому под «верстами полосатыми» поэт подразумевал именно эти сооружения.

4. «Одне» (однѣ) – до реформы русского языка использовалась именно такая форма слова «одни», с буквой «ять» на конце.

Пятая строфа:

Скучно, грустно... Завтра, Нина,
Завтра к милой возвратясь,
Я **забудусь** у камина,
Загляжусь не наглядясь

[3, с. 192].

1. «Забуться» – А. С. Пушкин использует именно это слово для того, чтобы ярче описать состояние усталости и одновременного спокойствия и задумчивости.

«Забуться – ...замечаться, впасть в задумчивость (книжн.). *Он, забывшись, часами сидел на берегу моря*» [5].

2. «Загляжусь не наглядясь» – в данном случае вновь стоит отталкиваться от внутренней формы. Оба слова однокоренные, образованы от «глядеть». Со студентами, знающими слово «взгляд», можно провести ассоциацию с ним, объяснить, что «глядеть» имеет то же значение, что и «смотреть». Отсюда следует, что «заглядеться» – это долго и внимательно смотреть, а «наглядеться» – это получить достаточно удовольствия от просмотра. То есть хотя лирический герой стихотворения и долго смотрит на огонь – этого ему все равно мало.

Шестая строфа:

Звучно стрелка часовая
 Мерный круг свой совершит,
 И, **докучных** удаляя,
 Полночь нас не разлучит
 [3, с. 192].

1. «Докучный» – то же, что и скучный; в данном случае – о людях, находящих скуку.

Седьмая строфа:

Грустно, Нина: путь мой скучен,
Дремля смолкнул мой ямщик,
 Колокольчик однозвучен,
Отуманен лунный лик
 [3, с. 192].

1. «Дремля» – деепричастие от глагола «дремать».

«Дремать – ... быть в состоянии полусна, некрепко спать» [5]. Так как дорога, как уже говорилось ранее, занимала много времени, ямщик в стихотворении уснул, о чем свидетельствует его молчание.

2. «Отуманен лунный лик» – в данной строчке используется метафора, в которой образ луны сравнивается с лицом (слово «лик» – архаизм, то есть синоним современному слову «лицо»). Отуманен – затянут туманом.

Таким образом, в процессе обучения иностранных студентов произведениям русской литературы важно учитывать разницу культур, в контексте которых происходит обсуждение. В конкретном случае при анализе стихотворения «Зимняя дорога» уже в первых двух строфах было открыто большое количество языковых и культурных элементов, требующих пояснения. Также представляется важным еще раз отметить необходимость иллюстративности на занятиях. Наличие наглядных примеров облегчает носителям других культур восприятие русских литературных произведений. Специалисты в области РКИ неоднократно указывали, что преподавание русского языка не ограничивается запоминанием языковых единиц и усвоением правил грамматики [1, с. 117]. В этой связи изучение литературных текстов как культурных феноменов в иноязычной аудитории представляется крайне важным и требует дальнейшего подробного изучения. А тексты нашего национального гения А. С. Пушкина – прекрасный материал для такой работы.

Литература

1. Кулибина Н.В. Художественный текст в лингводидактическом осмыслении. Дисс. док. пед. наук. М., 2001. – 328 с.
2. Пассов Е.И. Русское слово в методике как путь в Мир русского слова, или Есть ли у методики будущее? СПб.: МИРС, 2008. – 60 с.
3. Пушкин А. С. Стихотворения. М.: Эскмо, 2021. – 320 с.

4. Савченко Т.К. «Нарушитель границ»: Пушкин в иноязычной аудитории // 115
Rhema. Рема. 2011. № 2. С. 32–44.

5. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка. Режим доступа:
<https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 22.09.2021).

E. M. Chernikova

RUSSIAN CLASSIC WRITERS IN A FOREIGN LANGUAGE

AUDIENCE: A. S. PUSHKIN'S POEM «WINTER ROAD»

The article is dedicated to the features of exploring the poem of A. S. Pushkin in a foreign language audience. Based on the experience of researches of Russian as a foreign language and personal practice, the author gives analysis recommendations according to exploring the poem with foreign students.

Keywords: Pushkin, «Winter Road», literature, poetry, Russian as a foreign language, Russian literature in the multilingual world, foreign environment.

ВЛИЯНИЕ СЛОВЕСНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА НА ТВОРЧЕСТВО А. С. ПУШКИНА²

В статье исследуются ближневосточные тексты, повлиявшие на развитие ориентальной тематики и проблематики в творчестве А. С. Пушкина, круг «восточного» чтения и иных источников ориентального знания Пушкина-лицеиста, пушкинская интерпретация парадигмы «Восток – Запад» и новаторство в творческом освоении восточного словесного наследия.

Ключевые слова: русская литература, А. С. Пушкин, ориентализм, литература Ближнего Востока, Коран, Саади, Хафиз.

Во времена А. С. Пушкина земли, которые в наши дни являются странами Ближнего Востока, – т. е. Малая Азия, Египет, Левант и Магриб – входили в состав Османской империи. Как отмечает Н. М. Лобикова, Пушкин знал культуру этих территорий намного лучше, нежели культуру стран Южной Азии и Дальнего Востока [4, с. 5].

Предположительно, источниками ориенталистических представлений молодого Пушкина стали тексты А. В. Болдырева, С. С. Уварова, И. К. Кайданова и А. Журдена, а также беседы с В. К. Кюхельбекером, увлекавшимся ближневосточной литературой; материалы журнала «Вестник Европы», спектакли в театре графа В. В. Толстого и балетные постановки Ш. Л. Дидло [4, с. 6–15]. Среди литературных источников следует отметить «восточные повести и драмы Вольтера, “Персидские письма” Монтескье», сказки “Тысячи и одной ночи” в переводе А. Галлана, а также «“Волшебные сказки” Антуана Гамильтона, пародировавшего французский перевод “Тысячи и одной ночи”» [4, с. 9].

Юного Пушкина окружала атмосфера интереса к Ближнему Востоку: в начале 1800-х гг. активно развивается отечественное академическое востоковедение, зарождается российская арабистика, с 1804 г. в университетах преподаются арабский и персидский языки; появляются первые русские печатные переводы с древнееврейского, персидского и арабского, театральные репертуар не покидают постановки на ориентальную тематику [4, с. 6–9].

² Работа выполнена под руководством Т. К. Савченко, доктора филологических наук, профессора Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина.

В период ссылки 1820–1824 гг. Пушкину удалось стать ещё ближе к Востоку, непосредственно соприкоснуться с его культурой и эстетикой. Впечатления от Крыма, Молдавии и Кавказа подарили мировой литературе созвездие «южных» поэм и стихотворений, а также «Путешествия в Арзрум». Как отмечает Г. У. Соронкулов со ссылкой на Д. И. Белкина, именно в эти годы формируется пушкинская «самобытная художественная концепция Востока» [13, с. 347].

Работая с восточной темой и интегрируя её в собственные тексты, Пушкин не отрицает факт заимствования и подражания. Более того, он чётко определяет принципы переноса ориентальной специфики в область русского литературно-культурного контекста. В своём письме к П. А. Вяземскому от 1825 г. Пушкин отмечает: «Слог восточный был для меня образцом, сколько возможно нам, благоразумным, холодным европейцам. Кстати еще – знаешь, почему не люблю я Мура? – потому что он чересчур уже восточен. Он подражает ребячески и уродливо – ребячеству и уродливости Саади, Гафиза и Магомета. – Европейец, и в упоении восточной роскоши, должен сохранить вкус и взор европейца. Вот почему Байрон так и прелестен в “Гяуре”, в “Абидосской невесте” и проч.» [7]. Таким образом, согласно рассуждениям поэта, необходимо вдумчиво отбирать и обрабатывать материал, избегая растворения собственной культурной идентичности в копировании изучаемой культуры.

Приведённая цитата также отражает понимание Пушкиным парадигмы отношений «Восток – Запад». Примером диалога культур, в котором принимает участие русский поэт, являются его «Подражания Корану» – причём, в единстве поэтического текста и примечаний. В ремарках Пушкин выражает своё «несогласие с древней моралью Корана» [1, с. 48]. Находясь на позиции европейца и всегда помня о своей инаковости по отношению к культуре-адресату, он вступает в диалог с миром ислама и Востока, иронизирует и полемизирует. Как формулирует Д. И. Белкин, «диалог возникает из соотнесения русским поэтом чужого текста <...> и мыслей, высказанных европейски просвещённой личностью» [1, с. 51].

В более раннем произведении «Путешествия в Арзрум» Пушкин уже чётко разграничивает пространство собственной культуры и пространство культуры иной, познаваемой. Окружённый восточным колоритом повествователь осмысляет себя как нечто отдельное от того окружения, в котором находится [3, с. 63–64]. Данный принцип станет основным в пушкинском понимании парадигмы «Восток – Запад».

Рассмотрим триаду Саади – Хафиз – Мухаммад, которой Пушкин коснулся в письме к Вяземскому, и её значение для формирования художественного метода поэта при работе над ориентальными произведениями.

Примечательна история знакомства Пушкина со стихотворениями персидского поэта и философа Саади: оно происходило посредством чтения переводов с французского языка. Как пишет З. Мохаммади, Пушкин избрал

118 | в качестве эпитафии к «Бахчисарайскому фонтану» цитату из поэмы Саади «Бустан», которая к моменту создания пушкинского текста не была полностью переведена ни на один из европейских языков (за исключением немецкого перевода XVII в.). Благодаря исследованиям К. И. Чайкина и Б. В. Томашевского удалось отыскать источник пушкинской редакции изречения Саади – им оказался французский перевод произведения Т. Мура «Лалла-Рук», выполненный А. Пишо [5, с. 128]. Кроме того, известно, что в библиотеку русского поэта входили французские переводы «Шах-наме», «Гюлистана» [5, с. 128] и «Пенд-наме» [11].

Иным примером переложения Саади Пушкиным являются строки «Мы точь-в-точь двойной орешек / Под единой скорлупой» из стихотворения «Подражание арабскому» [8]. У Саади встречаем: «Помню я, в минувшие дни я и друг мой жили, словно два миндальных ядра в одной скорлупе» [12, с. 154].

Другим персидским поэтом, оказавшим влияние на творчество Пушкина, стал Хафиз Ширази. Русского и персидского стихотворцев во многом роднит манера говорить о любви: оба разрабатывают мотивы «разлука и встреча», «очарование», «равнодушие», «разум и безумие», «страдание», «соловей и роза»; оба прошли через несколько этапов восприятия любви.

Характерный для персидской поэзии сюжет о жертвенном соловье и неприступной розе анализируется Пушкиным и Хафизом в едином ключе: страдания соловья-поэта оправданны, поскольку они рожают страстную, удивительную песнь. Здесь же появляются образы сада и ночи, воспеваемые персидскими поэтами и интегрированные в пушкинские строки.

Похожим образом развиваются мотивы разума и безумия – и Хафиз, и Пушкин видят безумие как следствие любви, перед которой человек оказывается бессильным. Страдание представляется им связанным с разлукой, отверженностью или иной печалью, явившейся результатом любви.

Некоторые общие концепты Пушкин и Хафиз интерпретируют по-разному. К примеру, в любовной лирике Пушкина в фокусе внимания находятся переживания лирического героя, в то время как все строки Хафиза обращены преимущественно к возлюбленной. Так, для Пушкина важнее соловей и его песнь, а для Хафиза – роза, к которой соловей стремится [6, с. 17].

В цитируемом выше письме к П. А. Вяземскому Пушкин помещает рядом имена Саади, Хафиза и пророка Мухаммада, таким образом приравнивая их друг к другу по степени влияния на ближневосточную культуру. В самом деле, исламская тема наряду с аллюзиями на персидскую поэзию занимает важное место в ориентальной пушкинской поэтике, однако, прежде чем приступить к строкам о ней, сделаем одно замечание: ближневосточный и мусульманский дискурсы не тождественны.

В 1815 г. в «Вестнике Европы» – любимом журнале питомцев Царскосельского лицея – появляется текст А. В. Болдырева «Могаммедово путешествие

на небо», передающий соответствующий коранический сюжет. Поскольку Пушкин вполне мог быть знаком с работой Болдырева, примечательным представляется сходство мотивов «Пророка» и коранического повествования. Мухаммаду является архангел Гавриил, который «вынимает из груди его сердце, выжимает из него черную каплю – начало прародительского гнева, – моет оно, наполняет вѣрою и познаниём и потомъ кладетъ его на прежнее мѣсто» [2, с. 78]. У Пушкина встречаем следующие строки:

И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И уголь, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул
[10].

Лирический герой стихотворения «Пророк» во многом похож на исламского пророка: читатель видит его «в пустыне мрачной», что напоминает арабские пустыни, среди которых стоит священная Мекка; герою является «шестикрылый серафим», равно как Мухаммаду является архангел Гавриил; кроме того, и лирический герой стихотворения, и Мухаммад оказываются призванными Богом, чтобы изменить мир людей.

Освоение арабской текстовой культуры спровоцировало, как это часто бывало с Пушкиным при изучении национальных особенностей, создание собственного образца. Переход от увлечения арабской поэзией к «её воспроизведению средствами родного языка» ознаменовался циклом «Подражания Корану» [1 с. 45]. Выбрав главный мусульманский словесный памятник в качестве «объекта поэтического воспроизведения» [1, с. 46], Пушкин в первую очередь был заинтересован изложенными в нём «нравственными истинами» [9, с. 52], а не эстетической экзотикой (которую называл «ребячеством» в упомянутом письме к Вяземскому). Поэт импровизирует, что является признаком нового уровня постижения исламской культуры. На основе образов восточной словесности ему удаётся воспроизвести иное мироощущение, иное понимание бытия.

«Подражания Корану» открыли для русской литературы мусульманскую эстетику, поэтические образы священного исламского текста. На смену стилизации пришёл новый художественный принцип – принцип интеграции, вдумчивого познания изображаемых явлений. Круг задач автора вобрал в себя необходимость помочь читателям познать открывшийся перед ними мир.

Литература

1. Белкин Д. И. Поэтика авторских примечаний в цикле «Подражания Корану» // Пушкин: проблемы творчества, текстологии, восприятия. Сборник научных трудов. – Калинин, 1989. – С. 45–60.
2. Болдырев А. В. Могаммедово путешествие на небо // «Вестник Европы». – 1815. – Ч. LXXX. № 5–6. – С. 76–86.

- 120 | 3. Инаньр Э. А. С. Пушкин и Восток. Мифы и реальность // Болдинские чтения 2020. Материалы международной научной конференции. – 2020. – С. 62–69.
4. Лобикова Н. М. Пушкин и Восток. Очерки. – Москва: «Наука», 1974. – 95 с.
5. Мохаммади З. А. С. Пушкин и Восток: заметки к теме // Вестник Московского университета. – Серия 9. Филология. – 2008. – №3. – С. 126–131.
6. Мохаммади З. Пушкин и Хафиз (к проблеме «восточного слога» в творчестве Пушкина): автореф. дис. ... канд. филологических наук / Мохаммади Захра. – Москва, 2008. – 21 с.
7. Пушкин А. С. П. А. Вяземскому / Собрание сочинений в 10 томах [Электронный ресурс] / М.: ГИХЛ, 1959–1962. – Том 9. Письма 1815–1830. – URL: https://rvb.ru/pushkin/01text/10letters/1815_30/01text/1825/1305_122.htm (свободный). Дата обращения: 25.09.2021.
8. Пушкин А. С. Подражание арабскому / Собрание сочинений в 10 томах / М.: ГИХЛ, 1959–1962. – Том 2. Стихотворения 1823–1836. – URL: https://rvb.ru/pushkin/01text/01versus/0423_36/1835/0609.htm (свободный). Дата обращения: 26.09.2021.
9. Пушкин А. С. Подражания Корану / Собрание сочинений в 10 томах / М.: ГИХЛ, 1959–1962. – Том 2. Стихотворения 1823–1836. – URL: https://rvb.ru/pushkin/01text/01versus/0423_36/1824/0355.htm#c1 (свободный). Дата обращения: 25.09.2021.
10. Пушкин А. С. Пророк / Собрание сочинений в 10 томах / М.: ГИХЛ, 1959–1962. – Том 2. Стихотворения 1823–1836. – URL: https://rvb.ru/pushkin/01text/01versus/0423_36/1826/0420.htm (свободный). Дата обращения: 25.09.2021.
11. Рак В. Д. Саади [Электронный ресурс] // Пушкин: Исследования и материалы / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – СПб.: Наука, 2004. – Т. XVIII/XIX: Пушкин и мировая литература. Материалы к «Пушкинской энциклопедии». – С. 298–300. – URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/isj-abc/isj/isj-2981.htm> (свободный). Дата обращения: 26.09.2021.
12. Саади. Гулистан. / Критич. текст, пер., предисл., примеч. Р. М. Алиева. – М.: Издательство восточной литературы, 1959. – 716 с.
13. Соронкулов Г. У. Художественная концепция Востока в аксиологии А. С. Пушкина // Наука и образование: новое время. – 2018. – №6 (29). – С. 346–352.

I. O. Kuznetsova

THE INFLUENCE OF MIDDLE EASTERN VERBAL PIECES ON ALEXANDER PUSHKIN'S CREATIVE WORK

We do research on Middle Eastern texts which have had an influence on Oriental theme and problems developing in A. S. Pushkin creative work, on his Oriental reading and knowledge in Lyceum period, the interpretation of 'East – West' paradigm and novelty in artistic mastering of Middle Eastern verbal heritage.

Keywords: Russian literature, A. S. Pushkin, Orientalism, Middle Eastern literature, the Quran, Sa'adi, Hafiz.

ИЗУЧЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА А. С. ПУШКИНА С ПОМОЩЬЮ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В статье анализируются буктрейлеры к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Дается жанровая характеристика буктрейлера, выделяются его разновидности, критерии оценки буктрейлера; определяются функции буктрейлера как поликодового текста, приводятся варианты методического использования создание буктрейлера как особой технологии при изучении литературы.

Ключевые слова: буктрейлер; «Евгений Онегин»; А. С. Пушкин; поликодовый текст; русская литература; классическая литература; цифровые образовательные технологии.

В современный процесс обучения стремительно вошли новые информационные технологии. Наравне с созданием презентаций по изучаемой книге в педагогической практике используются буктрейлеры как новый способ продвижения осознанного чтения среди молодого поколения.

Буктрейлер в России известен относительно недавно (с 2010 года). Научный интерес к буктрейлеру появился в 2012 году в статьях Н.В. Шевцовой о коммуникативной функции буктрейлеров к произведениям классической литературы [5] и Л.В. Зиминой о буктрейлере как новом инструменте увеличения книжных продаж [3], а также в статьях-обзорах А. Добрянской и Ю. Щербининой на новые буктрейлеры того же года [2; 6]. Исследователи уделяли внимание рекламно-маркетинговой стороне буктрейлера, его роли по отношению к книге, способности популяризировать чтение, стимулированию книжных продаж и т. д.

Термин «буктрейлер» (с англ. «book trailer») означает трейлер к книге. Он представляет из себя короткий видеоролик, посвященный книге (серии книг) или автору. Н.В. Шевцова определяет следующие задачи буктрейлера: «<...> рассказать о книге, заинтересовать, заинтриговать читателя» [5, с. 68]. Буктрейлеры существуют на посвященных для них сайтах (например, booktrailers.ru – русскоязычная платформа, и book-trailers.net – англоязычная платформа). На сегодняшний день чаще всего используется всеми известные платформы – youtube.com и tiktok.com. За данной картиной смены «локаций»

122 | буктрейлеров можно проследить и динамику их развития: от полноценных длинных (2–3 минуты) видеороликов до коротких «шорт-катов» длительностью в 15 секунд. Буктрейлеры трансформируются вслед за своей аудиторией, чье клиповое мышление сосредоточено на коротком формате видео.

Буктрейлер – специфический жанр, представляющий собой поликодовый текст, поскольку в нем сочетаются вербальные и невербальные компоненты (визуальный и аудио). Жанровая характеристика буктрейлера выглядит следующим образом:

- вторичность по отношению к рекламируемой книге. Буктрейлер – метажанр, который вторичен к рекламируемой книге;
- невербальная коммуникация. Буктрейлер с помощью невербальных знаков выстраивает со зрителем и потенциальным читателем полноценную коммуникацию;
- сетевые каналы коммуникации его целевой аудитории (ограничение целевой аудитории по возрасту);
- клиповость. Буктрейлер состоит из ярких и коротких кадров, которые находят отклик у молодежи;
- фрагментарность (выделение одной главной темы). В буктрейлере невозможно показать все тематические, проблемные и другие стороны произведения. В связи с этим автору буктрейлера нужно выбрать то, что он считает важным (в зависимости от продолжительности видеоролика).

Вербальные и невербальные составляющие буктрейлера направлены на решение конкретной коммуникативной цели: привлечение внимания к книге или автору. Все это достигается через выполнение буктрейлером рядом функций: рекламно-маркетинговой (т.к. изначально он был рекламой от издательств и библиотек), информативной, аттрактивной, креативной, коммуникативной, дидактической и функции саморефлексии. Особого внимания заслуживают последние две.

С течением времени буктрейлеры переходят в авторство обычных читателей. Люди создают рекламные видео, чтобы выразить свое отношение к прочитанному произведению, показать свой взгляд на понравившуюся книгу. Публикуя свой буктрейлер в Интернете, авторы книжных видеороликов вступают в коммуникацию с аудиторией, призывая ту не только обратиться к первоисточнику, но и поделиться своим мнением по поводу произведения, а также оценить буктрейлер.

Говоря об оценке буктрейлера, необходимо отметить критерии его анализа:

- качество визуального и аудио-материала. Очень важным является качество того, что видит зритель, и того, что он слышит. Собранный нами материал имеет среднее или высокое качество;
- уровень заинтересованности аудитории. Другими словами, на какого зрителя рассчитан буктрейлер. По правилам это должен быть незнакомый

с первоисточником (романом «Евгений Онегин») человек. Если буктрейлер сделан так, что его сможет понять только зритель, прочитавший книгу, то буктрейлер трудно назвать грамотным, поскольку основная цель буктрейлера – это привлечь новых читателей;

- степень передачи первоисточника (книги). Сюда относится изложение сюжета романа. Иными словами, «о чем эта книга?». Не допускается искажение фактов как о сюжете, так и об истории создания или об авторе (если таковые имеются). Буктрейлер может показать или рассказать (закадровый голос / текстовый материал) о сюжете, но это не должно быть краткое содержание. Каждый буктрейлер – это краткий пересказ, но не каждый краткий пересказ – буктрейлер;

- уровень смысла. Поскольку буктрейлер является поликодовым, но все же текстом, мы даем следующие уровни смысла (по Данте): прямой (поверхностный), моральный (нравственный), духовный, анагогический.

Дидактическая функция – относительно новая функция буктрейлера. Учителя в школах или преподаватели в вузах дают задания сделать буктрейлер к прочитанному произведению или написанной студентами научной работе. Поскольку современное поколение большую часть своего времени проводит в Интернете за просмотром видеороликов, то и визуальное, клиповое представление информации вышло в приоритет. О.С. Ращупкина, исследуя влияние процесса создания буктрейлера на формирование компетентного читателя у ученика, приходит к выводу, что «творческий потенциал данного современного мультимедийного продукта очень высок, что ученик, работающий над буктрейлером, может найти себя в его творческой, технической или исследовательской составляющей, и – самое важное – создать буктрейлер может только тот, кто прочитал и «пережил» текст, ведь его создание формирует у ученика умение анализировать произведение, учит его вдумчивому восприятию и осмыслению, а также формирует и развивает творческие способности» [4, с. 18]. Буктрейлер становится современной версией привлечения молодежи к чтению, осмыслению прочитанного и формированию собственного мнения посредством создания видеоролика о прочитанной книге, которая может относиться к классической литературе, а в нашем случае – к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

Для написания данной статьи был составлен общедоступный видеоплейлист «Буктрейлеры к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин»» [1], в состав которого вошли 37 буктрейлеров, размещенных на платформе youtube.com. Собранный материал классифицируется по следующим критериям:

- по авторству: библиотеки (количество: 2), учебные заведения (количество: 10), любительские (количество: 25);
- по продолжительности видеоролика: короткие (количество: 5), длинные (количество: 32);

- 124
- по жанровой разновидности: видеокментарий (число: 3), видеонанс (число: 5), видеаннотация (число: 29);
 - по способу визуального воплощения: игровые (число: 20), неигровые (число: 16), анимация (число: 1);
 - по материалу: собственный (число: 15), чужой (число: 22);
 - по контенту: повествовательные (число: 3), атмосферные (число: 3), концептуальные (число: 31);
 - по тематике: история Татьяны Лариной и Евгения Онегина (число: 33), история Евгения Онегина и Владимира Ленского (число: 1), трагедия Евгения Онегина (число: 1), роман «Евгений Онегин» (число: 2). Выбирая тему своего буктрейлера, авторы показывают то, что их волнует как читателей. Самой частотной оказалась тема истории Татьяны Лариной и Евгения Онегина, их любви. Молодежь, находясь в одной возрастной группе с главными героями, сопереживает им, т.к. тема неразделенной любви очень актуальна среди подростков, поэтому она выносится на первый (а зачастую и единственный) план. Необходимо отметить, что при анализе буктрейлеров нами был замечен факт искаженного восприятия прочитанного: строчки «Они сошлись. Волна и камень, / Стихи и проза, лед и пламень», относящиеся к Ленскому и Онегину, авторы буктрейлеров предписывают Татьяне и Евгению;
 - по предмету буктрейлера: письмо Татьяны к Онегину (число: 30), информация о романе «Евгений Онегин» (число: 5), краткий сюжет романа «Евгений Онегин» (число: 1), анализ романа «Евгений Онегин» (число: 1). Вслед за темой неразделенной любви Татьяны и Евгения самым частотным предметом буктрейлера к роману А. С. Пушкина становится письмо Татьяны к Онегину, которое используется авторами либо в виде аудиоматериала (закадровый голос), либо в виде текстового материала (цитаты из романа).

Данные классификации носят условный характер. Можно говорить о смешанном типе буктрейлеров. Например, неигровой буктрейлер может содержать элементы игрового; буктрейлер может быть одновременно «повествовательным» и «атмосферным». Вдобавок в одном буктрейлере могут сочетаться и две темы: «история Татьяны Лариной и Евгения Онегина» и «трагедия Евгения Онегина».

Таким образом, аттрактивная и рекламно-маркетинговая функции буктрейлера, которые доминировали в начальный период появления этого поликодового жанра, постепенно отошли на второй план. В последние годы буктрейлеры стали значительно чаще создаваться с целью самовыражения в жанре видео-эссе. Поэтому буктрейлер целесообразно рекомендовать как учебную технологию, которая помогает развивать творческие способности учащихся и выявлять уровень понимания литературного текста.

Литература

1. Видеоплейлист «Буктрейлеры к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин»» / Tatiana Taradenko // URL: <https://youtube.com/playlist?list=PLIPA MmM9Gw5FgXVIV6iTGalTdx3WZ0Op> (дата обращения: 20.10.2021).
2. Добрянская А. Бройлерные трейлеры // Октябрь. 2012. Т. 3. // URL: <https://magazines.gorky.media/october/2012/3/brojlernye-trejlerj.html> (дата обращения: 13.10.2021).
3. Зимина Л.В. Буктрейлеры в системе рекламно-маркетинговых коммуникаций книжного дела / Известия высших учебных заведений: проблемы полиграфии и издательского дела. Т. 2. 2012. С. 170–179.
4. Ращупкина О.С. Буктрейлер как оригинальный перпендикуляр к тексту / Нижневартровский филологический вестник. Т. 1. 2019. С. 12–19.
5. Шевцова Н.В. Коммуникативная функция буктрейлеров к произведениям классической литературы / Челябинский гуманитарий. Т. 3. 2012. С. 68–74.
6. Щербинина Ю. Смотреть нельзя читать: буктрейлерство как издательская стратегия в современной России // Вопросы литературы. 2012. Т. 3. С. 146–165.

T.D. Taradenko

LEARNING A. S. PUSHKIN'S WRITING WITH DIGITAL TECHNOLOGY

The article analyzes book trailers for the novel by A.S. Pushkin's «Eugene Onegin». The genre characteristics of the book trailer and its variety, the criteria for evaluating the book trailer are given; defines the functions of the book trailer as a polycode text, evaluating the possibilities to use the creation of the book trailer as a special technology in the study of literature.

Keywords: book trailer; «Eugene Onegin»; A.S. Pushkin; polycode text; Russian literature; classic literature; digital educational technologies.

ОБРАЗ А. С. ПУШКИНА КАК КЛЮЧ К РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ДЛЯ ИНОСТРАНЦЕВ: СБОРНИК «БЕСЫ» ЭЛИФ БАТУМАН

Предметом анализа является образ А. С. Пушкина в сборнике Э. Батуман «Бесы». Особое внимание уделено приему остаранения, открывающему новый взгляд на русскую классическую литературу и ее классиков для иностранного читателя.

Ключевые слова: образ А. С. Пушкина, русская литература в полилингвальном мире, В. Шкловский, остранение, Элиф Батуман.

Сборник эссе американской писательницы и славистки Элиф Батуман вышел в 2010 году в США под заглавием «The Possessed. Adventures with Russian Books and the People Who Read Them» («Одержимые. Приключение русских книг и людей, которые их читали»). Именно так («The Possessed») было озаглавлено первое издание романа Ф.М. Достоевского «Бесы» на английском языке. Название «Одержимые», как признается автор в предисловии к русскому изданию, было крайне удачным, так как косвенно отсылало к Достоевскому, сохраняя при этом определенную дистанцию. Перевод книги на русский язык вышел в 2018 году под заглавием «Бесы», что не могло не заставить автора чувствовать себя неловко. Исчезнувшую дистанцию компенсировал сохраненный, но несколько видоизмененный подзаголовок «Приключения русской литературы и тех, кто её читает». «Бесы» – сочетание читательской автобиографии автора, филологического исследования с элементами травелога и иронического повествования о жизни современных американских студентов, одержимых (как говорит заглавие) русской литературой. Три главных сюжета этих приключений посвящены Пушкину, Толстому и Достоевскому, чьи тексты давно стали священными эмблемами русской классики. Взгляд со стороны на такие каноничные феномены культуры, как классическая литература, всегда интересен: в случае с Э. Батуман это особая погруженность в русскую литературу профессионального исследователя и писателя, отрефлексированная ассоциативная

связь себя («Я с детства чувствовала себя «не вовремя» и «не очень кстати») с русской литературой, которая по выражению В. Шкловского «...опоздала сравнительно с западноевропейской в своем появлении, но, появившись, осознала себя и мир по-своему» [5, с. 3]. Имя В. Шкловского несколько раз встречается в тексте произведения. Метод остранения, предложенный им в статье «Искусство как прием» – основа писательской стратегии Э. Батуман в разговоре о классической литературе и классиках, где имя А. С. Пушкина занимает центральное место. Этот метод применен автором уже во введении. Любовь к русской литературе воспринимается остраненно, через воспоминание истории Ганса Кастропа из романа «Волшебная гора» Томаса Манна. Как Ганс Кастроп очарованный женой русского офицера остался на семь лет в туберкулезном санатории, не болея туберкулезом, так и Элиф Батуман, не имея особых академических амбиций, очарованная «русским», провела семь лет в калифорнийском пригороде, изучая русский роман.

Проводником в таинственный, зачарованный мир «русского» для будущей писательницы стал роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин», а именно эпизод сна Татьяны, мистически повторивший события из жизни писательницы. Во время подготовки к годовому экзамену в музыкальной школе русский преподаватель, не менее таинственный, чем жена русского офицера из романа Т. Манна, постоянно менял список этюдов и гамм, которые нужно было выучить. Состав экзаменационной комиссии держался в строжайшем секрете, и на экзамене, как он повторял, могли попросить сыграть любое произведение. Появление преподавателя во главе этой комиссии было воспринято как мистическое повторение эпизода сна Татьяны Лариной из романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин», прочитанного Элиф накануне. Несомненно, героиню поразило мастерство Пушкина, соединяющего в эпизоде сна фольклорные мотивы, мистические намеки на будущие события романа, сходство жизненной ситуации и эпизодом из романа: «Мне показалось, что скрипичная комиссия тоже была предвосхищена и порождена Татьяниним сном и что появление преподавателя во главе этой комиссии послужило неким тайным предзнаменованием» [1, с. 10]. Так с пушкинского текста началось узнавание, сопоставление, проживание прочитанного, где ключевым образом надолго стала личность А. С. Пушкина, его произведения и герои. Хоть Э. Батуман и не бросилась немедленно искать ответы в национальной литературе преподавателя, этот случай хранился где-то на задворках сознания до того, как героиня не начала чтение «Анны Карениной» Л.Н. Толстого. Роман Толстого был воспринят как продолжение сюжета «Евгения Онегина», о чем, как Батуман узнала позже, писал Б.М. Эйхенбаум в своей статье «Лев Толстой. Семидесятые годы», где он характеризует «Анну Каренину» как продолжение «Евгения Онегина», а Анну Каренину называет реинкарнацией Татьяны [1, с. 11]. Так посте-

128 | пенно образ героини-читательницы, входящей в мир русской литературы, усложняется, перед нами предстает исследователь, осмысляющий идеи известных литературоведов, приобретающий свой собственный взгляд на русскую литературу, образ Пушкина.

Мотив «вездесущности» А. С. Пушкина в русской литературе и культуре реализовался в жизни автора и нашел отражение в одном из текстов сборника («Лето в Самарканде»). Желание серьезно изучать русский язык и русскую литературу парадоксальным образом приводит героиню не в Россию, а в Турцию, на историческую родину героини, где не менее парадоксально чувствуется присутствие поэта. Как известно, Пушкину в течение жизни не удалось побывать за границей, его заграничное путешествие состоялось постфактум, после того, как территории Российской империи в Средней Азии, где побывал А. С. Пушкин, стали территорией современной Турции. Впечатления о поездке в город Арзрум (ныне Эрзурум) легли в основу знаменитого пушкинского путешествия. Пребывание героини в Турции сопровождается чтением именно этого текста, и ощущение того, что на землю Турции когда-то ступала нога Пушкина, пишет автор, сравнимо с чувствами англичанина «узнай он, что в Англию заходил Иисус Христос» [1, с. 49]. Американка турецкого происхождения вместо практики в России по заданию журнала для путешественников «Let's go!», посещает турецкие достопримечательности и пишет о них тексты. По-настоящему ее занимают мысли о присутствии образа поэта в культурном пространстве: «Лето пролетало, а я все ездила ночными автобусами от одного неведомого города к другому, то задремывая, то пробуждаясь, я высматривала из автобусных окон пушкинские следы. Они могли быть где угодно!» [1, с. 50]. Размышляя о «вездесущности» Пушкина в русской культуре, Батуман вспоминает миниатюрную пьесу Д. Хармса «Пушкин и Гоголь», в которой Пушкин и Гоголь постоянно спотыкаются друг об друга; всплывает аллюзия на «Прогулки с Пушкиным» А. Терца. Исследовательнице не удастся «споткнуться» о какие-либо следы пребывания Пушкина в Турции, тогда она прибегает к своеобразной субституции: находит комические параллели пушкинского путешествия со своим. Как в «Путешествии» Пушкин сам постоянно сталкивается с одним дворянином по имени граф Пушкин (В.А. Мусиным-Пушкиным), так и выросшую в США Элиф Батуман, где это имя почти нельзя встретить, преследуют магазины («Одежда Элиф»), лавки и кафе («Бакалея Элиф»), цыганка, предложившая погадать также сообщает, что у нее есть дочь Элиф, советует опасаться женщин по имени Мария (дополнительный комизм: в культуре героини (Европа, США) Мария – одно из самых популярных имен). Пушкин скрывался от тайной полиции, она – от своей чрезмерно заботливой тети, служащей в национальной разведке. Пушкина в его поездке все время принимали за француза и дервиша, ее –

за испанку и паломницу. Пушкин в своем путешествии случайно находит испачканное издание своей ранней поэмы «Кавказский пленник», Батуман встречались издания журнала «Let's go!», тоже брошенные кем-то на улице. Ещё одной очень важной параллелью является внутреннее значение каждого путешествия – субституция, замещение желаемого места пребыванием в Турции. В случае с Пушкиным это субституция путешествия в Париж, город, о котором Пушкин мечтал всю жизнь, в случае с Батуман – замещение очень ожидаемого, но неудавшегося путешествия в Россию. Каждый путешественник – попадает в непростую межкультурную ситуацию «Пушкин, русский по происхождению, был вынужден балансировать между «Востоком» и англо-французской традицией путешествия, и я – точно так же, только между Турцией и раздражающим современным дискурсом «эконом-путешествия» [1, с. 50]. Удивительным образом, не попав в Россию, не узнав пушкинских мест, исследовательница приближается к личности классика. Стоит также вспомнить увлеченность Батуман не только русской литературой, но и русским литературоведением, работами В. Шкловского. Осмысленный в его теоретических трудах прием остранения используется в тексте Э. Батуман для создания образа А. С. Пушкина и свежего взгляда на этот образ, который можно назвать и проводником к новому видению и всей русской литературы (сборник посвящен приключениям связанным с личностью Достоевского, Толстого, Бабеля). Происходит «десакрализация» образа классика и классики для современного читателя так, чтобы дать ощущение «как видение, а не узнавание» [4, с. 13]. Также звучит идея Шкловского из его более ранней работы «Воскрешение слова»: «найти выход из автоматизма, чтобы видеть вещь, и что-то сказать о ней» [2, с. 39]. Новое видение открывает новый способ высказаться, такой, чтобы донести это видение до читателя. В «Путешествии в Арзрум» задачей Пушкина было найти способ рассказать о Кавказе по-новому, преодолеть давно сложившееся традиционно-романтическое восприятие [3, с. 37]. Учитывая свой опыт читателя и исследователя Э. Батуман, ставит перед собой в чем-то похожую задачу, но уже как писатель – рассказать о классике и классиках по-новому, так, чтобы узнавание сменилось видением, пониманием, живой вовлеченностью, вдохновляющей на исследование. Последующие главы сборника рассказывают о находках и приключениях героини во время изучения творчества И. Бабеля и подготовки масштабной бабелевской конференции в Калифорнии. Интерес к личности и наследию Л. Н. Толстого привел героиню в Ясную Поляну (глава «Кто убил Толстого?»). Исследование романов Ф. М. Достоевского в интерпретации французского философа Рене Жирара крепко связало жизнь автора с русской литературой и культурой и стало основой для сборника «Бесы. Приключение русской литературы и людей, которые ее читают».

Литература

1. Батуман Э. Бесы. Приключения русской литературы и людей, которые ее читают. М. : АСТ, 2018. 320 с.
2. Шкловский В.Б. Гамбургский счёт: Статьи, воспоминания, эссе (1914–1933). М., 1990.
3. Шкловский В.Б. Заметки о прозе русских классиков. М. : Советский писатель, 1953. 327 с.
4. Шкловский В.Б. О теории прозы. М. : Федерация, 1929. 268 с.
5. Шкловский В.Б. О русском романе и повести // Шкловский В.Б. Повести о прозе: в 2 т. – М. : Художественная литература, 1966. Т. 2. – С. 3–10.

D.S. Karitskaya

**THE IMAGE OF A.S. PUSHKIN AS A KEY
TO RUSSIAN LITERATURE FOR FOREIGNERS:
THE COLLECTION OF «BESY» ELIF BATUMAN**

The subject of paper is the analysis of the image of A.S. Pushkin in the collection of E. Batuman «Demons». The author also analyzes the main author's defamiliarizing technique, which opens a new look at Russian classical literature and its classics for a foreign reader.

Keywords: he image of A.S. Pushkin; Russian literature in the multilingual world; V. Shklovsky; defamation; Elif Batuman.

Научное издание

XXX–XXXI ПУШКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

Сборник материалов
по итогам Международных научно-практических конференций
«XXX ПУШКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ», «XXXI ПУШКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ»

Электронный ресурс

Материалы публикуются в авторской редакции.

Технический редактор *Н. Разумова*
Компьютерная верстка *Е. Васюкова*

Гарнитура Таймс. Формат А5.

Редакционно-издательский отдел
Департамента научной деятельности
Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6.
Тел.: + 7 495 330 88 01. Факс: + 7 495 330 85 65.
Эл. адрес: inbox@pushkin.institute
Сайт: www.pushkin.institute